МИХАИЛ ШИРВИНДТ

МЕМУАРЫ ДВОЕШНИКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги — известный продюсер и телеведущий Михаил Ширвиндт, сын всеми любимого актера Александра Ширвиндта. Его рассказ — настоящее сокровище на полке книжных магазинов. Никаких шаблонов и штампов — только искренние и честные истории. Александр Ширвиндт. При упоминании этого имени у каждого читателя рождается ассоциация с глубоким и умным юмором. Яблоко упало недалеко от яблони, и книга Ширвиндта Михаила пропитана все тем же юмором, иронией, — и, что особенно ценно, самоиронией. Видимо, это в семье родовое. С первых страниц книги автор приводит вас в свой дом, свою жизнь. Он рассказывает о ней без прикрас, не позируя и не стараясь выглядеть лучше, чем он есть. В книге, кроме семьи Ширвиндтов, вы встретитесь со многими замечательными людьми, среди которых Гердты, Миронов, Державин, Райкин, Урсуляк и другие. Автор доверил вам свою жизнь. Читайте ее, смейтесь, сопереживайте, учитесь на опыте и жизненных историях этой неординарной семьи.

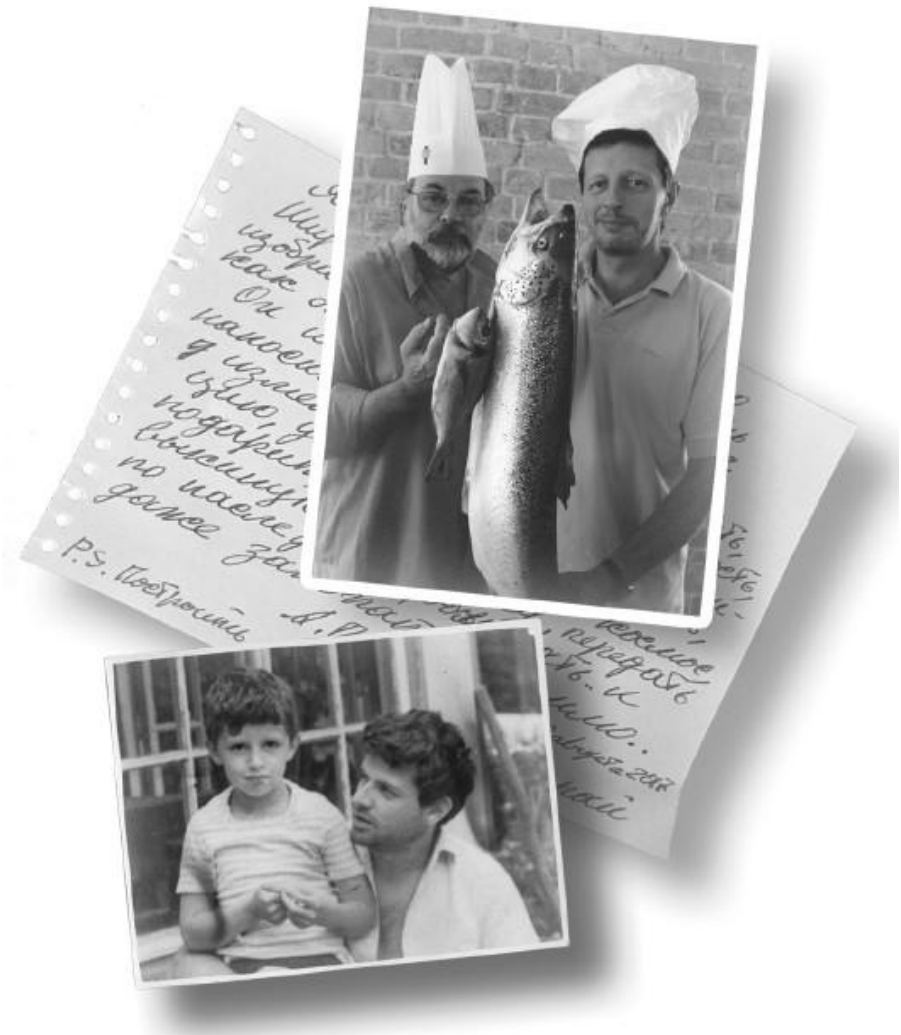
- Михаил Ширвиндт
  - Куда падают яблоки
  - Коляска
  - Родословная
  - Скатертный
  - Обыденский
  - Дача
  - Баба
  - Отдых
  - Лисмех
  - Андрей Миронов
  - Школа
  - Котельники
  - Фрифлэт
  - «Щука»
  - У Черного моря
  - Рома
  - Флаги
  - «Современник»
  - Светлячки
  - Москонцерт
  - «Самоцветы»
  - Снова «Щука»

- Райкин
- Урсуляк
- Концерты
- Фиорди
- Прощай, комедиант!
- Кинокухня
- МММ
- Телеведущий
- Отцы и дети
- Скрепы

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Михаил Ширвиндт
Мемуары двоечника

Куда падают яблоки



$F = G(Mm/r^2)$ — выскочило из головы Исаака вместе с шишкой, образовавшейся от падения яблока. Так старик Ньютон сформулировал закон всемирного тяготения, а говоря простым языком, объяснил нам, как падают яблоки… правда, ни словом не обмолвился, куда они падают.

Вот тут-то на помощь пришла русская мудрость, пришла и заявила: «Яблоко от яблони недалеко падает». И на всякий случай добавила: «От осинки не родятся апельсинки», — видимо, желая объяснить простым языком расхожую истину: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?» (Матфей 7:16).

Все логично и не вызывает сомнений. Однако в детстве на даче я своими глазами видел, как во время жуткого урагана яблоки летали по всему участку и разбивали стекла на веранде метрах в двадцати от яблони. «Как же так? — переживал я. — Рушатся законы мироздания и русские мудрости!»

— Успокойся! — сказал Альберт Эйнштейн. — Все относительно.

И я успокоился. Но ненадолго.

«Сын за отца не отвечает», — заявил Сталин. (Потом спохватился и посадил дочерей, жен, братьев, сестер и прочих домочадцев.)

Окончательно запутавшись, я решил написать эту книгу, чтобы и за отца ответить, и за себя постоять, чтобы законы вернуть на место, да и с яблоками разобраться… тем более что родился я под Яблочный Спас, в середине августа.

Коляска

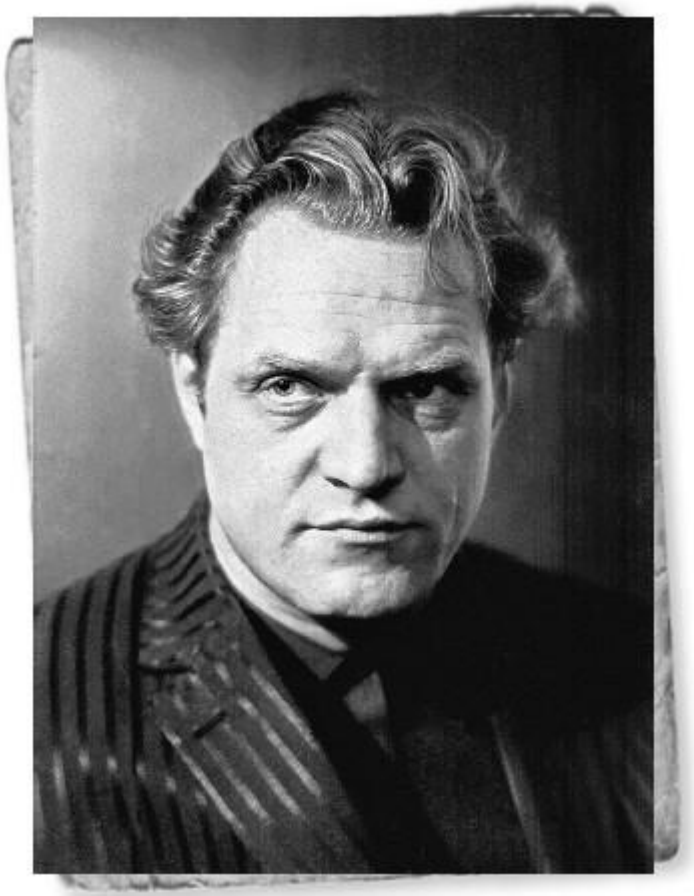
Я появился на свет года за два до своего рождения! Есть даже фотография, где родители умильно склонились над моей коляской. Все такое летнее, солнечное. Мама и папа счастливы, колясочка ажурная… Наверное, это самая трогательная фотография моего детства, именно она во всех папиных мемуарах иллюстрирует появление долгожданного сына! Но есть один нюанс: на этой картинке я появился только как медийный персонаж! Непонятно? Приглядитесь внимательнее к коляске… Видите?.. Нет?.. А сейчас? Да! Правильно! Она пуста!!! Дело происходит на съемках. Моя будущая мама приехала проведать моего будущего папу, и там, в реквизите, нашлась очень красивая коляска. Родители просто сфотографировались на ее фоне! Ну а чего еще ожидать от молодого актера? Но мама-то, мама! Начинающий архитектор! Ох! Кстати, никогда после ни у меня, ни у моих детей и внуков не было такой красивой плетеной колясочки! Нет, я вовсе не обижен на родителей за эту милую мистификацию. Наоборот, благодарен этому предмету реквизита! Может быть, фотка-шутка и натолкнула их на мысль… Кто знает.

Та самая коляска

В общем, так и пошло… Как говорится, маленькая ложь порождает… уж не помню что. Но неважно, продолжим.

Долгожданным был не мальчик, а девочка! И если бы не Леонид Марков, папин старший товарищ по «Ленкому», так бы девочку и ждали! Леонид Марков был не только замечательный артист, но и известный в Москве красавец и сердцеед! И вот как-то в гримерке мой будущий молодой папа поделился с коллегами своей мечтой о дочери… Все вяло умилились, и только Марков отнесся к мечте утилитарно. Он поведал страшную историю, которая сыграла важнейшую роль в моей самоидентификации. Привожу по памяти (папиной) этот рассказ. «Представь себе, старик, родилась у тебя миленькая такая девочка, ангелочек, — начал Марков. — Назвали вы ее, конечно же, Фирочкой. Все в ней души не чают. Фирочка растет, цветет. И вот ей уже восемнадцать. И вот уже поздний вечер, а ее все нет. Вы с Таточкой лезете на стенки… Как вдруг открывается дверь и входит Фирочка, а позади нее стою я и говорю тебе:

«Здравствуйте, папа»…И после паузы добавил: «Старик, тебе это надо?» Нужно ли говорить, что после этого к девочке папа поостыл. И дальше как в сказке: думали они, думали… но делать нечего, пришлось рожать мальчика!



Жених Фирочки

Тут тоже история запутанная. Когда родители отмечали золотую свадьбу, мне исполнилось 52 года! То есть я постоянно не вписывался в протокол: два года мой дух витал над пустой коляской, а потом я все-таки появился, но за два года до свадьбы. Но и это еще не все! Медицинские справочники говорят, что если ребенок рождается на седьмом месяце, это не страшно. Нормально и когда чуть позже девятого. Страшно, если на восьмом! Продолжать надо?.. Да! Я родился именно на восьмом месяце! Мама на даче гуляла с моим годовалым кузеном Кутей, как вдруг — гроза! Кутю на руки и бегом домой. Было это, как сейчас помню, 13 августа, потому что 14-го родился я.

Вы спросите, а где же был счастливый отец, когда все-таки после стольких фальсификаций ребенок родился на самом деле? Папа был на гастролях в Башкирии, на родине знаменитого вересового меда. В общем, при первой возможности папаша с радостью на сердце и с медовыми сотами в руках грузится на

ТУ-104 и мчится в Москву. ТУ-104, в то время флагман советской авиации, был, по сегодняшним меркам, не самым комфортабельным лайнером. Места было мало, полочки для багажа микроскопические, поэтому верхнюю одежду вешали в шкаф при входе. И вот туда, на полку для шляп, папа и положил содержимое нескольких ульев. Может быть, это промышленное количество меда и натолкнуло папу на идею назвать мальчика Мишей — не знаю. Счастье, что он не прочитал тогда башкирскую народную сказку «Медведь и пчелы». По-башкирски медведь «Айыу»! Представляете, Айыу Александрович Ширвиндт!!!

Но вернемся к самолету и меду. На улице было прохладно, в самолете жарко, мед начал таять… В общем, когда в Московском аэропорту открыли шкаф, вся одежда пассажиров была покрыта толстым, но равномерным слоем знаменитого башкирского меда! Папа малодушно сбежал, но если кто-нибудь из жертв этого липкого инцидента не умер на месте и дожил до сегодняшнего дня, пусть знает, кто организовал им сладкую жизнь в столице родины!

А что же наш малыш? Мы о нем совсем забыли! Малыш рос, хорошел день ото дня: спадала желтизна, разглаживались морщинки, начал выпрямляться крючковатый носик — одним словом, пупс! И вот тут в гости к родителям, а заодно и глянуть на чудо, пришел Аркадий Арканов — друг. Счастливая мать подвела его к коляске, сорвала покрывало (или что там срывают для пущего эффекта?):

— Ну, смотри!..

Невозмутимый Арканов посмотрел на чудо долгим профессиональным взглядом, потом повернулся к маме и сказал:

— Таточка, не волнуйся, я врач, я знаю, что говорю! Все это не так страшно. Он еще маленький, еще все может измениться. Он, скорее всего, выправится! Не переживай!.. — Говорил он все это человеку, который считал, что содержимое коляски — самое прекрасное произведение природы и если не эталон красоты, то очень близок к нему… После этих смотрин мама два года не разговаривала с Аркановым.

Ну не такой уж и страшный

Родословная

Все эти мистические и скандальные моменты детства открылись мне значительно позже, а тогда я жил себе веселой и шумной детской жизнью в роскошной девятикомнатной квартире в самом сердце Москвы — в Скатертном переулке. Главным достоинством этих хором для меня было — общение! Какому еще ребенку доводилось разделять любовь сразу пятнадцати домочадцев! Не знаю, можно ли называть домочадцами соседей по коммунальной квартире, но для меня все они были как родные. Публика была разношерстная: интеллигентная и не очень; от рафинированных барышень до милейшего алкоголика Васи, которого в подпитии боялись все, кроме меня и, конечно же, моего папы, всегда способного найти общий язык и с Васей, и даже с рафинированными, что особенно ценно.

Этот папин конформизм, наверное, послужил основой образования нашей довольно «сложной» многонациональной семьи. Хотя нет, с многонациональностью я погорячился — их у нас было и есть всего две, зато чистейшие! По маминой, абсолютно русской линии, — столбовые дворяне и купцы высших гильдий; по папиной — чистокровные евреи литовского и одесского разлива. Предание гласит, что нашими русскими предками были знаменитые путешественники Семенов-Тяньшанский и Миклухо-Маклай! (Папа настаивает, что и лошадь Пржевальского была из наших). У мамы даже сохранилась грамота с императорской подписью и печатью, начинающаяся словами «Мы, Николай Первый, Император и Самодержец Всероссийский…», согласно которой Император Николай I присвоил моему прапрадеду Павлу Белоусову за его заслуги перед Москвой звание ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНИНА города Москвы.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

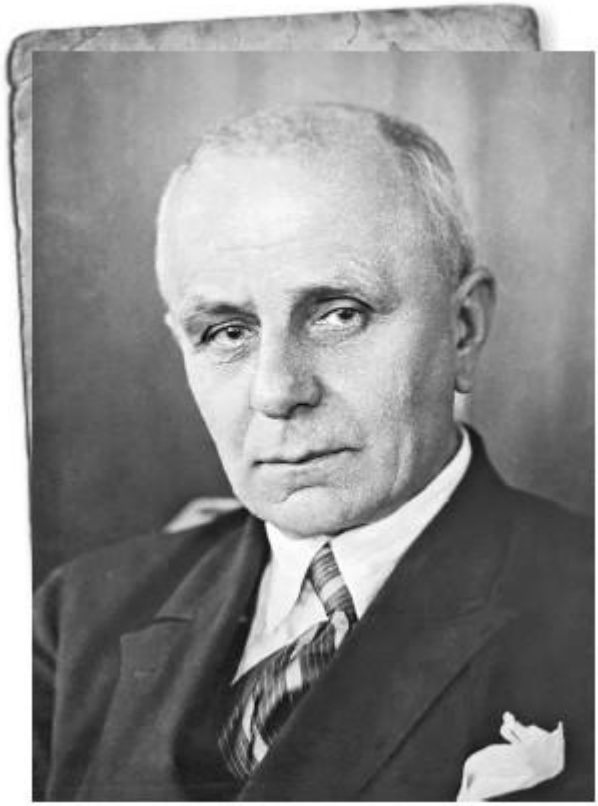
ВСЕРОССІЙСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Манифестомъ НАШИМЪ въ 10-й день Апрѣля 1832 года, установлено сословіе Почетныхъ Гражданъ, на правахъ въ ономъ предначертанныхъ; а какъ вѣрноподданный НАШЪ Московскій второй гильдіи купецъ Павелъ Бѣлоусовъ, представленными законами доказалъ право на потомственное Почетное Гражданство, то взводя онаго Московскаго второй гильдіи купца Павла Бѣлоусова съ потомствомъ въ сословіе Почетныхъ Гражданъ, Всемилостивѣйше повелѣваемъ пользоваться имъ, сынъ и его потомству всѣми правами и преимуществами, Манифестомъ НАШИМЪ сему сословію дарованными; во свидѣтельство чего повелѣли Мы сію Грамоту Правительствующему Сенату подписать и Государственною НАШЕЮ печатью укрѣпить. Дана въ Санктпетербургѣ дня 1838 года.

Мамин дедушка академик Владимир Николаевич Семенов был долгие годы главным архитектором Москвы. По его плану столица строилась до недавнего времени, до эпохи точечных застроек. Прабабушка, Алевтина Михайловна, была вообще столбовой дворянкой! (кстати, от нее я получил один из главных уроков своей жизни. Когда крестьяне родового Воронежского имения подавали ей малину, близорукая прабабушка снимала очки и с удовольствием ела прекрасные, одна к одной ягоды, только что сорванные с куста. Если бы она осталась в очках, то наверняка обнаружила бы какие-нибудь червоточинки, а то и самих червячков. И все… и радость уже не та. И ты уже полностью сконцентрирован на поиске изъянов. И малина не в малину. И вот я, всю жизнь руководствуясь этим принципом, чуть что «снимаю очки»… И это «чуть что» становится приятным и безопасным. Много раз я бывал наказан за это, но по-прежнему продолжаю смотреть на проблемы сквозь прабабушкины «розовые очки». Ведь как мы знаем из букваря — «Добро всегда побеждает зло!»). Что же касается папиных предков, то они город не строили — город носил их (нашу) фамилию! Да-да, был в Литве на границе с Россией город Ширвиндт или Ширвиндас, в настоящее время, увы, полностью разрушенный. У папы даже написана книга «Ширвиндт, стертый с лица земли».

Может быть, эта чистота двух не самых совместимых кровей и сделала меня «безродным космополитом». Я с иронией отношусь и к той и к другой нации и считаю, что гордиться только своей национальностью — удел унылых неудачников. Ну да ладно…



Прадед, который построил Москву

Так вот, в коммуналке мы жили «по еврейской линии». В двух небольших комнатах: бабушка, дедушка, мама, папа и я. Дедушка Анатолий Густавович (Теодор Гедальевич) Ширвиндт был прекрасным скрипачом, музыкальным педагогом, играл в Большом театре, выступал с концертами на фронте. При этом был человеком очень застенчивым и мягким. Увы, ни его музыкальное дарование, ни застенчивость не передались по наследству ни папе, ни мне! Хотя скрипочкой папу мучили много лет, но дальше «Сурка» он не продвинулся.

Дед — единственный член семьи, кому не наступил на ухо медведь

«Сурок» — очень трогательная песенка на музыку Бетховена и стихи Гете — была вроде азбуки для юного скрипача. В русском переводе выглядит примерно так:

По разным странам я бродил,
И мой сурок со мною.
И сыт всегда везде я был,
И мой сурок со мною.

Припев:

И мой всегда, и мой везде,
И мой сурок со мною.
И мой всегда, и мой везде,
И мой сурок со мною.

Эх, как жаль, что дед не дожил до триумфа своего нерадивого

ученика! Если бы он только мог увидеть, как его сын мучает скрипку и «Сурка» сольно или под не менее корявый фортепьянный аккомпанемент Андрея Миронова, выступая в Большом зале консерватории, в зале Чайковского и даже в Большом театре, и все это под овации публики, он наверняка решил бы, что мир сошел с ума!

А впрочем, может быть, он все это слышит и видит, и смеется вместе с тысячами зрителей, кто знает… Дай Бог!

Дед умер, когда я был совсем маленьким. Я запомнил его, как что-то очень мягкое и доброе.

Главное — серьезное лицо

Бабушка, или как я ее звал — Баба, Раиса Самойловна Ширвиндт (урожд. Кобыливкер), родилась, естественно, в Одессе. А где еще может родиться барышня, папа которой носит гордое и красивое имя Ицхок-Шмуэль Аронович Кобыливкер?!

«Сурок», соло на скрипке — А. Ширвиндт, партия фортепьяно — А. Миронов

Работала бабушка редактором Московской филармонии, ее знала и любила вся богемная Москва. И несмотря на то, что она ослепла, когда я был совсем маленьким, она сохранила такую энергию и жизненную силу, что многие зрячие могли ей позавидовать! На этом я тему «Бабушка» временно закрываю, так как она заслуживает отдельной одноименной главы!

Скатертный

В нашей коммуналке было шумно и весело. Я шастал по соседям, выклянчивал какие-то интересные штучки. Я с нетерпением ждал толстую хлебницу, которая, как и веселая молочница молоко, приносила каждый день корзину теплого хлеба. Я обожал старьевщика, который раз в неделю проходил по Скатертному переулку и кричал: «Старье берем!» И если удавалось упереть какой-нибудь старый бабушкин халат или на худой конец стопку газет, то можно было это обменять на шарик из папье-маше с резинкой!

А прогулочная группа, куда меня водили несколько лет! С детскими садами было туго, поэтому появились специальные старушки-гуляльщицы. Они набирали группу из восьми-десяти детей и гуляли с ними на Гоголевском или Тверском бульварах часа по три в день. Все было здорово, кроме отсутствия удобств. Если тебе хотелось по-маленькому (о большом даже страшно было подумать), тебя вели за песочную будку, снимали штаны и говорили:

— Ну, сикай! Пыс-пыс-пыс!

Я это ненавидел! Особенно это «Ы»! Фу! А еще у меня там был друг Пашка! Когда неумные взрослые спрашивали:

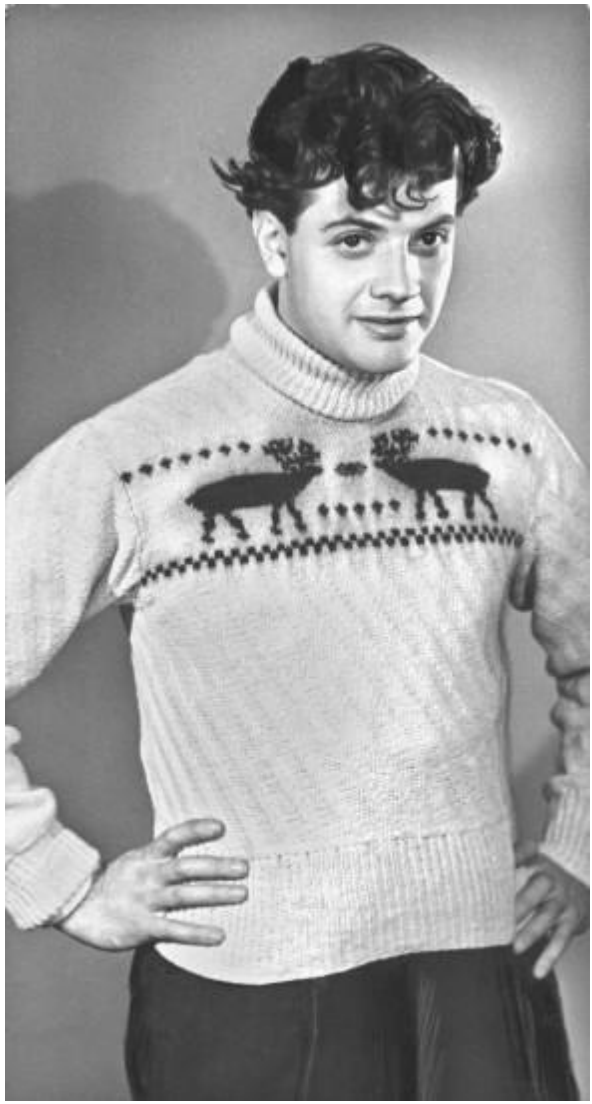
— А кого ты больше любишь, маму или папу?

Я отвечал:

— Сначала Пашку!

С Пашкой мы менялись. Кусок рогаточной резинки — на крупную пуговицу, большой болт — на пистоны и т. д. Однажды он принес сумасшедшей красоты резную деревянную палочку-трость — я был покорен! Я предлагал несметные сокровища взамен, и в итоге Пашка милостиво согласился принять все ордена и медали моего деда. (Во время войны дед и бабушка выступали на всех фронтах с концертами и получали за это в награду ордена и медали.) Сделка состоялась, причем палку пришлось засунуть через ворот в штаны, чтобы не застукали. Тут уж не то что «пыс-пыс» — я еле дохромал до дому!

Трость я спрятал под кровать и затаился. Увы, если бы меня разоблачили сразу, ордена еще можно было бы вернуть… А так, когда через пару месяцев нашли под кроватью палку, о которой я даже и не вспомнил, то было поздно! Награды прошли длинный путь обменов и нашли своего героя… Имя его неизвестно, а я получил по шее!



В тот день ставили на оленей

Иногда меня выпускали одного во двор, где у меня тоже водился друг. Его звали Хабибуль Хабибулин, и он был одним из четырнадцати детей нашего дворника. Во дворе мы гулять могли, а если идти на бульвар, то туда надо было быть отведенным. И вот, как-то мне звонит Хабибуль по телефону. Да, у нас был телефон! Огромный черный с ушами, он висел в коридоре, и по нему изредка кто-нибудь разговаривал. Изредка, потому что персональные телефоны были в то время далеко не у всех. У дворника телефон был. Так вот, звонит Хабибуль… а в это время моя мама лежала в больнице с переломом ноги, бабушка, как я уже говорил, не видела, и тут входит в квартиру папа. Он

вернулся с ипподрома, куда они с Аркановым ходили при любой возможности. Наверное, они много выиграли, иначе чем объяснить, что папа был днем слегка «выпимши», и, конечно же, вовсе не из-за этого, а из-за лежащего на пороге ботинка он споткнулся и упал к моим ногам. Хабибуль тем временем звал меня идти гулять на бульвар… И вот что услышал лежащий на полу в коридоре папа.

— Нет, Хабибуль, дорогой, я не пойду гулять, меня некому отвести: мама в больнице, бабка слепая, папка пьяный валяется…

Можете представить себе, что подумали о жизни богемы в семье дворника?

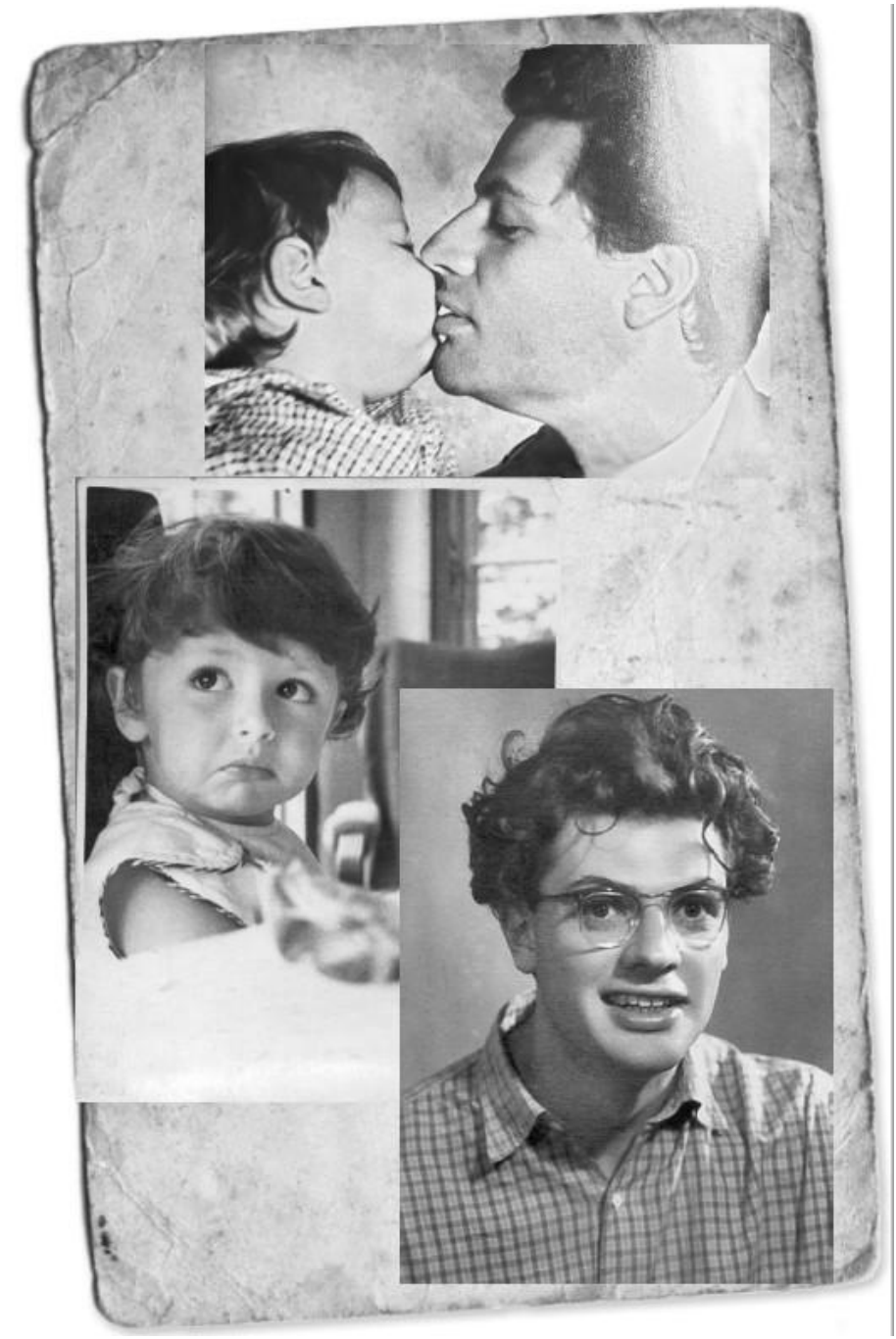
Иногда мы с папой ходили гулять! Это всегда было событие! Мы шли по Медвежьему переулку, поворачивали в Столовый… Если это была весна, то я обязательно запускал лодочки по ручьям из тающего снега! Этим занимались все дети. Они для этого специально вырезали из досочек кораблики, втыкали мачты, делали из конфетных фантиков паруса… У меня всегда руки росли из… какого-то другого места, поэтому я запускал баржи, то есть спичечные коробки, но все равно это было классно! Куда это все девалось? Где теперь «журчат ручьи»? А если все же удастся сегодня найти в Москве талый ручеек и запустить в него кораблик, то он растворится, не доплывя до стока.

Так вот, мы шли, я читал по буквам афиши, и это, наверное, был самый большой папин вклад в мое образование! Особенно трудно мне давались исполнители с буквой «р», которую я не выговаривал: Рихтер, Шпиллер, Ростропович не входили в число моих фаворитов, а папа именно ими меня и мучил! Единственный, кого я любил, был Ойстрах: уж очень смешно он звучал по слогам! Я от отчаяния даже сочинил стишок, чтобы и рыбку съесть, и Рихтером не подавиться. Вот он:

Рыба плывет под водой,
Рак охраняет рыбий покой.

И вот мы подходим к магазину «Консервы» (опять «р»). Это был знаменитый старинный магазин. Он располагался в доходном доме, где теперь торгуют фарфором. Внутри были не то фрески, не то картины, изображающие овоще-фруктное изобилие. Но главный арт-объект находился сразу у входа. Отдел «Соки-воды»! Широченный мраморный прилавок, приспособление для мытья посуды, стакан с мокрой красной солью, в другом стакане плавала ложка, чтобы солить томатный сок, белая тетенька в кокошнике… и штатив с соковыми конусами! Рай! Но и это еще не все: когда конус пустел, тетка снимала его со штатива,

закрепляла на толстенную цепь, кричала куда-то вниз что-то типа «Бу-бух! Бах! Нах! Ма-мах! Ух!» — и цепь вместе с пустым конусом уходила в преисподнюю! А оттуда наверх с лязгом выползал новый, наполненный до краев соком сосуд! О!



И я, и, по-моему, папа могли часами наблюдать это таинство рождения, выпивая один за другим несколько стаканов сока, чтобы быстрее освободить емкость.

Как правило, на этом прогулка и заканчивалась, потому что после восьми стаканов сока бежать за будку «пыс-пыс» было дальше, чем до дома. И мы, довольные, возвращались.

Я мужал, взрослел. Мне грянуло семь. Пространство двора уже тяготило нас с Хабибулем. Повсюду были соблазны: газированная вода, мороженое, пирожки с «павидлой» и прочие деликатесы, да и соки не надо сбрасывать со счетов. Ведь папа же не резиновый, словом, остро обозначилась финансовая проблема! И вот как мы совместили пространство и деньги… Билетные аппараты в троллейбусах и автобусах были тогда, мягко говоря, «полуавтоматические». Металлический ящик для денег с прозрачной крышкой с прорезью для монет, стальная пластинка-весы, на которую эти монеты сыпали, и катушка с билетами, которые ты сам себе и отматывал. Проезд в автобусе стоил пять копеек, но если у тебя была только двадцатикопеечная монета, то ты, показывая ее вновь вошедшим пассажирам, говорил: «Не опускайте, пожалуйста». Собирал с них пятнадцать копеек, а двадцать бросал в кассу и отрывал четыре билета: три раздавал, один брал себе. Понятно объяснил? Словом, сплошная честность и доверие!

И тут — пам-пам! — появляемся на арене мы с Хабибулиным! Поверьте, дорогие судьи, мы не знали, что совершаем преступление! Мы слышали от мам и пап это: «Не опускайте, пожалуйста», видели, как им давали деньги и они отрывали всем билеты. Вот и мы, удрав со двора, садились в любой троллейбус или автобус и колесили по Москве, отрывая всем желающим билеты и не забывая набивать карманы монетами. По прошествии нескольких поездок все дворовые мальчишки ходили табунами за нами с Хабибулем, и мы щедро угощали всех желающих «павидлой» с сиропом!

Удивительно, что нас ни разу не разоблачили ни контролеры, ни сами пассажиры. Они, вероятно, думали: «Дети, ну что с них взять…» А взять можно было много: рубля по полтора с носа!

Разоблачили

Застукал меня кто-то из родительских знакомых: «Ой, а мы вашего Мишеньку вчера видели в Сокольниках, он там покупал мороженое». Ну кто их тянул за язык?! И да, я покупал мороженое, потому что ждал автобус — у меня там была пересадка. Им какое дело? В общем, спалился! А дальше: серия перекрестных допросов, очные ставки, пытки — и вся картина как на ладони.

На этом закончились мои увлекательные путешествия по Москве, да и счастливое детство в Скатертном переулке.

Обыденский

Отвлечемся ненадолго от еврейской коммуналки и перенесемся в русские хоромы моего прадеда.

Про В. Н. Семенова написано несколько книг. И действительно, личностью он был выдающейся! Недолго поработав инженером после института, бросил все и в составе добровольческого отряда уехал в Трансвааль, где воевал в англо-бурской войне на стороне буров, дружил с молодым журналистом Уинстоном Черчиллем, после ранения вернулся в Россию и тут же иммигрировал с семьей в Великобританию, так как его жена, моя прабабушка, была ярой революционеркой! В Англии построил первый город-сад в Летчуэрте, вернулся в Россию, создал несколько архитектурных шедевров — например, дворец Эмира Бухарского в Железноводске (как звучит, а!). Дальше — больше. Занимался планировкой городов: Астрахани, Ярославля, Хабаровска и других, восстанавливал Сталинград после войны, построил дачу… и тем самым заложил основу дачному кооперативу НИЛ («Наука. Искусство. Литература») в Новом Иерусалиме и, наконец, построил первый в СССР кооперативный трехэтажный дом в Обыденском переулке. Последние два сооружения сыграли важнейшую роль в папиной и, как результат, в моей жизни!

Друг Черчилля

Прадеду «За выдающиеся заслуги» выделили квартиру на третьем этаже этого дома — и вот это были хоромы! Там было пять (!) комнат, включая комнату для прислуги! Огромный зал, или гостиная, полукруглый кабинет, длинный коридор… Мы с моим кузеном Кутей (помните, из-за него я родился чуть раньше?) гоняли на велосипедах по всем закоулкам этой квартиры. До сих пор, когда я читаю Толстого, Чехова, Булгакова, у меня все события ассоциируются с домом в Обыденском. Там проходил бал Наташи Ростовой, там жил и работал профессор Преображенский, и даже знаменитый Ниро Вульф Стаута восседал в своем огромном кресле, только почему-то не в кабинете, а в гостиной.

Я уже говорил, что вовсе не тяготился жизнью в коммуналке. Но эта квартира вселяла в меня какой-то трепет. До сих пор не могу представить себе что-то более аристократическое, чем этот дом.

Слева направо: Кот Билька, мама, папа

Там устраивались детские и взрослые спектакли, шумные елки, мы играли в лото, нам читали сказки… Ах! Мой дедушка (мамин папа) Николай Павлович Белоусов был, пожалуй, единственным человеком в моем роду, у которого руки росли из правильного места. Я часами торчал в его кабинете-мастерской и просто смотрел — неважно на что: дед либо что-то сооружал, либо чинил наши вечно ломающиеся игрушки и велосипеды, либо

запускал паровую машину! Ах! А еще там был телевизор! Мы с Кутей сидели как завороженные и часами смотрели в этот таинственный ящик, даже не замечая, что пообедали. Тогда же и возникло мое любимое блюдо «замурца»: нам давали котлету с картошкой на тарелке, мы разминали все это до однородной массы и ели, не отрываясь от телевизора. Кто придумал этот кулинарный шедевр, Кутя или я, — неизвестно, но, думаю, что сейчас для барышень, глядящих неотрывно в свой мобильник, он бы пришелся очень кстати.

Миша и Кутя

Да, что-то я раскутькался: Кутя, Кутя! Кутя — мой двоюродный брат Николай Владимирович Белоусов, известнейший архитектор, который строит самые красивые деревянные дома в России! Кутей он себя называл в детстве — ну и прилипло. Вообще, мои знаменитые родственники-зодчие в кругу друзей звались странновато. Прадеда звали Дуда, дядю — Вока, брата — Кутя, и даже бабушку и дедушку мы почему-то звали Баба и Дида! Я тоже, когда был совсем маленьким, бил себя в грудь и говорил: «Я — Мыка!» Не прижилось! То ли архитектурного дарования не хватило, то ли фамилия Ширвиндт дает слишком широкий простор для кличек и вариаций.

Мой любимый дядя Вока, Владимир Николаевич Белоусов, — конечно же, архитектор, академик РААСН — ездил довольно часто в заграничные командировки и привозил оттуда неслыханные вещи, точнее, невиданные! Например, кокосовый орех! Мы знали из книжек, что такие орехи есть и что в них даже водится кокосовое молоко, но были уверены, что растут они только в сказочных лесах несуществующей Африки. А тут — на тебе! Вот он! И какого же волшебного вкуса было это молоко! Мы пили его несколько недель и не могли напиться! И нам, двум маленьким наивным детишкам, не приходило в голову, что не могло в один орех поместиться столько молока, что нас поили разбавленной сгущенкой… И слава богу! Спустя много лет где-то в Азии я попробовал настоящее кокосовое молоко… Какое же это было разочарование! Сладкая липкая мутная вода! Мораль: иногда обмануть ребенка — не грех.

Не могу не добавить ложку дегтя в банку счастливого детства. Вернее, могу не добавлять, но добавлю! Игрушки у Кути были лучше! Можно было бы на этом и остановиться, но нет, продолжу. Вока привозил из-за границы маленькие английские машинки, точные копии оригиналов, которые мы, впрочем, тоже никогда не видели. Они были на рессорах, у них открывались дверцы, они… Они были неописуемой красоты, и их было очень много! А еще у них была железная дорога! (Написал «у них» и почувствовал себя злобной завистливой старушкой-соседкой, а впрочем, такой я, наверное, и был.) Железная дорога раскладывалась и занимала две комнаты. Там были мосты, станции, семафоры, разного типа поезда… А если добавить туда расставленные повсюду машинки — то все, психика ребенка из коммуналки нарушена навсегда! На мои стоны и слезы невыездными родителями все же была куплена в «Детском мире» железная дорога… Она была метр в диаметре, и там, кажется, даже был поезд… В общем, сказал, что добавлю дегтя, и добавил! И чтобы уж добить тему, приведу одно из детских высказываний, которые всегда так трепетно собирают и хранят бабушки. Так вот, Кутя сказал: «У нас с Мишкой все игрушки общие… кроме моих!»

Впоследствии квартиру на Обыденском разменяли, и все ветви нашей большой семьи в результате получили отдельные квартиры.

Многие годы, проходя мимо этого дома, я мечтал хоть одним глазком взглянуть на былую роскошь, но все как-то не мог набраться наглости… И вот однажды, пару лет назад, я сидел в машине около нашего дома, разглядывал стеклопакетные окна кабинета, как вдруг меня торкнуло: именно из-за этих дурацких привычных стеклопакетов я увидел реальные пропорции! И — о

ужас! — квартира мне увиделась не такой уж и огромной, да и потолки, судя по всему, низковаты для бального зала… Просто и я, и трехколесный велосипед были очень маленькие! Я был потрясен этим открытием и возблагодарил Бога, что так и не попросился заглянуть внутрь! И, слава богу, детский образ этого дворца уже никогда не испарится из моей памяти. И бал Наташи Ростовой всегда будет проходить в кабинете прадеда.

Дача

Дачу прадед построил в 1935 году. Место для будущего поселка он выбрал сам: покрытый лесом холм, у подножия которого течет речка Малая Истра. Некоторые скептики называют ее ручьем, и действительно есть места, где реку можно перейти вброд, закатав по щиколотку штаны. В одном из своих рассказов Фазиль Искандер написал: «В нашей речке по уши, если встать на голову». В целом это описание подходит и к нашей Истре, но все же там встречались омуты и разливы, в которых мы, маленькими, сидели с мая по сентябрь, не вылезая. При всей своей неказистости Малая Истра, тем не менее, является самой быстрой равнинной рекой в Советском Союзе (официальная информация), и, наверное, поэтому температура воды в ней в самые жаркие дни поднимается аж до 18 градусов! Ничего этого мы тогда не знали: дети же не читают справочники и не носят с собой градусники. Мы, синие, с дрожащими от холода губами, сидели часами в этой проруби и были… (мой умный компьютер-подсказчик, написав эту фразу, предложил мне вариант «госпитализированы» — но нет!)… мы были счастливы! Да и вообще, дача и счастье для меня — синонимы.

Поселок, начавшийся с нашей дачи, постепенно превратился в оазис советской интеллектуальной элиты. Здесь жили писатели Бабель и Эренбург, академики Веснин, Сулержицкий, музыканты Ойстрах, Шпиллер, знаменитые художники, ученые, архитекторы, врачи (впоследствии «вредители») и, конечно же, выдающиеся актеры: Дикий, Леонидов, Захава, Журавлев и всякая мелочь типа Олега Табакова и моего папы (мелочь, естественно, в номинации 50–60-х годов).

Участки тогда давали огромные, по гектару на человека. Наличие соседей с трудом угадывалось в ближайшем лесу, правда, и признаки цивилизации пробивались с большим скрипом. И до сих пор на половине дач — летний водопровод, печка для тепла, газовый баллон для готовки. Мы относимся именно к этой половине. Но зато наш дом! Наша терраса!!!

Дача

Сам сруб прадед привез откуда-то из Тамбовской губернии. Сруб и сруб, ничего особенного, а дальше — читай выше… Человек, который воевал в Трансваале и строил в Англии город-сад, легким движением руки и рейсшины сотворил архитектурный шедевр: террасу и балконы в «англицком» стиле. Во многих известных зарубежных журналах по дизайну и архитектуре наша терраса приводится как эталон дачного стиля! Мой сын Андрей недавно был на приеме у главного редактора крупного издательства, там всю стену кабинета занимала огромная фотография. Сорок минут Андрей на нее то и дело поглядывал, и, наконец, редактор, видя его интерес, небрежно бросил:

— Это фрагмент террасы одного очень известного архитектора.

— Ну да, — сказал Андрей, — а еще это моя дача.

Реакцию редактора нафантазируйте сами.

Терраса и вечные собаки… Ах да, еще папа

Так вот, именно там, в НИЛе, и произошла историческая встреча моего папы и моей мамы! И если мама была аборигеном и жила в своем имении, то папа в качестве бедного родственника-дачника проводил каникулы на даче Дмитрия Николаевича Журавлева, знаменитого актера, чтеца и друга дома моих бабушки и дедушки.

Дети всех этих академиков, писателей и актеров, естественно, образовали молодежную тусовку, которая породила (в прямом смысле этого слова) следующие поколения НИЛьских обитателей!

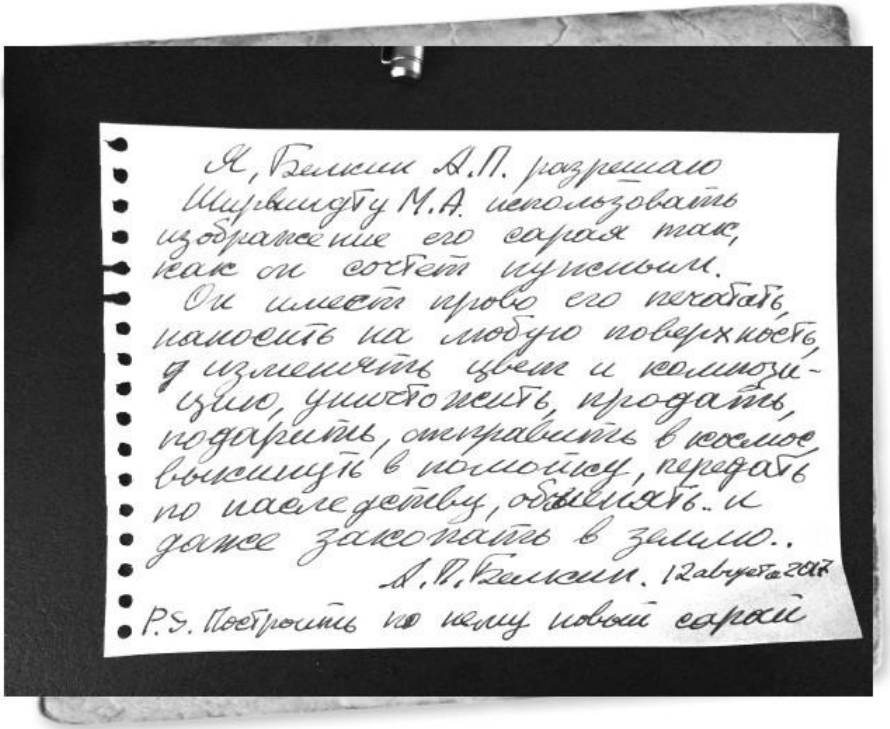
Ах, как же прекрасно проводили досуг подростки 50-х! Они купались в речке, гоняли на великах, рубились в волейбол с «санаторскими», а по ночам жгли костры и танцевали в лесу под патефон! И этот патефон был единственным гаджетом на весь поселок!

Вы можете себе представить что-нибудь подобное сейчас? Как

ярко и бурно развивались дачные романы, не обремененные никакими техническими средствами! Телефонов не было — не то что мобильных, а вообще НИКАКИХ! Телевизор еще толком не изобрели, селфи приходилось делать при помощи холста и краски, и называлось это в те дикие времена длинным дурацким словом «автопортрет»!

…после встречи

По легенде, созданной моим папой, он женился на маме из-за коровы. Вы скажете, опять mystification?[1] Актерская фантазия? Так нет! Действительно, как это ни странно, корова у мамы была! Участок — гектар, домик прислуги, ну и как следствие — коровник с коровой и прочей дичью. А кстати, корова — дичь или нет? Неважно. Важно, что коровник-сарай прожил огромную жизнь. После коровы там иногда жил кто-то из родственников, иногда хранили всякое барахло, а наверху был сеновал — со всеми вытекающими отсюда последствиями… И в довершение всего, незадолго до того, как легкий порыв ветра сдул этого повидавшего виды старика с лица земли, у меня гостил замечательный питерский художник Толя Белкин с семьей. И вот он увидел этот сарай и влюбился! А влюбившись, стал его рисовать. Мне было обидно за нашу знаменитую английскую террасу.


Я, Белкин А.П. разрешаю Шмидту М.А. использовать изображение его сарая так, как он сочтет нужным. Он имеет право его печатать, наносить на любую поверхность, а изменять цвет и композицию, уничтожить, продать, подарить, отправить в космос выкинуть в помойку, передать по наследству, объявлять... и далее закопать в землю..

А.П. Белкин. 12 августа 2017

P.S. Построить по целу новый сарай

А лучше бы деньгами

— Посмотри, какая красота! — говорил я. — Зачем ты тратишь талант на всякую дрянь? Рисуй террасу!

— Да-да, — отвечал Толя и продолжал рисовать дрянь!

Картину Белкин назвал «Золотое сечение», и говорят, что спустя пару лет на каком-то аукционе ее купил за 40 000 долларов Майкл Джексон! (Никаких авторских отчислений я не получил ни от Толи, ни от Майкла.)

Ладно, не в деньгах счастье. Вернемся к нашей корове. Корова давала молоко, мяса, как ни просили, не давала. А молоко мой папа любил страстно, и день за днем, год за годом ходил к корове, чтобы ее доить. Ходил к корове, а женился на маме.

Свадьба!

Я, кстати, тоже внес свой вклад в героизацию образа коровы. Во время войны в нашем поселке жили немцы, в смысле фашисты, и непосредственно на нашей даче они устроили столовую, а напротив, на даче Мошкиных, был штаб. Впоследствии мы с Кутей частенько дрались за право есть «фашистской» вилкой, брошенной ими во время бегства. Вилка была алюминиевая, с орлом и свастикой на ручке, и, накалывая на нее котлету, мы, как бы вносили свой вклад в Великую Победу!

И опять к корове. Как мне рассказала няня, которая так и прожила в своей сторожке при немцах, за день до прихода фашистов наш сторож выгнал корову в лес, и она, видимо осознав политическую остроту момента, ушла! И весь период оккупации пряталась от немецко-фашистских захватчиков по оврагам и буреломам. А на следующий день после того, как немцев погнали,

вернулась домой!

Естественно, я верил в эту историю и всем ее рассказывал (вот и вам сейчас). Еще бы, такая героическая корова и главное — наша!

Сейчас, правда, кое-какие сомнения закрадываются в мою душу: холодная зима 1941 года, не бизон какой-нибудь там, а милая домашняя корова одна в лесу…

Но нет! Не будем пересматривать военную историю! Да и мою историю тоже. Ведь получается, что благодаря корове и я появился на свет!

А если серьезно, то бои в наших краях шли нешуточные. Мы, пропалывая огород, то и дело находили гильзы от разного вида оружия, а мой дедушка, выкапывая яму для посадки яблони, наткнулся на что-то большое и железное. Клад — решили мы! Но, увы, нет! Это оказалась всего лишь огромная невзорвавшаяся авиационная бомба. Ну, бомба так бомба, тоже ничего. Дед ее откопал, помыл и воткнул рядом флажок: дескать, осторожно — бомба! Мы пол-лета водили всех смотреть на нашу бомбочку. Все ахали, и только нянька ушла жить в погреб. Когда же все-таки приехали саперы, они сказали, что если бы снаряд взорвался, то и погреб бы завалило! Видели бы вы, с какой нежностью четыре солдата несли нашу красавицу, как трепетно они укладывали ее в грузовик с песком, и слышали бы вы, как громыхнуло через пару часов где-то далеко-далеко!

Для меня дача — это Родина! Это единственное место на земле, по которому я «географически» тоскую. С рождения и до окончания школы не было лета, которое бы я не провел на даче. Нас с Кутей сбрасывали туда к бабушке и дедушке 30 мая и забирали с букетами золотых шаров и гладиолусов 31 августа (отсюда у меня устойчивая ненависть к этим гадким цветам). Нас, одичавших, везли в большой шумный город. По дороге заезжали в «Детский мир», покупали всякие ранцы, пеналы, мышиного цвета и вида форму — и все: добро пожаловать в ад! Пишу это — и мороз по коже! Все, хватит! Назад, на дачу, в май!

У нас с Кутей дни рождения летом. Это немножко обидно, когда в школе всех «летних» поздравляют чохом 1 сентября, в самый гадкий день в году, а не индивидуально, как Петю или Катю, родившихся осенью или зимой… Но зато эти дачные дни рождения!!! Прошло уже черт знает сколько лет… Я с трудом могу вспомнить, как отмечал день рождения в прошлом году, но те — дачные — помню, как будто это было вчера!

Миша с папой бьют козла

Подарки вручили — можно и улыбнуться

Итак… Пропустим раннее утро, когда ты просыпаешься счастливый и, конечно же, слегка обиженный на отсутствие должной любви и внимания к тебе — к имениннику!!! Ты, печальный и немного рассеянный, выходишь на террасу… а там уже все готово, вернее сказать, все готовы! Тебе указывают на стул, на который ты должен залезть. «А? Что? Сюда?.. Ну, хорошо, если хотите…» После этого непродолжительного кокетства ты карабкаешься на стул, а на табуреточку рядом ставят Кутю, ну или меня, если это Кутин день рождения, включают патефон (да-да, тот самый!), заводят какой-нибудь марш, и родственники по одному выходят из дома и дарят нам подарки! Я сказал «нам», потому что если не одарить второго из нас, то смертельные обиды, легкие истерики и непродолжительные драки могут немного омрачить праздничный настрой юбиляра. А так — протокол соблюден и праздник катится дальше! А потом придут дачные друзья: лимонад, беготня, торт, игры, опять лимонад — и так до потери сознания!

Пора в путь-дорогу…

Мы ходили в походы по участку (1 гектар)! Бабушка сшила маленькие рюкзаки, мы набивали их всякой едой и уходили на весь день! Обычно мы путешествовали втроем: взрослая восьмилетняя Ларочка (внучка бабушкиной подружки),

семилетний Кутя и шестилетний я. При этом я всегда шел в середине: вдруг нападут спереди или догонят сзади. Некоторые участки нашего маршрута находились аж в 100 метрах от дома, а там бурелом и как следствие — волки! Вымотавшись, мы делали привал в чаще, но так, чтобы дом все же оставался в поле зрения. Строили шалаш и устраивали пикник!

Однажды, нам уже было лет одиннадцать-двенадцать, мы с Кутей построили шалаш у самого крыльца, весь день просидели в нем и стали уговаривать взрослых разрешить нам остаться там и на ночь. К величайшему удивлению, нам разрешили! По мере того, как сгущались сумерки, таял наш энтузиазм. И вот уже совсем темно, Баба и Дида гасят свет, закрывают дом… И мы остаемся одни, ночью, практически в лесу, окруженные черт-те чем и кем — это даже не учитывая стай волков, рыскающих вокруг! Мы в ужасе натягиваем на себя одеяла, как вдруг позади шалаша из кустов раздается тихое, но отчетливое «У-у-у».

…Секунд шесть нам понадобилось, чтобы преодолеть крыльцо, террасу, кухню, гостиную и оказаться в своих кроватях с подушками на головах! Потом выяснилось, что «У-у-у» сделал Дида, незаметно пробравшись в кусты. Ну не могли же взрослые всерьез оставить детей на ночь в лесу среди волков!

Вообще, храбрецом я не был. Единственные, кого я никогда не боялся, это собаки. У нашего сторожа всегда жили цепные псы. Их, как правило, звали Диками, и они, злобно рыча, бегали на цепи вдоль длинной проволоки, натянутой от будки до ворот. Я улучал момент, когда очередной Дик отбегал подальше, и с разбегу запрыгивал к нему в конуру. Собака с воем мчалась обратно, но было поздно — дом занят! От моей наглости пес терял дар речи, просто садился и смотрел на меня вытаращенными глазами. Насладившись триумфом, я милостиво разрешал Дику протиснуться «ко мне» в будку… и уже друзьями мы лежали, обнявшись, вдыхая сладкий запах псины и прелой соломы… Счастье!

Миша и Дики

Не со всеми животными у меня складывались такие идиллические отношения. Был один случай… Или не рассказывать?.. Ну да ладно… Из жизни слова не выкинешь! В общем, подарили Ларочке цыплят. Штук десять маленьких желтеньких комочков! Прелесть! Жили они в каком-то вольере на террасе, и трогать их мне категорически запрещалось! Только

мне!!! Кутя брал их в руки, выносил в сад, сажал на травку, а я — нет! Я еще маленький! Чего только я не делал, чтобы завоевать Ларочкино расположение! Я льстиво заглядывал ей в глаза, предлагал любую помощь, бегал по саду и ловил мух для ненасытных птенцов… И наконец день на третий заслужил! Мне было разрешено взять одного цыпленка и попасти его на травке рядом с домом, не отходя от крыльца дальше трех метров. О радость! Я, как заботливая куриная мать-наседка, не отходил от своего чада, сыпал ему зернышки, подкладывал мушек… как вдруг цыпленок сорвался с места и побежал! Он с бешеной скоростью мчался прочь от дачи, а у нас с ним лимит 3 метра. Я рванул за ним, вот он уже близко… и тут цыпа остановилась! Ни до, ни после я не видел такого торможения! Ни в живом мире, ни в мире техники! Вот он несется… и вот, раз — и стоит! А как же законы ускорения и торможения? — спросите вы. Что ж, отвечу: а хрен их знает! Птичка бежала-бежала и встала! Но я-то не птичка! Я так не умею. Я чту Декарта и Ньютона… В общем, не затормозил! И с разбега наступил сандалькой на цыпленка!

Ларочка — хозяйка цыплят

…Он не упал, он даже не пискнул, он сделал как-то так: «У-у-х» и немножко сплющился. Не знаю, какое чувство возобладало во мне больше, жалость к птичке или ужас перед расплатой, но я схватил цыпленка в руки, слепил его обратно в комочек, бросился

на террасу и поставил в вольер, крикнув Ларочке: «Птичка дома!»

И он меня не подвел! Лара подошла, а мой цыпленок стоял, покачиваясь, среди других птиц, а упал он позже, когда никто не мог определить, чей это воспитанник! И все это не смешно, и я до сих пор переживаю эту мини-трагедию… Но что я мог поделать — он нарушил законы физики!

Постепенно мы росли, появлялись первые робкие прыщи, а стало быть, и шалости становились чуть гаже. Например, снять у кого-нибудь калитку и выбросить ее в лес. Мило, не правда ли? А главное, очень остроумно. Или бросить в выгребную яму дачного клозета пачку дрожжей и ждать, когда все это «тесто» полезет наверх! А?! Здорово? Мы так сделали однажды, желая разыграть товарища, но не рассчитали пропорцию — в итоге вместе со всем сооружением под землю ушла бабушка героя, народная артистка СССР!

Годы шли, прыщи уступили место гормонам — и началась новая, ночная, жизнь, которой лет за пятнадцать до этого здесь же жили наши родители. Технический прогресс далеко не шагнул, просто патефон поменялся на транзистор, а все остальное — хрестоматия…

Технология ночных вылазок была следующая: часов в 11 вечера ты, зевая, говорил, что, пожалуй, пора спать, вяло тащился к себе в комнату, около 12 вылезал в окно и — вперед!

Наивные взрослые, конечно же, не понимали, почему ребенок заснул в 11, а проснулся в 3 часа дня. Как-то после удачного загула я вернулся совсем поздно (то есть рано, около 7 утра), завалился спать и, проспав часов до 5, пошел завтракать. Баба Светя поставила передо мной тарелку творога и без каких-либо упреков, без раздражения сказала:

— Когда ты уходишь по ночам, я всегда волнуюсь и не сплю. Давай договоримся, ты будешь уходить и возвращаться через дверь и, вернувшись, говорить: «Я пришел» — и все! А? Каково?! Ну какая еще бабушка может такое сказать внуку?!..То-то!

И началось! Можете представить себе зависть моих друзей, когда я говорил им:

— Вы, когда там в свои окна повылезаете, приходите ко мне, и уже отсюда пойдем тусоваться.

Они, зеленые от зависти, собирались на нашей террасе. Я говорил:

— Ба, пока! — и пропадал на полночи!

Баба Светя была удивительно мягкой и доброй. Ни разу в жизни она меня не ругала! Ни разу!!! И это при том, что я был вовсе не подарок. Если я вытворял что-нибудь уже совсем из ряда вон, то она расстраивалась… И это было ужасно! До сих пор не

понимаю, как это работало! Целыми днями я только и делал, что расстраивал всех вокруг, и совершенно не обращал на это внимания… Но Баба Светя!.. Может быть, причина в дворянском происхождении, может, в английском воспитании, но факт остается фактом: мы с Кутей выросли под этим добрым гипнозом! Даже став относительно взрослым, дымя, как паровоз, я не мог закурить при единственном человеке на земле — при Бабе Свете, потому что это ее огорчит.

Я призываю всех взрослых подумать над этой удивительной методикой воспитания и попробовать применить ее на практике, потому что из практики своей я вынес, что воспитательные крики моего папы не достигли никакого видимого эффекта! Но это уже другая история…

Баба

Бабу Раю я зрячей не помню: она ослепла после смерти деда, когда мне было четыре года, поэтому ее слепота мне казалось совершенно естественной. Глаукома сейчас довольно легко лечится, но тогда, увы, не помогло ничего. Однако я никогда не относился к ее слепоте как к болезни, настолько живо и органично Баба справлялась с полным отсутствием зрения. Настолько, что я, насмотревшись фильмов про наших героев, попавших в плен к фашистам, думал, что бабкина слепота — это прикрытие, и пытался застать ее врасплох, размахивая у нее перед носом разными предметами. Но нет, она себя не выдала!

Тогда Баба меня еще видела

Баба жила жизнью активной и светской. Каждое утро к нам приходила чтица и четыре часа читала литературные журналы «Новый мир», «Октябрь», «Юность», «Иностранку» — только там можно было выловить что-то живое и почти запрещенное. Трифонов, Тендряков, Искандер, Аксенов и другие настоящие авторы могли рассчитывать только на публикации в этих журналах, в книгах же издавались в основном идеологически

выдержанные соцреалисты. Бабушка утром это читала, точнее, слушала, а вечером по телефону обсуждала прочитанное с АВТОРАМИ! Да-да, я же говорю, что ее ВСЕ знали. Каждый день к ней приходили с визитами. Все, от Анастасии Цветаевой до зубного техника, обожали слушать ее мемуары: про Одессу, про друзей, про Катаева и Утесова, про Бернеса и Журавлева и про многое другое. Яхонтов, Журавлев, Козаков, Гердт оттачивали на бабке свои чтецкие программы. Красавец дантист Сеня Амигуд приходил раз в неделю «подправить коронки», а на самом деле — чтобы послушать очередную порцию историй и проверить на бабушке свою очередную невесту. Потом они созванивались и решали, что «нет». Я думаю, что он так и не женился.

Одесская юность

С бабкой я дружил! По-настоящему. Мы часами гуляли по арбатским переулкам, заходили в «Прагу» съесть кусок торта. Я был ее глазами, она — моим мозгом. Думаю, что пресловутую иронию и чувство юмора мой папа впитал с молоком матери, а я — с крошками торта «Прага» во время наших загулов. Гуляли мы много, и на даче, как правило, в компании соседских детей, все

любили бабкины рассказы про Одессу, море, про войну… Как-то в одну из таких прогулок неожиданно налетела гроза, и… Я эту историю не помню, но бабка ее постоянно всем рассказывала: «… Полил страшный дождь, все дети тут же разбежались, и только Миша не убежал и повел меня домой! Он, бедный, все время спрашивал: «А ты не можешь идти побыстрее?» Герой! Все умилялись и ахали, а я не мог понять: они что, ждали, что я брошу мокрую слепую бабку в лесу? Или в шесть лет мозг еще не развивается до такой «героической» самоотдачи?

С папиной сестрой Сусанной

Первая встреча…

А как Баба вязала крючком! Все без исключения папины друзья ходили в связанных ею бобочках (так в Одессе называли майки-сеточки)! У меня, главного персонажа ее жизни, было их штук тридцать! Кстати, бабка научила вязать крючком и меня. Правда, я не мог переходить из ряда в ряд, поэтому связывал длинную ленту из нитки, брал крючок потолще и опять ее вязал — и так несколько раз, пока не получалась толстая нитяная колбаса, которая потом распускалась и появлялась бобочка.

Первая моя собака тоже появилась благодаря Бабе! Ее нам принес главный кукольник страны Сергей Владимирович Образцов. Это была маленькая, похожая на той-терьера дворняжка по имени Найда. Найда — потому что найденная, но я быстро переименовал ее в Тотошку (или Тошу) в честь собаки Элли из «Волшебника Изумрудного города»… и началась наша любовь! Собака меня обожала. Наверное, потому что я ее постоянно мучил: дергал за хвост, крутил, как волчок, кусал за нос и т. д. У нас даже была игра: я где-нибудь прятался, Баба кричала: «Где Миша?» — и Тоша с пронзительным визгом носилась по квартире, пока меня не находила. А найдя, сразу начинала меня грызть, чтобы впредь было неповадно испытывать ее чувства!

Моя первая собака Тошка

Тоша была благопристойной городской собакой, с кобелями не якшалась, в ее характере и поведении уже стали проявляться признаки старой девы… Как вдруг — дача, мимолетное увлечение, голова кругом… Классический курортный роман!

Щенки родились осенью. Мы были дома втроем: пожилая, утратившая инстинкт деторождения собака, слепая бабка и я, восьмилетний акушер. Из четырех щенков удалось спасти двух, но

каких! Интересно было бы познакомиться с Тошиным соблазнителем, чтобы понять, как у маленькой той-терьерообразной собаки родилось такое? Это были две толстых колбасы: одна — черная и кудрявая, вторая — белая и лысая. Первая назвалась Антоном и осталась у нас, вторую забрал Арканов и так и назвал — Колбан.

Миша и Антон

Антон был совершенно человекообразной собакой! Если он гулял с мамой на улице и видел другую собаку, независимо от размера и степени агрессивности, он на всякий случай запрыгивал к маме на плечо, просто потому что собака, в отличие от человека, была для него существом непонятным. Когда папа дремал в кресле перед телевизором, Антон садился рядом, привалившись к спинке под папашиной рукой, и они оба, похрапывая, слипающимися глазами смотрели в сторону экрана. А еще он говорил «мама». Ни до, ни после, ни в жизни, ни в «Дог-шоу» я не слышал такого внятного произношения! Надо было спросить:

— Антон, скажи, кто тебя любит?

Он садился, почему-то сутулился и четко басом говорил:

— Ма-ма.

Когда Тоша умерла, уже в очень преклонном возрасте, я,

молодой кретин, при друзьях спрашивал:

— Антон, кто у тебя умер?

И он, сгорбившись, говорил:

— Мама.

Частенько после спектакля папа звонил маме и произносил одну из двух ключевых фраз: либо «Сервируй!» — и это значило, что ОНИ едут к нам, либо «Будь в напряжении!» — значит, он заедет за мамой и они поедут к НИМ. ОНИ, как вы понимаете, — это многочисленные папины друзья. Мы с Бабой, естественно, предпочитали второй вариант! Когда папаша приезжал и заходил к нам в комнату, мы прикидывались мертвыми лисами, но стоило хлопнуть входной двери, как я кричал: «Подъем!» и мы бежали на кухню, где начинались чаи, блины и прочий пир!

Баба меня всегда и во всем покрывала. Если вдруг звонил какой-нибудь неприятный учитель пожаловаться на мое плохое учение, поведение, отношение и если к телефону подходила бабка — то все! До родителей этот гадкий поступок не доходил! Гадким поступком я, естественно, называю звонок учителя.

Однажды мы с моим школьным другом Искандером поспорили, что я упру плавленый сырок из только что открывшегося первого в Москве магазина самообслуживания. Магазин этот был совершенно диковинной штукой после привычных очередей в любой отдел гастронома. А тут все лежит на полочках, сам выбираешь, сам кладешь в корзинку, сам несешь на кассу! И, естественно, пытливые умы (а я таковым себя считал) решили, что в такой ситуации утащить что-нибудь не составит никакого труда. Но и сотрудники магазина были готовы к экспериментам первых посетителей. В общем, грянул бой!

Зайдя в магазин, я небрежно подошел к молочному отделу, стал перебирать разные сырки… и один «случайно» выпал у меня из рук и упал в заблаговременно приоткрытый портфель. И все — дело сделано! Все оказалось слишком просто. И эта простота меня погубила. Я решил закрепить успех: цопнул лежащую рядом маленькую пачку сметаны и, пройдя подальше, сунул ее в карман, после чего направился к выходу, так ничего и не купив. И вот я миновал кассу, вон в дверях маячит проспоривший мне Искандер… как вдруг…

— Молодой человек! — перед выходом стояли администраторша и охранник. Меня ждали. Последнее, что видел убегающий друг, это меня, уводимого в недра магазина с глазами «тонущей лошади».

Ну а дальше: вывернутые карманы, допрос, пугание милицией, школой, родителями… — чем, слава богу, эти милые люди и ограничились. Звонок домой… И — о счастье! — трубку

сняла Баба! Не знаю уж, что она им говорила, но, судя по злорадной улыбке директора, говорила все правильно. Убедившись, что экзекуция неотвратима, меня с позором выгнали. Я на согнутых коленях приполз домой и все в деталях рассказал бабке: и как прятал сырок в портфель, а сметану — в карман, и как карманы выворачивали, и как на меня орали… Баба потрясла меня четким логическим анализом происшествия. Выслушав мой сбивчивый рассказ, она задала только один вопрос:

— Ну и где сырок?

— Как где? В портфеле, — ответил я. — Я же на него спорил!

Мало того, что Баба не выдала меня родителям, она еще подтвердила Искандеру, что сырок я успешно донес до дому. И я получил с дружка проспоренные 20 копеек!

Отдых

Я уже говорил, что все лета своего детства, от звонка до звонка (в данном случае школьного), я сидел на даче. Поэтому те несколько недоразумений, когда родители, видимо, по рассеянности, взяли меня с собой на отдых, я запомнил на всю жизнь!

Гердты

Первым в моей памяти всплывает путешествие в Абхазию с Гердтами. С Зямой, Таней и Катей. Катя — моя главная подружка с детских лет и до сих пор, Зяма — Зиновий Ефимович Гердт, Таня — Татьяна Александровна Правдина, его жена и Катина мама. Такое сложное представление не случайно: как любой ребенок, я звал их дядя Зяма и тетя Таня, за что всегда получал отповедь:

— Скажи, мы с тобой родственники?

— Нет, — отвечал я.

— Тогда почему ты зовешь нас дядей и тетей?

— Не знаю, — мямлил я. — А как надо?

— Зови нас Зяма и Таня, на «вы».

Дядя Зяма и тетя Таня

Я бормотал:

— Угу, — и продолжал дядькать и тетькать. И если с Зямой мое панибратство так и не состоялось, то с Таней произошел прорыв! Пару лет назад после очередной пытки я выдавил из себя тихое «Таня». Теперь, обнаглев окончательно, звоню поздравить с Татьяниным днем и говорю:

— Танечка, привет!

Зяма, Таня, Катя

Конечно же, будь я поумней в ту пору, то на вопрос о родственниках я бы ответил: «Конечно, да!» — потому что свое преклонение, свою любовь к семье Гердтов я несу всю жизнь! Они были моими вторыми родителями, я многому у них научился. И если эрудицию и интеллигентность вприглядку не подхватишь, то неприятие ханжества, умение не идти на компромисс с совестью

я, на свою голову, у них приобрел.

Полностью одобряю тезис «Не сотвори себе кумира», с одним исключением — это Зяма и Таня Гердты!

Простите за лирику. Итак, мы поехали в Абхазию. Местечко называлось Нижняя Эшера. Мы снимали углы в приморской деревушке. Мне было лет шесть. Я помню увиденное впервые прекрасное море, откуда мы с Катькой не вылезали. Помню, что идти к морю надо было через небольшую рощицу, и когда мы в нее входили, со всех веток на землю сыпались… крысы! Что это были за деревья и какие крысы, я до сих пор не понимаю. Может быть, крысоводы знают какой-нибудь древолазный абхазский подвид? Но зрелище это было захватывающее!

Все это я пишу, для того чтобы поведать вам любимую Зямину историю про меня. Этот рассказ даже входил в его концертный репертуар!

Как-то мы всей компанией поехали обедать в ущелье. Если поставить кавычки, то вы получите и название ресторана, где мы обедали — «Ущелье». Это один из самых живописных ресторанов, которые я видел в жизни!

В разгар полуденной жары мы вошли в узкую расщелину в горе и очутились в прохладном тенистом раю! На дне этого ущелья тек ручеек, а на выступах и в полупещерах стояли столики. Гастрономические достоинства нас, детей, тогда не волновали. Мы чего-то там съели и пошли играть к ручью. Мы строили плотины, пускали щепки-кораблики — в общем, было интересно. Вдруг к нам подошел местный мальчик и быстро-быстро заговорил по-абхазски… Катя повернулась к нему и спокойно сказала:

— Мальчик, мы тебя не понимаем.

На что мальчик заговорил еще быстрее и громче.

— Мальчик, мы тебя не понимаем, — повторил я, но мальчик продолжил отвлекать нас, тараторя на непонятном языке. Тогда я подошел к нему вплотную и громко, на все ущелье, сказал:

— Мальчик, не понимаем мы тебя, мы русские, — и после паузы добавил: — Ывреи!..

И ущелье содрогнулось от смеха! Я, естественно, ничего этого не помню, но эти «ывреи» навсегда покорили Зямино сердце!

Черкассы

На следующий год мы поехали отдыхать с семьей Рапопортов. Эта семья, как и мои родители, — продукт дачного романа. Только, в отличие от моего пришлого папы, они самые что ни на

есть НИЛьские аборигены. Их дачи стояли напротив друг друга. Михаил Рапопорт, театральный режиссер, был сыном Иосифа Матвеевича Рапопорта, знаменитого актера, режиссера, педагога. Мира Кнушевицкая, актриса театра Моссовета — дочка оперной певицы Натальи Дмитриевны Шпиллер и виолончелиста Святослава Николаевича Кнушевицкого. Естественно, что такая духовная и территориальная близость не могли не породить моего товарища Андрея Рапопорта — известного актера театра и кино.

Ехать было решено на машине, но папина «Победа» совсем рассыпалась. Тогда все стали клянчить автомобиль у Натальи Дмитриевны Шпиллер. У нее как у народной артистки России, лауреата трех (!) Сталинских премий была личная «Волга»! Наталья Дмитриевна сказала, что машину не даст, потому что она третий год просит перенести пианино в соседнюю комнату и никто даже не пошевелил пальцем. Тогда Миша и папа схватили пианино и мгновенно перетащили его куда надо, потом вернулись обратно, подняли кресло вместе с Натальей Дмитриевной и отнесли их тоже… Так появилась эта треклятая машина!

Почему треклятая? Представьте себе: лето, жара, кондиционеры еще не изобретены, ехать 1000 километров на Украину в Черкассы, и самое главное — вшестером! Но кто ж поинтересуется мнением двух малышей шести и четырех лет?! Поехали! Душная машина мне надоела довольно быстро, редкие мимолетные остановки у кустиков надолго не развлекали, и тогда я придумал!.. У Андрея, как и всех детей, был свой лексикон: быстрая придорожная остановка или остановка «до вітру» (на украинской территории) называлась «пи-пи»; стоянка более продолжительная, в хорошем лесочке, называлась «гром». И я начал это эксплуатировать. Примерно раз в сорок минут я щипал Андрея и грозно шептал ему в ухо: «Гром!» Через десять секунд послушный мальчик объявлял «гром» в буквальном смысле громогласно. Автомобиль останавливался, Андрей шел за куст, а я получал 15 минут воздуха! На третий раз взрослые заподозрили неладное и во время стоянки вчетвером пошли за куст смотреть, как проходит «гром». Как бедный Андрюша ни тужился, но был разоблачен и закинут вместе со мной в душегубку.

Второй ужасный момент — это спать вшестером в одной машине! До сих пор не понимаю, как мы там уместились, только помню, что у Андрея был какой-то жуткий деревянный монстр-буратино Петя, с которым он не расставался ни на секунду, даже во сне. И вот все под мое ворчание невообразимым образом умялись друг в друга, замерли. Наступила, наконец, тишина, как

вдруг я гневно вскричал, подытоживая весь этот кошмар: «И еще этот ваш Петя!!!»…Потом долго «этот ваш Петя» цитировался взрослыми в критических ситуациях.

Все плохое когда-нибудь кончается — закончилась и эта жуткая езда. Мы на месте! Черкасское море! Вообще-то, правильное название этого водоема Кременчугское водохранилище, но для меня оно было и останется морем. Сейчас объясню почему, но все по порядку. Мы сняли уютную хату-мазанку на берегу, съездили на местный рынок за овощефруктами. Как рассказывает мама, цены там оказались вполне московские: у нас абрикос — два рубля и у них — два, вишня — один рубль и тут и там, правда местная — величиной со сливу… Ну, ничего не поделаешь, стали покупать. Когда же выяснилось, что эти цены не за килограмм, а за ведро, тут уж родители как с цепи сорвались… Правда, потом пару дней в туалет стояла очередь. Жадность до добра не доводит!

Ну и, наконец, море! Другого берега не видно, ширина кое-где — 28 километров. Купание, рыбалка — сказка! И вот как-то в один из дней мы все — на пляже: взрослые загорают, мы с Андрюшей шастаем поблизости, а около небольшого пирса какие-то взрослые дядьки и тетки спускают на воду моторную лодку. Мы, естественно, к ним — чего-нибудь потрогать, посмотреть, помочь… Они спрашивают:

— Хотите покататься?

— Конечно!

Я и помечтать не мог о подобном! Думаю, что вообще первый раз в жизни залезал в плавсредство. Андрей чего-то забоялся, а я подбежал к родителям и говорю:

— Можно я на лодочке покатаюсь?

— Валяй! — ответили они. (Запомните, пожалуйста, это «Валяй!»)

И я, счастливый, бросился в лодку! Мы догрузились и поплыли. Надо сказать, что взрослыми мне мои попутчики казались тогда, а на самом деле им было лет по семнадцать-восемнадцать, и они отправились провести выходные с шашлыками в веселой компании на небольшом островке километрах в пятнадцати от берега. Первые двадцать минут вояж мне очень нравился: ветер, волны, скорость! Потом я начал слегка беспокоиться: ветер, волны, скорость, а берега не видно… Наконец, замаячил какой-то остров. Мы причалили и стали выгружаться. Тут уж я не на шутку разволновался!

— Мне бы, это, на берег, домой, — начал я приставать то к одному, то к другой.

— Да чего ты переживаешь? Сейчас костерок разожжем,

шашлычок пожарим, а завтра можно и домой! — веселились они.

Вечерело. Не знаю уж, что подействовало, мои слезы или благоразумие трезвых участников нашей команды, а их с каждой минутой становилось все меньше и меньше, но меня погрузили и повезли! Я сидел ни жив ни мертв от страха, боясь, что они передумают или перевернется лодка, которая почему-то плыла зигзагами… И вдруг! Вдруг я увидел белоснежный катер, который несся нам навстречу, и на мостике, приложив ладонь козырьком ко лбу, стоял мой папа! Как я был счастлив его видеть! Как я был рад оказаться вновь на родном берегу! Но, похоже, мне там рады не были. Мама плакала, отец кричал, потом меня шлепали вьетнамкой (вьетнамка — это тапочка, если вдруг кто-то подумал об изысканной этнической экзекуции). В общем, досталось по полной программе! А главное, за что?! Помните это «Валяй!» в начале рассказа? То есть сами отпустили шестилетнего малыша незнамо с кем незнамо куда, малыш сам уговорил этих незнамо кого вернуть его кукушкам-родителям… и на тебе — его же вьетнамкой!!!

Когда я пересказывал эту историю уже в зрелом возрасте и доходил до тапочки, родители всегда возмущались и говорили, что никто меня никогда и ничем не бил!

Однажды в одном совместном телеинтервью папа саркастически бросил:

— Ты еще скажи, что мы тебя оглоблей били!

Прошло пару месяцев, и вижу, как в какой-то передаче папаша, рассказывая обо мне, неблагодарном ребенке, заявляет:

— Он (то есть я) утверждает, что мы его в детстве били оглоблей!

Вот так! Я утверждаю!

Ялта

С большим скрипом удалось моему папе получить путевку на меня, ребенка, в Дом творчества «Актер» в Ялте, и то при содействии самого Михаила Жарова! Дети своим галдежом могли отвлечь работников культуры от заслуженного отдыха, и я старался как мог выглядеть посолиднее. И первое, что я сделал на этом поприще — я влюбился! Влюбился по-взрослому, всерьез и надолго. Мою избранницу звали Нина Маслова — впоследствии известная актриса, а тогда 19-летняя студентка театрального института. То, что мне было семь, меня совершенно не смущало, ведь любви все возрасты покорны! И главное, Нина отвечала мне взаимностью! (По крайней мере, тогда мне так казалось.) Она

была неземной красоты. Многие старались завоевать ее внимание, но где им! На их пути стоял я! Тем не менее я приставал ко всем взрослым:

— Вам нравится Нина Маслова?

— Да, — отвечали они.

— А мне она ОЧЕНЬ нравится, — заявлял я, отсекая таким образом любые притязания на предмет своей любви. Я старался постоянно держать Нину в поле зрения, выполнял любые ее пожелания. По утрам, когда мой всегда рано встающий папа шел на пляж, я кричал:

— Займи лежаки и нам с Ниной!

Иногда к нашему дуэту присоединялся Саша Збруев, пожилой 27-летний актер «Ленкома». Мы вместе ходили гулять, ели мороженое… и в общем, он нам совсем не докучал, да и как можно помешать молодым влюбленным! И что еще немаловажно, именно Саша покупал мороженое: у меня с наличными тогда было не очень.

Не забуду… не прощу…

Каждое утро я дарил Нине цветы! Для этого я вставал даже раньше папы, бежал к главному корпусу, рвал букет с огромной круглой клумбы и возлагал его у двери возлюбленной. Так продолжалось довольно долго, пока однажды утром… Вы ждете рассказ о том, как меня застукали на клумбе? Нет! Если бы! Все гораздо серьезней. Без всяких помех я надергал цветов и побежал к Нининой комнате, нагнулся, чтобы как всегда положить их на пороге… как вдруг дверь открылась и оттуда вышел Саша Збруев!

Не знаю уж, какие мысли могут прийти в голову семилетнему ребенку, но я ВСЕ понял! Я был сражен этим вероломством! Я рыдал! Они оба меня обнимали, утешали, оправдывались… но тщетно! Мое сердце было разбито навсегда!

И с тех пор, когда бы мы ни встретились с народным артистом РСФСР Александром Викторовичем Збруевым, он всегда просит у меня прощения за тот случай.

Навсегда разбитое сердце худо-бедно зажило на третий день, и для того были причины: мы ехали во Всесоюзную здравницу «Артек»!!!

«Знает каждый человек:
С буквы «А» (заглавной)
Начинается Артек —
Детский лагерь славный», —

писал С. Я. Маршак.

Артек

И ехали мы не просто так, а по приглашению самого главного руководства лагеря: партийного, пионерского и даже, наверное, октябрятского! Они пригласили деятелей советского искусства порадовать лагерников своим присутствием, а среди нас было много известных актеров и режиссеров (хорошо звучит из моих уст это «нас»). В общем, ура! Мы в «Артеке»!

«Испанцы, негры, русские
В одной гурьбе.
Здесь крепнут наши мускулы
В одной борьбе…» —

пелось в артековской песне.

И вот мы идем, такие все знаменитые: Василий Лановой, Майя Менглет, Леонид Сатановский, папа, я… (Збруева не взяли из педагогических соображений: ну чему он может научить юных пионеров!) Ведут нас солидные лагерные начальники, демонстрируют образцово-показательную территорию, рассказывают про Индиру Ганди, Клару Цеткин, Че Гевару, побывавших в «Артеке». Мне это все до лампочки, я в восторге ношусь по аллеям, а вокруг — то тут, то там — строем ходят группки пионеров в галстучках! И каждый раз, проходя мимо нас, они отдают салют и дружно выкрикивают:

— Всем! Всем! Добрый день!!!

Представляете себе? Круто!!!

И вдруг из боковой аллеи навстречу нам выходит… мальчик. Я остолбенел! Это был не совсем мальчик… то есть нет, это, конечно, был мальчик, но он был… другой… совсем другой: его кожа была черного цвета! Я такого нигде и никогда не видел! Простояв некоторое время с разинутым ртом, я в ужасе бросился к маме, показывая на мальчика рукой. Все очень сконфузились, мама стала мне объяснять, что это нормальный ребенок, у него просто темная кожа, он абсолютно такой же, как мы, он приехал из далекой страны… В общем, кое-как меня успокоили и конфуз загладили. Тем временем делегация двигалась дальше, я опять стал носиться и забежал за кусты, откуда раздавались веселые детские крики, а там… Там мальчишки играли в футбол, и это были точно такие же мальчишки, как тот на аллее. Я, уже не столько испуганный, сколько потрясенный их количеством, выскочил из кустов и бросился навстречу нашей группе с криком:

— Папа, папа, их там целое стадо!!!

А теперь представьте себя на месте услышавших это веселых

артистов! Представили? А теперь на месте партийных начальников? А? И тем и другим смешно, и тем и другим страшно. С одной стороны, артисты-профессионалы, они умеют сдерживать эмоции; с другой стороны, партийцы, которые эмоциями не обладают — кто победит? Победили чиновники: они стояли красные, потные, сурово насупив брови. Артисты же, сколь ни тужились, сломались… и как это часто бывает, чем конфузней ситуация, тем громче смеешься… Мои ржали до слез, махнув рукой на приличия!

Больше нас в «Артек» не звали.

Десна

Мой папа рыбак. Причем рыбак вялый. Вялый не в том смысле, что не очень увлечен процессом — наоборот, его можно даже назвать фанатиком этого хобби — а вялый в смысле манеры ловли. Он может часами сидеть на одном месте, глядя на неподвижный поплавок, посасывая трубку и философски подремывая. При этом за десятилетия практики ни орудия лова, ни объем до́бычи не изменились. Папин друг и партнер по рыбалке Михаил Державин практиковал все возможные способы: удочка, донка, мормышка, спиннинг. При этом он постоянно менял наживку, блесну, дислокацию — в итоге вылавливал довольно много рыб. Папа на это, как и на все остальное, смотрел с иронией и попыхивал трубкой. Иногда его философская дрема приводила к тому, что трубка выпадала изо рта и плюхалась в воду. Тогда, если не было под рукой меня, Михал Михалычу приходилось лезть в воду и шарить под корягами. Это происходило настолько часто, что пришлось Державину разработать очень сложное приспособление. Он вешал на папу специальный ошейник с петлей, куда вставлялась трубка, папаша засыпал, трубка выпадала и повисала между небом и водой!

Рыбак рыбака…

Таким же активным рыбаком был папин главный друг Виля (Вилий Петрович Горемыкин, советский кинооператор, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР).

Описываемые события происходили на реке Десна недалеко от Чернигова. Мы приехали большой компанией на двух машинах и разбили лагерь в сосновом лесу на очень красивом высоком берегу реки. Мы — это Виля Горемыкин, его жена Лена Козелькова, Вилин старший сын Саша, их фокстерьер Денис, мама, папа и я. Мы были совершенно одни: в радиусе нескольких километров не было ни одной живой души! Настоящий дикий отдых!.. (Это отсутствие живых душ неожиданно напомнило мне об одном трагическом эпизоде, свидетелями которого мы стали. Через несколько дней неподалеку от нас обосновалась веселая компания. Мы с сожалением наблюдали, как они ставят палатку, разжигают костер, собирают грибы в «нашем» лесу. Потом у них был шумный ужин… а наутро они ВСЕ умерли! Как потом выяснилось, они собрали полную корзину ложных белых. Ох!)

Промышляли мы в основном рыбой. Папа, как водится, сидел с удочкой, а Виля практиковал спиннинг и донку. Донки[2], как оказалось, были наиболее лещеносным орудием лова.

Когда рыба клевала, то звонил колокольчик, висящий на нашем конце лески. Тогда надо было подсечь рыбу (сильно дернуть) и быстро, но аккуратно, чтобы не запутать, вытащить тридцатиметровую снасть на берег. Если повезет, то на крючке

будет трепыхаться в-о-о-т такой лещ! Меня в силу колчерукости к донке не подпускали. У меня была своя, детская, удочка, но, естественно, я мечтал ощутить между пальцев эту вибрирующую от напряжения леску с огромным сомом на конце! Не давали (!): порвешь, запутаешь, сорвется…

Вы же наверняка помните, как взрослые вам говорили: «Сейчас рассыпется!» или «Не трогай — разобьешь!» — и у вас тут же рассыпалось и разбивалось. Ведь мало того, что это всегда говорилось «под руку», так они еще программировали пространство — не хочешь, а уронишь!

Но мы все равно лезли, падали и роняли: сладость запретного плода никто не отменял!

То же произошло и с донкой. Как-то я проснулся рано-рано, до всех; вылез из палатки и сразу же оказался перед рядом донок, заброшенных на ночь. У одной из них тихонько позвякивал колокольчик! А вокруг — ни души! А колокольчик звенит… И я решился! Расчет был такой: если там ничего нет, то я просто заброшу снасть обратно; ну а если я вытащу кого-нибудь в-о-о-от такого, то кто осудит героя!

И стал тянуть! Особого сопротивления я не почувствовал — вероятно, лещ устал за ночь. Главное было — аккуратно выкладывать леску кольцами на берег, чтобы не запутать. И вот тянул, тянул… и вытянул пустой крючок. Ну что же, бывает. Теперь надо скорее забросить снасть обратно. Я уже взялся за конец лески с грузилом, чтобы размотать и бросить как можно дальше, но тут послышалось какое-то кряхтение-покашливание из Вилиной палатки!

Я заметался по берегу, не зная, что предпринять! Зацепил ногой леску, выложенную на песке; попытался ее расправить; запутал еще больше… и в малодушной панике швырнул весь это ком в водоем — пусть решат, что рыба запутала — и бросился в свою палатку!

Виля Горемыкин

И все сработало! Когда я «проснулся», все сидели и завтракали, про донку ничего не говорили, и я потихоньку расслабился. Тем более папа с Вилей обсуждали грядущую поездку в райцентр за покупками, а я давно мечтал туда попасть.

Уговаривать было бессмысленно: «Нечего мотаться по духоте! Поиграй с Сашей». «Саша только об этом и мечтал: мне девять лет — ему шестнадцать». «Почитай книжку» и т. д. — в общем, обычные взрослые трюки, чтобы дети отстали и не мешали родителям отрываться.

Пришлось разрабатывать план. Сказав, что пойду почитаю («Вот умница!»), я пробрался к машине, залез на заднее сиденье, заваленное какими-то тряпками и прочим барахлом, устроился на полу, а сверху всем этим барахлом закидался.

Идиллия безделия

Через какое-то время появились Виля и папа, сели в машину, и мы поехали. Я сидел, затаив дыхание, в предвкушении момента, когда я выпрыгну как черт из табакерки: «Агаааа!!!..» Но ничего не подозревающие взрослые вели свои неспешные беседы. Я особо не прислушивался, но вдруг насторожился — Виля рассказывал:

— Представляешь, я сегодня утром вытаскиваю донки, а одна снасть запутана комом! Это Мишка, засранец, вытащил, спутал и бросил обратно!..

Я окаменел.

— …Пришлось отрезать и выбросить — жалко, — и продолжил: — Сидит вот сейчас за сиденьем, затаился и молчит — шпана!

Фу-у-х, до сих пор вспоминаю — и мурашки по коже!

Мое желание уехать в райцентр связано с тем, что день на десятый дикий отдых начал немного поднадоедать. Я, кстати, уверен, что по этой же причине и папа с Вилей рванули «за покупками». Распорядок жизни был уныловато-однообразен: мужчины удили и спали, женщины чистили и готовили рыбу, мы с Сашей занимались каждый своим делом, или, точнее, бездельем, Денис нас всех охранял.

Папа, мама и Денис

Все это порождало хандру и лень. Как-то мы всей компанией сидели на бережку и сосредоточенно смотрели, как мимо проплывает лодка. Это случалось редко и потому попадало в категорию «развлечение». Сидим мы, значит, и смотрим, и только Денис носится вдоль воды, лает и норовит прыгнуть в реку и уплыть за лодкой. Тогда Виля говорит Саше:

— Саша, принеси ошейник.

Саша, не повернув головы, повторяет:

— Миш, принеси ошейник!

Я, мучительно не желая тащиться в машину за дурацким ошейником, предпринимаю последнюю попытку спастись:

— Чей? — спрашиваю я.

Однажды эта тоска по цивилизации принесла неожиданные плоды. Сидим мы, как обычно, на берегу, как вдруг из-за поворота выплывает КОРАБЛЬ! Огромный! Трехпалубный теплоход! С кучей народа и с музыкой! Все повскакивали с мест, засуетились, а мы с Сашей стали махать панамками и кричать:

— Э-ге-гей! К нам! Сюда!

Взрослые помахивали тоже… И корабль причалил!!! Да!

Было братание, торжественное посещение буфета и даже просмотр футбола по телевизору в кают-компании!

Напоследок оставил самое неприятное: меня заставляли каждый день заниматься! Английский, математика, внеклассное, будь оно неладно, чтение! (Граждане судьи! О своей ненависти к школе я расскажу позже, а сейчас просто так — штришок.)

Отвертеться было невозможно, и каждый божий день приходилось тратить свое бесценное детство на эту каторгу! А тут еще и зуб у меня раскачался! Взрослые требовали рвать — я ни в какую, меня ловили — я убегал… В конце концов, мама сказала:

— Хорошо. Если ты вырвешь зуб, то можешь сегодня не заниматься!

О боги! Что за пытка! Что за соблазн! И я согласился! Осталось только выбрать способ экзекуции. Совать руки ко мне в рот я категорически не давал, да и немногие решились бы, учитывая мои оставшиеся острые зубки. Выход нашел папа. Мне надели на зуб петлю, другой конец нити привязали к двери. Я должен был залезть в машину, папа резко открывал дверь и…

Уникальная фотография — папа моет посуду

У чешского писателя Юлиуса Фучика есть роман «Репортаж с петлей на шее» — свою историю я бы назвал «Репортаж с петлей на зубе». Технически все было подготовлено идеально: машина, зуб, петля, дверная ручка, папа, зрители. Итак… Барабанная дробь, рывок, дверь распахивается… и я выпрыгиваю следом! Зуб невредим! Так происходило несколько раз, и я всегда успевал выпрыгнуть, как бы резко папа дверь ни дергал. Проект был на грани срыва. Вечерело, взрослые приближались полукольцом, у каждого в руках был какой-нибудь учебник: английский, математика или еще какая-то гадость… и я решился!

— Стойте! — сказал я, стоя с веревкой в зубах. — Привязывайте меня к машине!

Так и сделали. Длинный конец моей петли привязали к заднему бамперу, папа сел за руль, машина тронулась, и мы поехали! Вернее, ехал только папа, а я бежал. Представьте себе картину: маленький мальчик в сандальках, привязанный к машине, удаляется в клубах пыли в тщетной надежде… В общем, стальной конь победил! Я вернулся на машине, сидя рядом с папой, держа в руках несчастный пыльный зуб.

На следующий день надо мной вновь повисла неотвратимость получения знаний.

— Миша, бери тетрадки и иди сюда, — позвала мама.

— Сейчас, — сказал я и ушел в лес… Спустя полчаса я вернулся с окровавленным зубом в руках! Я раскачал и вырвал здоровый зуб!

(Посвящается всем павшим в борьбе со знаниями.)

Лисмех

А еще у меня появился «Лисмех»…

Мне было тогда лет девять. Родители взяли меня на гастроли Театра сатиры в Ленинград. Целыми днями я маялся за кулисами, ко всем приставал, мешал папе репетировать — скучно же мальчику! Все дети как дети: гуляют, на дачах сидят, а ты торчи тут, в духоте, в пыли — в театре!

Раздраженный папа дал мне 2 рубля и сказал:

— Иди в ДЛТ, купи себе что-нибудь — только отстань!

ДЛТ — это большой универмаг в соседнем доме, куда я и бросился, как я тогда говорил, «стреглап»! Игрушечный отдел в нем был роскошный. Я разглядывал машинки, наборы солдатиков, пистолеты с пистонами… но на 2 рубля не зажируешь — надо было умерить пыл. Я ходил от прилавка к прилавку и ничего не мог выбрать: цены, как будто нарочно, начинались с 2 рублей 7 копеек! И вот уже «наступает отчаяние», и уже «не в радость солнечный денек»… как вдруг я ЕГО увидел! Он стоял на полке: такой ярко-желтый, с такой белой грудью, с такими длинными усами, что непонятно, как его можно было не увидеть раньше!

Это был лис. С ужасом я посмотрел на ценник и… — такого не бывает! На бумажке значилось: 2 руб. 00 коп.! Боясь, что уведут, я бросился в кассу, пробил чек, обратно к прилавку и… Нет! Не увели! Я его беру! Упакован он был в картонную коробку, на которой было крупно написано: «ЛИСМЕХ».

Вероятно, это обозначало «лис меховой», хотя никаким мехом там и не пахло, но как бы то ни было, Лисмех стало его именем.

Воссоздано по памяти

Когда я принес это сокровище в гримерку, папа и Андрей (а они всегда сидели вместе) стали надо мной смеяться:

— Здоровый лоб, а купил какую-то детскую куклу!

Я не стал им отвечать, а просто вышел. Да и они не могли даже предположить, сколько хлопот доставит им Лисмех впоследствии.

Последствия наступили уже на следующих гастролях театра в Киеве. Мы жили на Крещатике в шикарной гостинице «Москва» (теперь она «Украина», что логично). В соседнем здании располагался театр, где проходили гастроли. И вот я сижу с мамой в номере на 14-м этаже и, естественно, маюсь. Делать

совершенно нечего до вечера, когда мы пойдем на «Женитьбу Фигаро», что тоже, согласитесь, не подарок. На улице жара, балкон нараспашку, и у меня зарождается идея. Не ахти какая, но все же. Я нашел у мамы катушку ниток, привязал один конец к хвосту Лисмеха (я с ним не расставался до его таинственного исчезновения лет через пятнадцать) и со словами: «Мам, смотри!» выкинул его в окно. Катушку я, конечно же, держал в кулаке, чтобы Лис далеко не улетел.

Привязал нитку…

Ну, откуда мне, маленькому мальчику, было знать про всякие там сопротивления материалов, про силу тяжести и степень глупости… В общем, нитка в ту же секунду порвалась, и лис улетел в неведомые дали! Мама была крайне удивлена (чего я и добивался, но не таким трагическим образом): она даже не увидела эту дурацкую нитку — мальчик просто взял свою любимую игрушку и вышвырнул в окно!

Дальше последовал мой вой. Я бросился на балкон, посмотрел вниз и увидел, что мой несчастный лис лежит на крыше ресторана. Естественно, я стал требовать, чтобы мама немедленно бежала на крышу — мама отказывалась. Пришел папа, наорал на меня и тоже сказал, что не полезет… Дело приобретало нешуточный оборот, попахивало катастрофой… и я, улучив момент, сбросил папину концертную туфлю вслед за лисом.

Хорошо, что сейчас запретили ненормативную лексику, потому что если бы современные дети услышали, что кричал мой

папа, у них бы осталась психологическая травма на всю жизнь! Я же был малыш закаленный, я просто ждал Лисмеха.

Потом я с интересом наблюдал, как папа лезет по пожарной лестнице на крышу, как подбирает туфлю, как делает вид, что хочет уходить, как, слыша мой вопль, нехотя возвращается… И вот лис в моих руках!

Андрей Миронов

Легенда о Выдропужске

Большая часть моих воспоминаний об Андрее связана с путешествиями. Иногда летом папа брал нас с мамой на гастроли. Как правило, ехали мы на машине, и, как правило, вчетвером: я с родителями и Андрей. Причем выезжали очень загодя, чтобы «успеть добраться» до начала первого спектакля. Путешествие из Москвы в Петербург занимало дня три-четыре, то есть дневной «пробег» составлял примерно 150 километров. Я, ненавидящий машинную духоту, очень ценил такой «рваный» ритм движения. Мы все время останавливались: то видели красивый лес и устраивали пикник, то вдоль речки уезжали в какие-то поля в поисках купального места или выходили из машины, чтобы полюбоваться достопримечательностями. Я помню, как все выискивали смешные названия населенных пунктов на пути: Долгие Бороды, Болотная Рогавка, Бухалово, Козлы, Опухлики, Эмаус и фаворит Андрея — Выдропужск! Он выдвигал разные версии, почему городок назвали именно так: то ли там выдрами пугали, то ли пугали самих выдр. Мы даже въехали в центр этого поселка, поспрашивали жителей, почему он так странно называется, но НИКТО не знал ответа!

— Эх, так и не узнаем! — сетовал Андрей.

Спустя лет сорок после этого случая я решил снять сюжет про Выдропужск в своей телепрограмме «Хочу знать». Мои редакторы начали копаться в энциклопедиях… и не нашли точного объяснения этого названия! Только версии! Якобы раньше там разводили и выпускали выдр, и называлось местечко Выдропусск. Или Выдропужск был назван так со слов Екатерины Великой, которая, увидев пьяного ямщика, приказала: «Выдрать пуще». В общем, заинтригованный, я со съемочной группой поехал разбираться на месте. И нигде: ни в сельсовете, ни на почте, ни даже в полиции не знали, откуда взялось такое название!

Кто-то из жителей посоветовал нам обратиться в сельскую школу: там вроде есть кабинет-музей поселка. Мы стали искать хоть какого-то представителя школы (дело было во время летних каникул) — прибежала перепуганная учительница (Телевидение! Москва! Их школа!!!), открыла кабинет истории, и там мы действительно обнаружили стенд, посвященный истории Выдропужска. И тоже ничего! Расстроенные, мы уже собрались уходить, как вдруг наш редактор наткнулся на заметку,

написанную одним из школьников. И вот что мы выяснили: раньше через ямское село, а стало быть, и через реку Тверца, проходила дорога между двумя столицами. Крутые берега реки в непогоду становились труднопроходимыми… и вот грузчики, ямщики и прочий люд, помогая втащить обоз в гору, кричали: «Выдыбай! Выдыбай, Боже!» — то есть: «Помогай, Боже!» И селение в те времена называлось Выдыбожск. И только лишь в результате грамматической ошибки, допущенной в 1917 году, обрело нынешнее название! Не знаю, насколько эта версия соответствует действительности, но я покорен тем школьником, который ЕДИНСТВЕННЫЙ попытался выяснить происхождение такого любопытного названия! В итоге мы сняли забавный сюжет, и про себя я посвятил его Андрею Миронову.

Как-то во время долгого путешествия в Ленинград мы остановились на ночевку в Великом Новгороде. Искупались в чистейшем Ильмень-озере — я подчеркиваю, в ЧИСТЕЙШЕМ — поужинали и пошли спать в гостиницу. Один номер занимали родители, в другом жили мы с Андреем. Наверное, это был «люкс», потому что в комнате стояла огромная двуспальная кровать. Андрей пошел «принять ванну и выпить чашечку кофе», а я разделся и прыгнул в постель. Через какое-то время мытый Андрей вышел… и окаменел!

— Что ты делаешь?! — закричал он.

— Лежу.

— Грязный!?

— Чистый!

Андрей, Миша и Ильмень

— Когда ты мылся?
— В озере.
— В этом болоте!?
— Оно чистое!
— Немедленно иди в душ!
— Не пойду, я чистый!!!

Кончилось это тем, что взбешенный Андрей… нет, не убил меня, а плюхнулся в кресло и гневно заснул. Заснул и я — в кровати («хороший мальчик»)… Утром я проснулся от шума воды в ванной — Андрей принимал душ.

Вообще, Андрей был патологически чистоплотен: он мог два раза в день помыть голову, его автомобили всегда искрились от чистоты и снаружи, и внутри. В бардачке у него хранился набор тряпочек для протирки разных частей салона. Однажды за рулем был мой папа, Андрей сидел на соседнем сиденье и тер тряпкой видимую только ему пыль на панели приборов; закончив с панелью, он перешел на руль, а потом, вполне естественно, и на папу — так, немножко смахнул пыль с носа, с шеи — и опять перешел на панель.

В Риге я был свидетелем, как Андрей сам ночью отремонтировал чужой автомобиль! После спектакля мы ехали в гостиницу на его машине. Вдруг видим, у обочины стоит автомобиль и две барышни голосуют всем проезжающим машинам. Остановился только Андрей. Мы вышли… и барышни «лишились чувств»! Андрей Миронов!!! Они пребывали в полном шоке еще и от того, что их машина сломалась, когда они ехали со спектакля, билеты на который купили за полгода до этого за огромные деньги, чтобы увидеть «живого» Миронова; и они увидели, и были в восторге, но по пути домой сломалась машина, и никто не хотел останавливаться, и, наконец, остановился — и это Андрей Миронов, билеты на спектакль которого…

Выяснилось, что машина заглохла и не заводится. В отличие от моего папы, который мог вслепую разобрать и собрать карбюратор от «Победы», Андрей очень умозрительно представлял себе устройство автомобиля и тем не менее ринулся в бой! Он покрутил ключ зажигания: да, действительно не заводится. Тогда он открыл капот… и ахнул! Грязь! Грязью и маслом были покрыты все агрегаты.

— Тряпку! — скомандовал он, как заправский хирург требует скальпель.

Дали тряпку, и Андрей начал все протирать! Делал он это долго, тщательно, потому что это было единственное, чем он мог исправить поломку. Минут через десять он, усталый, отложил

тряпку, сел за руль, повернул ключ… и машина завелась.

Интересно, поверили ли барышни на следующий день, когда пришли в себя, что все это происходило на самом деле? А если это был сон, то как объяснить сверкающую чистоту под капотом?

После Риги мы все тем же составом поехали в Михайловское. Погода была сказочная: лето, солнце, пейзажи! На подъезде к Пушкинским Горам и сейчас-то машин не встретишь, а тогда вообще не было ни души! И вот мы едем: папа — за рулем, Андрей меняет кассеты в магнитоле. (В то время магнитофон в автомобиле был, как сейчас… — думал-думал и не нашел, чем бы вас поразить — сейчас есть все!) Зазвучала песня Хампердинка, и вдруг Андрей как заорет:

— Сто-о-ой!!!

Папаша — по тормозам, машина с визгом остановилась. Мы все вытаращились на Андрея, а он выскочил наружу, выбежал на середину шоссе… и начал танцевать! Его распирало от СЧАСТЬЯ!

Сколько лет прошло, а я в деталях помню эту картину: солнце, пустое шоссе, музыка, танцует Андрей! Этот момент стал для всех нас воплощением РАДОСТИ!

Потом было Михайловское. Нас встречал Семен Степанович Гéйченко, писатель-пушкинист, хранитель музея и удивительно мягкий человек. Когда уезжали туристы, мы с ним садились пить чай на террасе, он читал стихи, мы ходили купаться в Сороть, мы ночевали на сеновале! Сказка!

Семен Степанович всю свою жизнь собирал колокола. Он мечтал когда-нибудь оснастить колокольню Успенского собора в Святогорском монастыре, где покоится прах Пушкина. Со временем колоколов и колокольчиков набралось так много, что они уже не умещались в доме. Хозяин развесил самые большие на прясле в усадьбе, и сторож иногда вызванивал на них утреннюю и вечернюю зорю. Я был настолько зачарован этим действом и этим звоном, такими глазами смотрел на Гейченко, что он мне разрешил!!! И я стал играть! И не только зорю, а каждый час и даже полчаса, к великому удивлению жителей окрестных сел. Часов у меня не было — я приставал ко всем, чтобы узнать точное время для звона, и за пять минут до часа мчался на изготовку, вдевался во все веревки и постромки и начинал звонить! Будь моя воля, я бы весь час и играл — чего мелочиться, но через какое-то время меня все же отцепляли от «инструмента».

Андрей потом часто рассказывал, что это путешествие было одним из самых счастливых в его жизни: «Совпало все: погода, настроение, стихи…» И всегда добавлял: «И конечно же, самое главное — это еврей-звонарь!»

Комбинация на стуле

Киев. Вечер. Меня ведут в театр (не оставлять же одного в гостинице). «Женитьбу Фигаро» я вынужден был смотреть раз в двадцать пятый! Я сел на стул в узком портале между занавесом и кулисой. За мной на другом стуле пристроился мой ровесник Сережа — тоже «сын театра», как и я. Вот сидим и смотрим, смотрим и сидим…

Вдруг Сережа берет свой стул, протискивается через узкую щель и садится передо мной! Ага! В просмотре спектакля появился некий смысл! Я встаю, проношу стул над головой Сергея, ставлю перед ним и плюхаюсь, довольный, на стул!.. Не помню, сколько раз мы проделали эту комбинацию, но в очередной раз, когда я оказался впереди, соперник сдался! И сразу стало скучновато.

А в это время на сцене происходил знаменитый трагический монолог Миронова-Фигаро. В нем он переживал, что мой папа, граф Альмавива, воспользовался «правом первой ночи» с его невестой Сюзанной — Ниной Корниенко. Жуткая история! И вот

он бегает, страдает, пару раз мельком взглянул на меня (он знал, что мы сидим в кулисе), потом он посмотрел на меня более осмысленно, и вдруг глаза его стали с блюдце, как у той андерсеновской собаки на сундуке!

Сначала я ничего не понял, потом стал оглядываться и… увидел переполненный зал и зрителей… некоторые из них сопереживали мукам Фигаро, а остальные — с большим интересом наблюдали за мной! Оказывается, я сидел на сцене в увитой плющом беседке, где обычно пели «селяне» и «селянки». Может быть, зрители решили, что мое появление — это режиссерский прием: Фигаро юный сопереживает страданиям себя взрослого. Но когда я вскочил и стал метаться со стулом по сцене (ведь проход в «мою» кулису был заблокирован сидящим Сережей), а потом, сбивая все на своем пути, выскочил через «стену», они заподозрили, что что-то идет не так.

Выбравшись со сцены, я отбросил стул и завернулся в мягкую бархатную кулису. Сделал я это очень вовремя: наступил антракт, и крики Андрея: «Где он?! Я его убью!!!» — доносились совсем близко от моего укрытия.

Написал это и понял: не так надо было рассказывать эту историю. Эффектней было бы сделать это в стиле профессиональных «вспоминателей». Уподобляясь им, начать можно было бы так: «Помню, мы с Андрюшкой имели большой успех в Киеве. Что-то мы там играли… «Фигаро», что ли? На сцене нас было двое: Я и Дрюня. Он, как водится, бегал, много кричал… а Я просто сидел на стуле. И видели бы вы реакцию зала! Да, некоторые поклонники наблюдали за ужимками Миронова, но все остальные понимали, что главное развитие истории происходит не в словах его монолога, а в моей душе! Мое безмолвное напряжение передалось всему залу, а внезапный уход был встречен бурей оваций… Увы, уже никто не следил за метаниями героя. Это был триумф! И все же должен отметить, что своим успехом Я отчасти обязан партнерству Андрюши. Он тоже достойно справился со своей ролью…» и далее в том же духе. Но в отличие от подобных баек некоторых «мемуаристов-затейников», мои слова могут подтвердить полторы тысячи зрителей того знаменательного спектакля!

Игра в кораблики

После наших триумфальных гастролей в Киеве мы поехали отдыхать в пансионат на Днепре, недалеко от города Канев. Мы все те же: мама, папа, я и Андрей с Катей Градовой.

Я думаю, что это было их свадебное путешествие. По инициативе Кати все взрослые решили худеть, тем более что диета, которую она раздобыла, выглядела многообещающей: сыр и вино. И все! Я, понятно, был исключен из списка голодающих, и меня водили питаться в столовую. Как правило, сопроводить меня вызывалась Катя и как бы невзначай разделяла со мной трапезу. Мы с ней держали это в секрете на взаимовыгодных условиях: она рассказывала, как я хорошо поел, а я, как здорово НЕ поела она. Эта маленькая хитрость не приходила в голову активно худеющим, то есть пьяным с утра до вечера Андрею и папе.

Купаться было нельзя, вода была ледяная. Я бы, конечно, полез в любую, но не разрешали! Им-то что! Им, взрослым, главное полежать, позагорать — особенно учитывая специфику диеты… А мне?! И вот я придумывал разные развлечения. Одним из них было привязать длинную веревку к надувному матрасу и «возить» его по воде вдоль берега, как бурлаку.

Здоровый отдых на Днепре

Чтобы дело пошло веселей, надо было кого-нибудь посадить на «корабль». Вызвался только Лисмех. Я усадил его на матрас и потащил. Параллельным курсом по Днепру шел корабль настоящий… И опять меня подвело незнание законов физики! Первая же сильная волна от теплохода перевернула матрас, и Лис оказался в воде!!!

На мои вопли сбежались все! В воду лезть никто не хотел, а меня не пускали — не только из-за холода, но и из-за сильного течения… А Лис тем временем тонул! Наконец, не вынеся моих страданий, Андрей прыгнул в ледяную реку! На поверхности Лисмеха уже не было. Минут двадцать, стуча зубами, синий Андрей обныривал акваторию Днепра… и — о чудо! — метрах в пятидесяти от берега он нашел его, несчастного, на дне!

Может быть, этот подвиг помог впоследствии Андрею так талантливо и, главное, достоверно сыграть сцену на «необитаемом» острове в фильме «Бриллиантовая рука»!

Позже, когда я рассказывал бабушкам про это событие, я говорил:

— Он был абсолютно мокрый, и у него потом несколько дней капало из носа!

— У Андрюши? — спрашивали бабушки.

— Да при чем тут Андрюша, — возмущался я. — У Лисмеха!!!

Я вам поведаю еще несколько историй про Андрея Миронова, но попозже, а сейчас тема, которую я оттягивал, как мог, — крайне неприятная тема «Школа».

Школа

Школьные годы чудесные,
С дружбою, с книгою, с песнею,
Как они быстро летят!
Их не воротишь назад.
Разве они пролетят без следа?
Нет, не забудет никто никогда
Школьные годы.

Из текста песни «Школьные годы» Е. Долматовского

Начну с хорошего. Мои дети школу любили. Если я говорил кому-нибудь из них:

— Ты кашляешь, посиди сегодня дома.

— Нет! — кричали они и быстро-быстро собирали полутонный портфель, чтобы я не заставил их остаться!!!

В оправдание этого глуповатого поведения детей хочу сказать, что их школы были уже другими, более демократичными, без диктаторского подавления личности и мракобесной идеологии. Они ходили в школу общаться! И не важно с кем: с учителем или с друзьями — они уже становились свободными людьми!

Это было хорошее. Но, как говорится, хорошего понемножку… Начнем!

Существует множество литературных и поэтических высказываний на тему «сильных» чувств: «Любовь до гроба», «Неразделенная любовь», «От любви до ненависти…», даже «Любовь зла, полюбишь и козла»… Добавлю и я свой тюбик в эту разноцветную палитру. Я поведаю вам о чувстве глубоком, постоянном и, самое главное, разделенном: о чувстве всепоглощающей взаимной НЕНАВИСТИ между школой и мной! Ненависти между маленьким беззащитным ребеночком и старой вооруженной машиной подавления.

Школа № 31

Первый школьный день был, пожалуй, единственным позитивным впечатлением за все дальнейшие годы мучений. Было любопытно. Я, чистый как никогда, с жуткими гладиолусами, в окружении каких-то ребят… потом большая

комната со столами (но без еды), какие-то палочки, тетрадки, мел, тетка рисует мелом на черной стене — в целом все неплохо… Потом звенит звонок, и тетка говорит:

— До свидания дети, до завтра!..

Самый жуткий день

Вот тут я чего-то не понял! Какая такая «завтра»?! Зачем «завтра»? Сегодня ведь уже сходил!

Когда нас строем вывели в вестибюль, я бросился к маме:

— Мама, а сколько мне еще учиться?

— Десять лет без одного дня.

И все! Что-то во мне треснуло! А тут еще всеобщее умиление: «Ах, Мишенька пошел в школу! Ах, какой молодец! Теперь ты научишься читать и писать!..» Тьфу!!!

И я понял, что меня все предали, что теперь рассчитывать не на кого и воевать я буду один!

Вызов брошен — вызов принят!

Начало борьбы

Вероломное изъятие из мира дачных походов, обменов с Пашкой, троллейбусов с Хабибулем пробудило во мне протест, ответную реакцию — я отказывался считать дурацкие палочки, писать прописи (жуткое словечко, созвучное «пыс-пыс-пыс»). Нам говорили:

— Завтра оденьтесь нарядно, вас будут фотографировать.

Я «интуитивно» забывал об этом и портил классную фотографию, приходя нечесаным «вахлаком». А потом нас приняли в октябрята. Вы помните, кто такие октябрята? Нет? Напомню: «Октябрята — будущие пионеры. Октябрята помогают пионерам, комсомольцам, коммунистам, рабочим и крестьянам». В чем помогают? И почему только им? А как быть с архитекторами и артистами? Или вот: «Только тех, кто любит труд, октябрятами зовут». Этого я вообще не мог никогда понять! Как можно любить труд?!

— Что ты любишь, Машенька?

— Я люблю фигурное катание!

— А ты, Петя?

— Эскимо на палочке.

— А что любишь ты, Толик?

— Я люблю ТРУД! — отвечает мрачный октябренок Анатолий.

И, наконец, такое: «Октябрята следят за чистотой своего тела и одеждой».

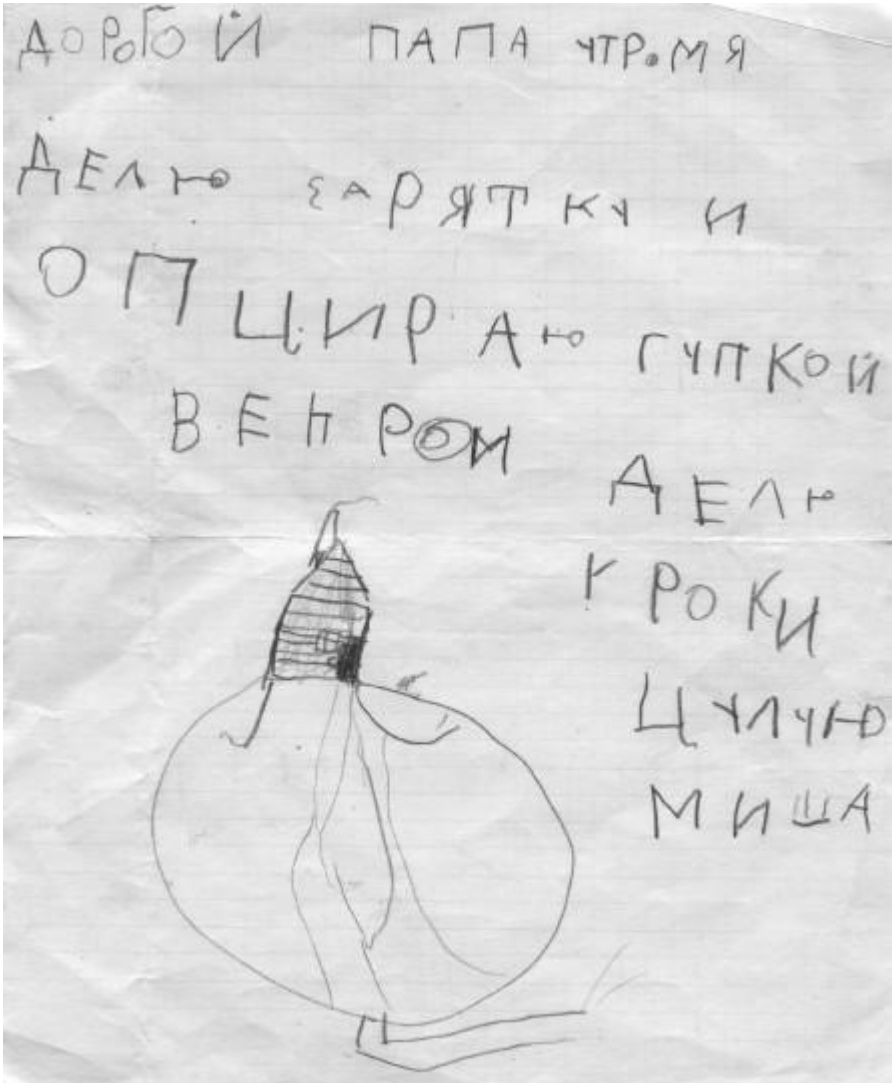
Санитар

Вот! Это важно. Символом октябрят был значок в виде пятиконечной звезды с «детским» портретом Ленина внутри. В связи с этим всех октябрят делили на «звездочки», по пять человек в каждой. В «звездочке» октябренок занимал одну из «должностей»: командир «звездочки», цветовод, санитар, библиотекарь, политинформатор или физкультурник. Понятно, что мне не светил ни командир, ни политинформатор. Мне снисходительно сунули белый мешочек с ватой, повязку с крестом и сказали:

— Будешь санитаром.

Я, конечно же, расстроился, но когда мне объяснили обязанности санитара, то жизнь засияла новыми яркими красками! Итак, я должен был по утрам стоять на пороге класса и проверять у всех входящих чистоту ушей и ногтей! Представляете! Уши грязные — я не пускаю! Будь ты хоть командир, хоть цветовод! При этом сам я мог не стричь ногти и не мыть уши, ибо, как сказал Жванецкий, «что охраняешь — то

имеешь» (видите, вспомнил еще один радостный момент из школьной жизни).



Каждый санитар должен опцираца гупкой

Сохранилось письмо, которое я послал папе на гастроли. Оно характеризует степень моего увлечения гигиеной в «санитарный» период жизни, а также и уровень грамотности первоклассника Миши.

В свободное от ушей время я «плоховел». Это была самая распространенная запись в моем дневнике. За плохое поведение меня постоянно наказывали: то ставили в угол, то выгоняли из

класса, то били линейкой, то оглоблей… (ну, тут я, пожалуй, перегнул палку, оглоблей — это родители). В общем, школа со мной боролась, а я боролся с ней. Однажды я, правда, перепутал школу и школьника, о чем очень сожалею. После занятий нас свели строем вниз к родителям, и я вдруг увидел, что меня встречает мой любимый дядя Вока! От радости и неожиданности я схватил своего соседа Тольку, подставил ногу и эффектно бросил его на пол! Я хотел похвастаться перед Вокой, какой я знаю приемчик… В итоге у Тольки — сотрясение мозга (легкое), а мне — нагоняй (сильный).

В общем, по окончании первого класса меня из школы по обоюдному согласию забрали.

Школа № 14

В результате сложнейшего многоступенчатого размена (главным образом квартиры прадеда в Обыденском) мы с бабушкой и родителями въехали в отдельную трехкомнатную квартиру в высотке на Котельнической набережной.

И меня отдали в новую школу. Нет, не в знаменитую 10-ю «французскую», не в прекрасную 35-ю «английскую», которые находились по соседству, а в жуткую школу при Даниловском рынке! И ничего, что добираться до нее надо было с двумя пересадками, зато она располагалась по пути к маме на работу, и самое главное, в ней учился… вы ждете — Ленин? Не угадали, в ней учился Кутя! (который, кстати, рядышком с ней и жил).

Первые годы меня в «это» возила мама: то на трамвае, то на автобусе-троллейбусе, то на автобусе-метро. Потом, класса с четвертого, я стал добираться сам. Это произошло после небольшого утреннего скандала. Мама меня торопила:

— Давай быстрее! Уже 10 минут восьмого! Мы опаздываем!

— Нормально, — бурчал я.

— Миша!!! — кричала мама… И вдруг я заявляю:

— Все равно, когда я прихожу, школа еще закрыта.

— ???

— Ну да, мы с дворником дядей Геной всегда сидим и ждем…

— ???!!!

Пора в школу

Оказалось, что все эти годы мама была уверена, что мои занятия начинаются в 8 часов, и ей это было в самый раз, чтобы успеть на работу, а на самом деле первый звонок звенел в 8.30!

Что делать? К половине девятого мама меня везти не может — опоздает сама, бабушка слепая, я вроде бы еще маленький… Тупик! Ну, не папу же просить! В итоге на семейном совете решили, что не маленький. Подозреваю, что решающий голос принадлежал папе, который почувствовал нависшую над ним угрозу…

Вот в таких условиях приходилось работать. 4-й справа, 2-й ряд

Вот так нелепо закончилось мое детство!

Ах, эти черные зимние утра! Мама меня будила и сразу же убегала на работу, я плелся в ванную, садился на табуреточку, включал кипяток и грелся минут десять в пару, потом плескал водой на лицо, чистил зубы (зубная паста была уже выдавлена на щетку), там же надевал эту жуткую мышиную по цвету и по сути форму и влажный от пара тащился на кухню. В контейнере на столе лежал бутерброд, в сковородке на плите — два сырых яйца, спичечный коробок с вынутой спичкой — все это готовилось в расчете на мою чудовищную утреннюю лень. Я это кое-как поглощал, брал тяжеленный портфель и уходил в морозную утреннюю ночь! Светало только в середине первого урока, но задолго до этого по городу тянулись вереницы маленьких ни в чем не повинных замерзших серых существ! Кто-то из взрослых-садистов назвал эту печальную картину: «Тяга к знаниям».

Однажды утренняя темнота сыграла со мной злую шутку. я проснулся, совершил весь унылый ритуал, правда, завтрака на кухне не было, видно, мама забыла. Меня это нисколько не расстроило… «Что воля, что неволя — все одно». Я вышел из дома и пошел к автобусу, чтобы ехать к метро… Автобус все не шел… Поняв, что опаздываю, я побежал.

Минут через пятнадцать прибежал… Метро закрыто… Стал

ждать… Подошел милиционер:

— Что делаем?

— В школу еду.

— Время видел?

— Неа.

Он показал мне на часы, которые висели прямо над моей головой… Было полпятого.

Я пошел домой… Пришел, лег, как был, в кровать, заснул… Каково же было удивление мамы, когда она пришла меня будить! Я спал одетый, положив голову на ранец!

Ну и, собственно, школа…

Взаимная ненависть возмужала и окрепла, и «плоховел» заполнил все поля дневника. Шла затяжная стратегическая война. Именно в этой школе с отвратительной «сталинисткой» директрисой, с пегим пучком на затылке, вовсю процветало подавление личности! Большинство педагогов были ей под стать, а я не мог с этим смириться, поэтому все годы пребывания в школе я старался победить в неравной борьбе. У меня совершенно не было времени на какие-то там занятия: надо было их обмануть, удачно прогулять, незаметно списать. До уроков ли тут! Тем более что дома меня ждали друзья и куча дел! Надо было слазить на телефонную станцию, где в помойке хранились сокровища — мотки разноцветной проволоки! Из проволоки получалась отличная оплетка для рогаток, и еще она была хорошей валютой в междворовых торгово-обменных операциях. Надо было добыть на стройке карбид и сделать из него водяную бомбу. Ну и конечно же, хоккей! Мы играли в хоккей корягами и консервными банками летом, самодельными клюшками на льду зимой, в жутких коньках «гагах», где нога подворачивалась при каждом движении… Хоккей был для меня всем!

Когда я, усталый от всего этого, приходил домой, понуро открывал дневник и среди красных замечаний, двоек, колов и прочих проявлений учительских комплексов находил десятки параграфов упражнений и задач, которые надо выучить, сделать, решить до завтра — я впадал в ступор! А ребенок в ступоре становится как бы «тупым». Он не понимает, сколько будет 3 плюс 2 — не то что не знает, а именно не понимает. Он не понимает самого вопроса: «Сколько будет 3+2?» «Что?» — спрашивает он. А вечером придет мама:

— Ты уроки сделал?

Ужасный вопрос! Ведь знает же, что не сделал, а спрашивает! И начинает проверять! И так до конца школы! И мне приходилось вести двойную игру: в школе обманывать учителей, дома — маму. Почему только маму? Потому что бабушку обманывать не надо, она — друг, а обмануть отца… — это как ребенка, вроде и стыдно, а надо. Это настолько просто, что и говорить не хочется… Или все-таки рассказать?

Моя бедная мама, делая со мной домашние задания, пыталась во все вникнуть: и в математику, и в химию, и в биологию — в результате чего выросла очень образованной и эрудированной! Кроссворды, например, она решает не глядя, за пять минут. Если же попадается слово неизвестное, то она иногда спрашивает у папы:

— Река, пять букв, впадает в Каспийское море: «В», пусто, «Л», пусто, «А»?

— По вертикали или по горизонтали? — обычно уточняет папа, и на этом его участие в решении кроссворда ограничивается.

Так вот, в те редкие дни, когда у мамы не оставалось сил на занятия с «балбесом», она просила папу проверить мои уроки.

Папа вынужденно соглашался… «Ага! Значит, папаша проверяет… Так-так, меняем концепцию! Долой знания — вперед ораторское искусство!» — проносилось в моем, готовом к любым поворотам судьбы, сознании. Я брал учебники и шел в бой!

Тактика была следующая: говорить слитно, не сбиваясь. Конечно же, папа не ориентировался в географии, химии и прочих «умных» науках. Зато как опытный педагог Щукинского театрального училища прекрасно разбирался в «наигранности» и фальши. Стоило мне начать запинаться, бекать и мекать, как он просыпался и говорил:

— Не понял? (Как будто он понимал до этого!)

Скажем, география в моем тарабарском исполнении выглядела примерно так:

— Базис эрозии при зональных вхождениях в северный делювий зачастую подвергается пойменной многорукавности, где польдер создает розу ветров субарктического пояса и наоборот.

Чтобы сочинить эту ахинею, требовалось выписать из параграфа несколько умных терминов, добавить чуточку фантазии и таланта и быстро без запинки все это протараторить.

Сам того не подозревая, папа готовил меня к поступлению в театральный институт.

Одно дело, ввести в заблуждение доверчивого отца, совсем другое — обмануть прожженную училку, которая спит с этим базисом, а просыпается от розы ветров! Ну и как следствие — «опять двойка», а за то, что развеселил весь класс своим ответом — «плоховел». В довершение травли, завуч, которая орала на нас каким-то ультразвуком (мы боялись, что полопаются лампочки), наняла мою одноклассницу Муськину (фамилия изменена), чтобы та доносила на меня каждый день после уроков! И та радостно согласилась. И понеслось… Что бы я ни сказал, что бы ни сделал, я ловил на себе многозначительный Муськин взгляд: «Так-так, понятненько… Ну-ну…», после чего следовал ежедневный донос, за ним санкции, вызов родителей и т. д. Как-то я выбил послабление режима на несколько дней. Вока привез мне из-за границы жвачку! Это была такая роскошь, такой дефицит, что одну пластинку жевали месяц, приклеивая на ночь к нижней части парты. Вполне естественно звучала просьба товарища: «Дай дожевать!» Словом, сокровище!

Так вот, все это сокровище ушло на подкуп Муськиной! Причем если в первые дни цена недоносительства составляла одну пластинку в день, то в последующие я вынужден был перейти на полпластинки за «стук»… Но прошла неделя и опять: «Ага, ясно-ясно…» Жуть!

Чтобы остудить накал страстей, чтобы оттянуть на полгода

дату моего неотвратимого отчисления, папе и Андрею Миронову приходилось играть для мучителей шефские (бесплатные) концерты. Бедные они бедные!!!

Кромешность моего школьного существования немного компенсировали друзья. Первые пять лет это был Лешка Карпов, с которым мы существовали на одной интеллектуальной волне, и все бы ничего, но он, заразина, хорошо учился! Потом к нам в класс пришел Искандер (история со сметаной) — и началось!

Он довольно быстро стал лидером класса, слава богу, в плохом… то есть в хорошем — ну, не в «пионерском» смысле слова. Он обладал какой-то очень сильной энергетикой — его побаивались даже учителя, да и завуч на него орала как-то потише. В Искандера влюбились все девицы класса, и это при том, что он был маленький, плотненький, в очках-телескопах!

В то же время вся мужская часть класса была влюблена в Кочеткову (фамилия не изменена). Она снисходительно благоволила нам с Карповым, и это примиряло нас с Искандером.

По-моему, во всех классах мира учится первая красавица Кочеткова, которую положено любить с первого до последнего класса. И только на выпускном вечере ты вдруг видишь: батюшки святы, Муськина!!! Ничесе! Во дает!!! Да, Муськины неожиданно превращаются в прекрасных лебедих (Liebe dich), а Кочетковы как-то угасают… Ты, ошалев, приглашаешь Муськину на танец… но поздно: поезд ушел, и Муськина становится Кочетковой институтского курса!

Слава богу, что в нашем случае все обошлось… Наша Кочеткова не подкачала! До сих пор «красавица-комсомолка-спортсменка». В шторм — под парусом, в пропасть — на лыжах, в тундру — на снегоходе (я не шучу)! А все потому, что ее муж Леха учился со мной в том самом первом классе и был физкультурником в «звездочке».

С приходом Искандера «моя борьба» приобрела более продуманный, более изощренный вид. Он стал стратегом и мозгом. Приемы были традиционные: натереть доску парафином, чтобы мел не писал; намазать клеем стул Георгия Алексеевича (Жорика), нашего юного классного руководителя; выпустить на волю лабораторных мышей ботанички и на перемене рассадить их по ранцам девочек!!!

Красавица Кочеткова

Учительница тогда каким-то образом вычислила нас с Искандером — был большой скандал! Нас таскали к директрисе… Тогда Искандер раздобыл где-то ботаничкин телефон, мы написали штук сто объявлений с отрывными телефонами «Отдам концертный рояль Steinway бесплатно в хорошие руки. Звонить после 23:00» (про рояль я узнал от своей сообщницы — Бабы) и заклеили этими бумажками весь район.

Судя по кругам под ботаничкиными глазами, «хороших рук» было хоть отбавляй.

Как-то Искандер довел Жорика своими шуточками до белого каления, тот подбежал, схватил моего друга за ухо и поволок к выходу… Казалось бы — все! Крах авторитета! Лидер класса семенит на цыпочках, приподнятый за ухо раскрасневшимся классным руководителем!!! Но нет! Не на того напали! Искандер совершенно спокойным голосом, совсем не вяжущимся с его положением, вдумчиво произносит:

— Сильный вы, Георгий Алексеевич… Кильку, наверное, кушаете?

Чистая победа! Да, вот с такими людьми меня свела жизнь!

И еще был знаменитый подрыв унитаза! На уроке химии нам

зачем-то подробно рассказывали, как соорудить взрывное устройство. Помню, одним из компонентов был натрий в банке с маслом, другие не помню, а и помнил бы — не сказал. Естественно, что мы захотели проверить слова учителя на практике. Пробрались в лабораторку, наскребли натрия, добавили того, чего не скажу, замотали все это в газету, чтобы дольше не намокло, и, дождавшись звонка на урок, спустили в унитаз. Туалет находился как раз напротив класса. На уроке мы сидели, затаив дыхание. Мы превратились в два больших уха… и вот, когда мы уже стали отчаиваться, раздалось: «Бах». Не «ба-ба-бах», а короткий глухой «бах». И вопль!!! Такой, что все вылетели из классов и бросились на крик. Мы с Искандером, ни живы ни мертвы, побежали тоже. В туалете, уже по щиколотку заполненном водой, стоял старшеклассник и дрожал. Он был белый, как унитаз… которого как раз и не было. Потом он рассказывал, что зашел в туалет покурить и только зажег сигарету, как на его глазах унитаз сделал это самое «бах» и рассыпался на тысячу осколков!

И опять нас вычислили! Дня через два. Вечером родителям позвонил Жора, чтобы до выяснения обстоятельств я в школу ни ногой! Когда я уже лежал в кровати, пришла мама и обреченно сказала:

— Ну вот, тебя выгнали из школы.

Я, тертый калач, решил, что это педагогический прием, скорчил гримасу скорби и через пять минут дрых.

Утром я проснулся сам! Меня не разбудили! Я посмотрел на часы и увидел, что уже 9.10 — конец первого урока! И тогда я понял: действительно выгнали!

На полусогнутых ногах я притащился на кухню и увидел папашу, который сидел, не глядя на меня, и мрачно пил кофе. Я тихо уполз к себе. Через какое-то время папа зашел и буркнул:

— Собирайся.

Ничего не понимая, но боясь спрашивать, я быстро оделся, и мы вышли на улицу.

У подъезда нас ждал папин друг Виля. Мы сели в папину «Волгу», причем Виля на мое приветствие не ответил (уже знал!), и поехали. Со мной никто не разговаривал, да и между собой они не особо общались. Мы выехали из Москвы. Я начал нервничать: «Куда меня везут?! Почему за город? Может, топить?» И мы мчались по заснеженной дороге все дальше и дальше! Часа через полтора мы свернули в лес и стали пробиваться сквозь сугробы. «Привяжут к дереву и уедут», — решил я. Но на счастье показались ворота, на которых было написано «Дом творчества композиторов «Руза». Мы проехали еще и остановились около

какого-то здания. Взрослые вылезли из машины и направились к двери. Я как собачка побежал следом. Оказалось, что это спортивная база, она же бильярдная. Папа с Вилей расставили шары и стали играть. Так вот зачем мы два часа ехали по сугробам! Знатные бильярдисты Виля и папа просто решили поиграть на природе в свободный от работы день! И вот почему папаша был такой мрачный с утра: мама велела ему сделать, наконец, что-нибудь с этим оболтусом и ушла на работу, а у папы планы! Давно собирались с Вилей расслабиться вдвоем, без всех «этих», а тут на тебе — «этот»!

В общем, посадили меня в углу и стали играть. Через какое-то время открывается дверь и входит Михал Михалыч Державин!

— Привет, привет! Как дела?

Он, оказывается, отдыхал в этом Доме творчества. Поболтали немножко, и он, уходя, спросил меня:

— В хоккей будешь играть? (Он не знал!) Сердце мое замерло… я глазами показал на папашу.

— Я возьму Мишку? — спросил Державин.

— Забирай, — вяло буркнул папа. Сердце отмерло и начало лихорадочно биться.

Хоккей! Это самое главное в жизни! Я про него знаю все! Я знаю «тройки» всех команд! Я болею за ЦСКА! Я не пропускаю ни одной телетрансляции!.. Мы вышли из бильярдной, и я говорю:

— Но у меня нет ни коньков, ни клюшки.

— Что-нибудь подберем.

И подобрал!!! Коньки! Ботинки «канады» — я много раз видел такие по телевизору, а однажды даже в нашем дворе у одного взрослого. Не веря своим глазам, я надел это чудо и вышел на улицу. Хоккейной «коробочкой» являлась залитая идеально ровным льдом баскетбольная площадка. Я вышел на каток… и полетел! Назвать ездой скольжение на этих коньках было нельзя, они сами управляли твоими движениями. После бесчисленных часов «набега» на подгибающихся ногах в жутких отечественных коньках «гагах» оказалось, что я великий конькобежец! Я повторял про себя: «Это чудо! Чудо! Чудо!..» И так бы продолжалось до бесконечности, если бы на лед не вышел Михал Михалыч и не протянул мне КЛЮШКУ!

Такое я во дворе не видел! Такое я видел, когда показывали чемпионат мира!

Даже жуткая фанерная клюшка «Москва» за 2.20 была большим дефицитом, притом что она ломалась после пятого удара. Забинтованные изолентой обрубки этой клюшки и были

основными орудиями игры.

А эта была произведением искусства! Тонкая гладкая рукоятка плавно переходила в загнутый (!), покрытый стекловолокном крюк. На ней были какие-то надписи на «нерусском», и казалось, что она ничего не весит! Шайба, посланная этой клюшкой, сразу устремлялась в космос — с такой скоростью и на такую высоту она взлетала. Оторвать же шайбу ото льда нашими обрубками можно было максимум на полтора сантиметра, и то при особом умении.

«Чудо! Чудо! О чудо! — неслось у меня в голове. — Никогда! Никогда в моей жизни не будет более прекрасного момента! О!»

Эх, если бы я знал, что произойдет через несколько минут, я бы проглотил свои слова о само́м моменте!

Но вот эти минуты промелькнули и… Мое и так уже издерганное за этот день сердце остановилось, подпрыгнуло, выскочило наружу, пронеслось над катком, пролетело через баскетбольное кольцо и, дрожа мелкой дрожью, обосновалось в области пяток.

На лед выехали еще два человека… Это были Валерий Харламов и Александр Мальцев. (Ставлю точку, потому что ни один восклицательный знак не может выразить бурю эмоций, охватившую меня.)

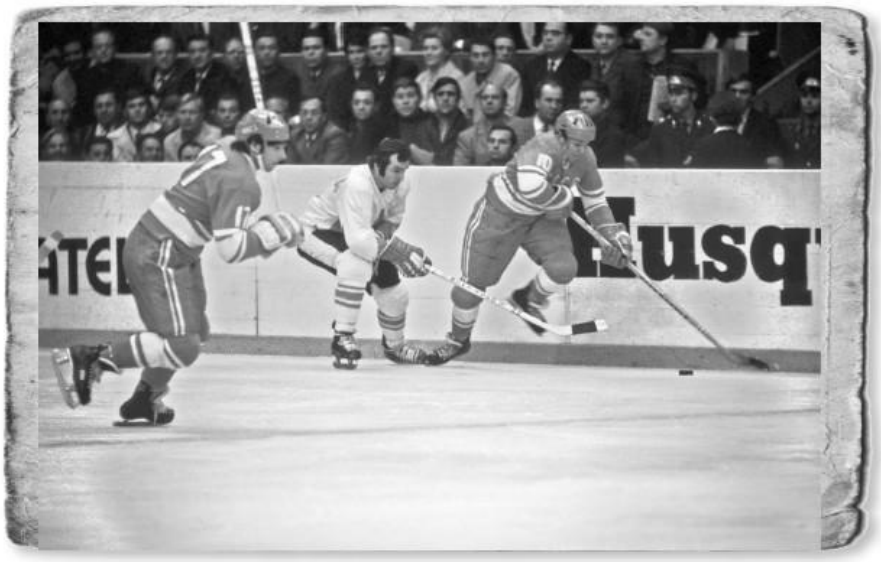
Если вдруг кто-то из молодежи не знает, кто эти люди, то очень коротко их представлю.

Валерий Харламов, ЦСКА, дважды олимпийский чемпион, восьмикратный чемпион мира, «Легенда № 17».

Александр Мальцев, «Динамо», дважды олимпийский чемпион, девятикратный чемпион мира. Прославленный тренер ЦСКА и сборной СССР по хоккею Анатолий Тарасов говорил:

— Сборная СССР — это ЦСКА плюс Александр Мальцев.

Достаточно? Конечно же, нет! Это сухие цифры, а тогда передо мной стояли два лучших хоккеиста всех времен и народов! Я и сейчас в этом уверен.



Михаил Державин знал и любил хоккей и прекрасно в него играл. Кроме того, он с хоккеистами дружил! Конечно, каждый знающий хоккей дурак вроде меня хотел бы дружить с хоккеистами, но не каждый становился знаменитым Державиным, которого все обожали!

Спасители

Так вот, эти «ребята» приехали в гости к Михал Михалычу

отдохнуть, покататься… а тут и я подвернулся. Мы играли часа полтора двое на двое: Державин — Мальцев, Харламов — я, выгнанный из школы, наказанный оболтус. Мы с Харламовым (как звучит!) выиграли со счетом что-то 35:32, после чего они пошли обедать, а я был доставлен в Москву, где и продолжил отбывать наказание.

Через несколько дней после очередного концерта «Державин — Миронов — Ширвиндт» я был со скрипом восстановлен в школе. А теперь представьте реакцию моих друзей на рассказ о хоккейном матче! Как вы думаете, они поверили? Конечно же, нет! И правильно сделали… Я и сам до сих пор не могу в это поверить!

По окончании 8-го класса в те времена надо было писать заявление на переход в 9-й — тебя либо оставляли, либо вперед, в ПТУ (производственно-техническое училище). Может быть, это правило существовало только в нашей прирыночно-тоталитарной школе, но, как бы то ни было, сталинистка-директриса вызвала нас с Искандером вдвоем к себе в кабинет и сказала:

— Заявление приму только у одного из вас.

Не задумываясь, я порвал свою бумажку и бросил перед ней на ковер… На этом история моей самой мерзкой из школ закончилась.

Школа № 45

Перед моими бедными родителями остро встал вопрос, куда пристроить свежевыгнанного неуча. Задача осложнялась тем, что школу надо было искать с английским уклоном и, по сложившейся традиции, не ближе двадцати километров от дома.

И, о чудо!..

Но прежде чем поведать вам о чуде, небольшое отступление.

Как-то раз кинорежиссер Элем Климов пригласил Зяму и Таню Гердтов на показ своего первого полнометражного фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен». Просмотр устраивался для «деятелей образования», лагерных начальников (пионерлагерных) и «работников искусства». Фильм, как вы знаете, получился замечательный, а стало быть, и реакция «воспитателей духа» была резко негативная: кино антипедагогическое, идеологически невыдержанное, вредное и т. д.

Вдруг встает мужчина, говорит, что он директор (картавя букву «р») и что смешно обсуждать: фильм потрясающий, полезный всем — взрослым и детям.

— Нечего лицемерить — начал он. — Все знают, что выгнать с работы дурака — трудно. В школе это сделать тоже нелегко. Поэтому, если в апреле ко мне подойдет выпускник-десятиклассник и скажет, что у него конфликт с учительницей и что она дура (а я знаю, что, к сожалению, он прав: она действительно дура), то неужели я буду его отчитывать: как ты смеешь об учительнице, о старшем, и т. п.! Конечно же, нет. Единственное, что я ему скажу: «Паша, потерпи!»

После обсуждения Таня подошла к «Паше-потерпи».

— Я правильно поняла, что вы директор школы?

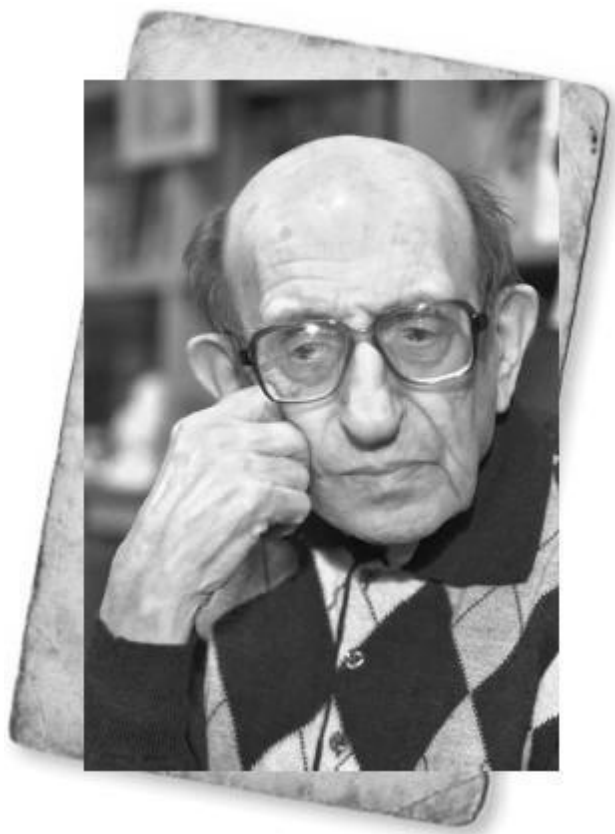
— Да, а вам зачем?

— Я хочу отдать к вам в школу дочку, где ваша школа?

— О, у черта на куличках, в Черемушках!

— А мы в Черемушках и живем… И Катя стала учиться в 45-й школе!

Директора, который не выговаривал «р», звали Леонид Исидорович Мильграм.



Мильграм Л. И.

А теперь возвращаемся к «о-чуду».

Гердты поговорили с директором, и мне была назначена аудиенция. Семейный совет в лице мамы постановил, что сопровождать меня будет отец! Ну, мы и поехали.

В шикарном кабинете за огромным столом сидел ОН! Высокий, лысый, с внимательным пронизывающим взглядом сквозь очки в роговой оправе. Сидел и курил. «Американские», — определил я по привычному запаху, исходящему от Андрея Миронова.

За его спиной на стене висел большой портрет Ленина. Казалось бы, ну и что? У всех висел. Но нет, этот Ленин был какой-то другой: с внимательным серьезным взглядом, даже чем-то походил на хозяина кабинета.

— Здравствуйте, садитесь, — сдержанно поздоровался он (безо всяких там: «Александр Анатольевич, рад знакомству! Гердты звонили…»)

Мы испуганно приземлились на другом конце стола. Я-то понятно: у меня школьный испуг — это естественное состояние. Но чтобы растерялся папаша — такого я еще не видел.

— Не знаю, что я могу для вас сделать, — продолжил он. — Уж очень у тебя незавидная репутация (это уже ко мне). А у нас образцово-показательная школа! Ну как я могу тебя взять?

Мы с папой сидели ни живы ни мертвы.

— Ты сам хоть понимаешь, что ты далеко не импозантный тип? — спросил директор. — Ну, что молчишь?

А что я мог ответить? Ужас в том, что я не знал, что такое «импозантный»! Мотать головой или кивать?

Слава богу, в этот момент открылась дверь и вошла женщина в синем халате. Мы с папой продолжали как загипнотизированные смотреть на директора.

— Вообще-то, мужчины встают, когда входит женщина, — окончательно добила нас тетенька в халате!

Мы вскочили и замерли, прижавшись к стенке.

— Если я все-таки приму решение условно, с испытательным сроком, зачислить тебя в школу, то Ирина Васильевна (он показал на женщину в халате) будет твоим классным руководителем.

В общем, зачислили. Правда, я был проинструктирован по поводу неукоснительного выполнения всех школьных правил, как то: строжайшая дисциплина, школьная форма, стрижка под полубокс (почти налысо), и, в довершение всего, Ирина Васильевна (учитель биологии) велела к 1 сентября собрать гербарий из листьев деревьев средней полосы России!

О как! На том и порешили!

Пропущу мучительные подробности покупки формы, лысой

стрижки и, главное, составление гербария, собирать который я начал, естественно, 31 августа.

1-е сентября! Я в мышином костюме с ежиком на голове, гладиолусами для женщины в халате и с гербарием под мышкой (ей же) вхожу в школьный двор на «линейку».

Первый, кого я заметил, был юноша «моего вида», только без гладиолусов:

— Не подскажешь, где тут девятый «А»? — спросил я.

— Это мой класс, пошли покажу, — ответил он, и мы стали пробираться сквозь школьную толпу.

Надо сказать, что, в силу своей исключительности и особенной продвинутости в области английского языка, 45-я школа была очень популярна в мидовских кругах. Здесь учились дети дипломатов, журналистов-международников, наверное, и разведчиков… Моими одноклассниками были Саша Коллонтай, правнук комиссара и дипломата, подружки Ленина Александры Коллонтай; Ренат Сейфуль-Мулюков, сын известного журналиста; на класс младше учился Тема Боровик и т. д. Все эти ребята, как правило, на каникулы разъезжались к родителям на работу в «горячие точки планеты»: в США, Швейцарию и прочие Франции, а к 1 сентября с радостью возвращались в СССР, в школу.

Так вот, когда мы с моим новым другом подошли к флажку 9 «А», я увидел группу элегантных пижонов, одетых в приталенные блейзеры и расклешенные брюки, с аккуратно уложенными (до плеч) волосами… Надо ли говорить, что на меня они даже не взглянули!

И тогда я понял! Мильграм! Так изящно, так тонко, с таким пониманием психологии меня никто еще не «разводил»! Я даже не разозлился, я принял это поражение с преклонением перед победителем… Добила же меня Ирина Васильевна на первом уроке (это была биология):

— Друзья, — начала она. — Я вами очень не довольна! Я попросила вас собрать летом гербарий, и никто — НИКТО, кроме нашего нового ученика Миши Ширвиндта, — этого не сделал!

Не дай вам бог когда-либо испытать такой взгляд, каким меня наградил весь класс!

Довольно много времени у меня ушло, чтобы восстановить статус-кво, отмыться от «разводки» Мильграма, от «полубокса», от гербария. Сложнее было с формой. Я не мог соперничать с фирменными шмотками одноклассников, но старался как мог. Например, модные брюки «клеша». Я купил в универмаге штаны 54-го размера, а Баба Светя ушила их по мне. Получился «чумовой клеш»! И понеслось! Не прошло и недели, как в дневнике появилось первое робкое «плоховел», затем посыпались

двойки, вызовы родителей — я прописался!

Отдуваться на этот раз приходилось в основном маме. Папа с Андреем, конечно, тоже поигрывали концерты, но мама… Мама учила Мильграма водить машину! Да! Он купил «Жигули», и мама приезжала к нему в Черемушки, где они и катались часами по переулкам!

Кстати, меня водить машину научила тоже мама. Конечно, в детстве на даче папа сажал меня на колени (до педалей я не доставал), и я рулил по нашим жутким оврагам. Когда же я подрос, то уже под маминым руководством ездил по огромному двору на Котельнической набережной. И, несмотря на то, что эти занятия являлись поощрением за хорошую учебу, то есть были крайне редки, я все же довольно быстро освоил автоискусство. К моменту сдачи на права я уже мог сам научить кого угодно.

Самый эффектный комплимент, который я получил в своей жизни от подруги Карины, дорогого стоит.

— Ты водишь машину, как бразильцы играют в футбол! — сказала она.

Ну вот, похвастался, и дальше…

Леонид Исидорович Мильграм — личность уникальная! Его биография — это полный набор всего того, что может произойти с еврейским мальчиком, родившимся в 1921 году. В 1938 расстрелян отец. Он, шестнадцатилетний, пошел разгружать вагоны, чтобы прокормить себя и четырнадцатилетнего брата. Потом война — добровольцем с первого до последнего дня. После демобилизации в 1946 году Мильграм вернулся в Москву, женился на Мирелле Пасторе, дочери известного итальянского коммуниста, в 1951 окончил Исторический факультет МГУ. Но тут — «дело врачей», и он был отправлен учителем истории в Архангельск. И только в 1960 году Мильграм приступил к созданию 45-й школы, одной из самых известных и престижных в Москве.

Родителей учеников он эксплуатировал нещадно! У него был огромный гроссбух с профессиями и телефонами пап и мам всех школьников, и чуть что — он начинал их дергать! Только не надо сравнивать эту ситуацию с днем сегодняшним, когда школьные поборы постепенно вытесняют государственное финансирование. Мильграм при помощи родителей «выбивал». Выбивать тогда надо было все: от кафеля до современных лингафонных кабинетов — и родители, видя упертость и бескорыстие директора школы, помогали чем могли!

В случае с моей мамой четко прослеживалась неприкрытая личная корысть! Но, учитывая тяжелый случай в виде меня, все закрывали на это глаза.

Так все и шло: я плохо учился, учителя меня гнобили, родители воспитывали, Баба покрывала. Когда по приказу главного командования (мамы) за воспитание брался отец, это было не страшно. Он просто орал на меня так, что прибегали соседи. Папа же — актер, и он нашел прекрасный способ демонстрировать гнев, который не испытываешь — орать. Я, сын актера, тоже кое-что в лицедействе понимал… поэтому очень натурально изображал страх и раскаяние. В итоге после такой «взбучки» мы появлялись перед мамой усталые, но довольные, с чувством выполненного долга. Если же за меня бралась сама мама, то тут «пришла беда — отворяй ворота»! Будучи женой актера, она настолько хорошо разбиралась во всех тонкостях этой профессии, что у меня не было шансов! Воспитывала мама меня тихо, почти шепотом, и это было действительно страшно, что там папашины гром и молния! Если же я сбегал от экзекуций и запирался в туалете, то мама, подойдя к двери, тихо говорила:

— Выходи.

— Не-е-е-т! — вопил я.

— Считаю до трех… Раз… Два…

Это было невыносимо!

— Два с половиной…

Три я не слышал никогда! Я сдавался!

В школе же отношения с учителями в целом сложились, и это вовсе не моя заслуга. Просто Мильграм подобрал действительно хороших педагогов.

Ненавидели меня два человека: учительница физики (не буду называть ее имени, пусть будет физичка) и молодой педагог по английскому Александр Ефимович Медман по кличке Муман (так выглядел его автограф). Почему я назвал его имя? Потому что сейчас Саша Маленький (новое прозвище) — мой хороший приятель, и в своей ненависти ко мне много раз раскаялся! Он говорил:

— Представь, я только после института… В ТАКОЙ школе! Боюсь всех и вся… А тут ты — такой наглый и смотришь на меня прям так…

Понимаю его. Уверен, что «прям так» и смотрел!

Но это сейчас, а тогда после 9-го класса он оставил меня на летнюю переэкзаменовку!

То есть у всех каникулы, старшие классы уезжают в Латвию в трудовой лагерь… и без меня!!! А я — ходи каждый день к Муману на дополнительные занятия! Самое обидное, что спустя лет двадцать я узнал, что по утрам он мучил меня, а вечерами проигрывал деньги в преферанс моим будущим друзьям Денису Евстигнееву и Антону Табакову!!!

Трудный лагерь

Все проходит, прошла и моя летняя переэкзаменовка… Меня спецгрузом отправили к друзьям — в лагерь! Про лагерь этот ходили легенды. Латвия! Олайне! Рядом с Ригой! Ну да, там надо пополоть какую-то свеклу, но зато — свобода! Друзья! Подруги! Ах!

Еще во время «английских пыток» мне пришло письмо от Сани Скляра (теперь он зовется Александр Ф.): «Привези побольше консервов и хлеба». Меня это ничуть не насторожило, я просто упаковал то и другое и поехал.

Теперь попробую тезисно описать, чем все это оказалось.

Район Олайне — сельскохозяйственная и промышленная зона Латвии. Помимо полей бескрайних свекольных в Олайне работало единственное во всей Латвии учреждение по принудительному лечению от алкоголизма — Олайнский лечебно-трудовой профилакторий.

Там же располагалась специальная воинская часть с «воспитательным уклоном». Добавьте сюда для аромата Олайнский химико-фармацевтический завод — и вы увидите милое местечко для трудового отдыха московских школьников.

Сам лагерь состоял из одного-единственного здания. Это был коровник. Нет-нет, коровы там никогда не жили, так как его не успели достроить! Ну, а свято место пусто не бывает: нет коров — будут дети! На чердаке стояло штук двадцать раскладушек — там жили мальчики, а собственно в коровнике — девочки и учителя. Перед коровником — площадка метров сто, на которой стоял пинг-понговый стол… — и все!

Позади — лес, а за бараком — тропинка вдоль колючей проволоки: к столовой и к месту погрузки в грузовики.

Теперь про свободу, к которой мы так рвались…

Подъем в 6:00 утра.

С 6:00 до 6:20 зарядка.

Опоздал — вычет из зарплаты. (Да, нам полагались какие-то деньги: половина заработанного на прополке шла в фонд школы, а вторая — нам. Если учесть, что дорога и даже униформа для ползанья в грязи — за наш счет, то сумма выходила не самая внушительная… минус вычеты.)

Встать на зарядку бывало не просто: по утрам волосы и шерстяные одеяла покрывал иней, а на улице в трусах — вообще колотун!

В 7:00 — завтрак в столовой: булка, каша, чай.

В 7:30 — выезд на грузовиках в поле.

В 8:00 — добро пожаловать в ад!

До горизонта уходят грядки с растениями. Ты садишься на колени так, чтобы грядка проходила у тебя между ног, и вперед! Особенно приятно, если вчера шел дождь… Отдельное удовольствие, если дождь идет сейчас, и начинается, собственно, прополка. Свекольный кустик растет каждые 10–15 сантиметров, остальное — сорняк. Вот его и надо выдергивать. Норма: две грядки — до горизонта и обратно. И постоянный надзор! Отстаешь — вычет из зарплаты, болтаешь с соседом — тоже. Поэтому, чтобы нагнать передовиков производства, будь они неладны, приходилось убыстрять процесс, выдергивая все подряд — лишь бы каждые 15 сантиметров оставался какой-нибудь кустик, будь-то крапива или чертополох. Если ловили на этом — минус трудодень!

Лагерная жизнь

В 14:00 — обед: суп, макароны, хлеб.

С 15:00 до ужина (каша, чай) — свободное время.

В свободное время можно было делать две вещи: играть в пинг-понг или не играть — все! А вот чего в свободное время делать было нельзя: ходить направо — там профилакторий алкоголиков, ходить налево — там дисбат, заходить в лес — там змеи и клещи… И за любое нарушение — штраф, штраф, штраф! Ну, мы и играли. Причем не просто так, а на интерес. А интерес был один — еда! Может быть, по каким-то санитарным нормам

наш паек и соответствовал нормативам, но наши растущие, измученные свеклой организмы отказывались это принимать! Поэтому играли на все съедобное: хлеб, булочки, конфеты.

По ночам, конечно же, мы ходили в лес, посидеть у костра, поесть привезенные мною консервы, пофлиртовать, а потом под утро упасть в сырые раскладушки, закрыть на секунду глаза… и услышать:

— Подъем! На зарядку становись!

Однажды на построении нам сказали:

— Завтра мы едем в Ригу в Домский собор на концерт органной музыки.

О, счастье!!! Поедем! В Ригу! И бог с ней с музыкой — переживем… Главное — едем!

На следующий день мы, впервые в цивильных одеждах, садимся в свежевымытые грузовики и выезжаем из зоны «полей бескрайних, трудовых»!

Город! Люди! Рига!

Нас выгружают на Домской площади прямо около собора, чтобы не разбежались, и заводят внутрь. Начинается концерт органной музыки. Ну, в целом неплохо. Первое отделение — классика, второе — «Партия у нас одна» (партия — не в музыкальном, а в коммунистическом смысле)… Мы со Скляром ближе к концу первой части тихо пробираемся к выходу и, узнав у билетерши, когда закончится концерт, выскакиваем наружу! Свобода!

За оставшиеся до конца представления полтора часа мы обежали весь город, выпили кофе с бальзамом в «13 стульях», Скляр затащил меня в магазин пластинок (он уже тогда был очень подкован музыкально), мы купили по диску никому, кроме него, не известного Раймонда Паулса («Поверь мне, классный чувак!» — уверил меня Саня) и, не спеша, отправились к собору, чтобы незаметно смешаться с выходящими зрителями.

Домская площадь была пуста. Ни одного человека — только два наших грузовика сиротливо стоят у ограды. «Еще рано», — подумали мы и подошли поближе.

Оказывается, было поздно! Грузовики были забиты мрачными учениками и взбешенными учителями! То ли билетерша перепутала, то ли мы не поняли, но концерт закончился час назад, и весь этот час лагерь ждал нас, сидя в грузовиках!

Долагерный Скляр

— Мы сегодня же отправляем вас в Москву! — заявил главный начальник. — Вечерним поездом вы едете с Марией Ивановной! Понятно?

Мы понуро кивнули.

На самом деле, мы ликовали! В Москву! Прочь из этого ада! Свобода!

И все бы ничего (скорбь мы имитировали прекрасно), но на последнем этапе, увы, киксанули. Еще не весь отряд выбрался из кузова, а мы со Скляром уже стояли тут как тут с собранными чемоданами, готовые к высылке.

И начальник что-то заподозрил!

— Так и быть, оставлю вас на испытательный срок. Без оплаты труда, естественно! — добавил он… и оставил, зараза!

Не знаю, сколько в итоге заработала школа, но мы со Скляром с трудом наскребли на чашку вокзального кофе, когда уезжали в Москву.

Физическая мука

Помните, я упоминал физичку? Думаете, я о ней забыл? Такое забудешь!!!

Да, не давались мне точные науки (впрочем, и остальные тоже). Математика, химия, физика — не мое! Ну вот объясните, зачем все эти знания школьнику, который собирается учиться на артиста? (Другие варианты мною не рассматривались.)

Как часто в жизни вы использовали «логарифм семи по основанию шесть»? Или закон Менделеева — Клайперона для универсальных газов? Это вообще полный тупик!

Я, конечно же, вызубрил его. Меня ночью разбуди и крикни: «Менделеевклайперон!» — и я сразу же оттарабаню: «ПВ равняется М, деленное на Мю РТ!» — при этом ни значения этих букв, ни смысла закона я не понимаю! Я не понимаю, как Менделеев с Клайпероном придумывали этот закон. Вместе? А то что из этого закона вытекают законы Бойля — Мариотта, Шарля и даже Гей-Люссака?! (даже не знаю, это два человека или это характеристика старика Люссака?)

Так вот, физичка. Однажды в середине десятого, последнего, года обучения, она, ставя мне очередную двойку, заявила:

— Запомните все: Ширвиндт не сдаст физику на выпускном экзамене! И останется на второй год! Даю слово!

Вот так вот — СЛОВО! Я занервничал. Заволновались родители. И мне, нуждающемуся в дополнительных литературе или истории, нашли репетитора по физике! Полгода я, чуть не плача, выслушивал объяснения милейшей Славы Исаевны, но не осилил! Ну, может быть, совсем чуть-чуть, хотя бы стал понимать значение «физических» слов.

И наступает время экзаменов! У меня и без физики полный завал (я, кстати, ходил еще к репетитору по математике)… Готовлюсь, не сплю ночами, хожу на консультации… И вот на консультации по физике физичка заявляет:

— Помните, я говорила, что Ширвиндт не сдаст экзамен? — все затихли, а я думаю, сейчас скажет: «Но, видя, как прилежно он занимался эти полгода, посещал дополнительные уроки, я меняю свою точку зр…» Она не дала мне додумать и продолжила:

— Так вот, я подтверждаю это: он останется на второй год!

Выйдя из класса, я бесцельно побрел по коридору и через какое-то время обнаружил себя на пороге кабинета Мильграма. «Это последний шанс», — подумал я и постучал.

Мильграм, как всегда, грозно восседал за огромным столом в облаках дыма.

— Что надо? — сухо спросил он.

— Леонид Исидорович, — набравшись духу, начал я. — Вы хотите видеть меня еще год?

— Только в страшном сне.

— А придется наяву!

— ???

— Меня физичка (естественно, я назвал ее по имени) оставляет на второй год.

— Объясни.

И я поведал ему все про клятвы перед классом, про Славу Исаевну, про Клайперона и даже вскользь упомянул Люссака.

— Все это глупости и бред! — рявкнул он. — Иди занимайся!

И я ушел!

Через день пришел… И начался экзамен!

Помимо физички (я забыл сказать, что она была еще и завучем) в классе присутствовали инспекторы РОНО: для контроля. Волновались даже отличники, что уж говорить обо мне. Я вытянул билет…

Чтобы вы получили представление или просто вспомнили, как они выглядели, я покажу вам произвольно взятый билет для выпускного экзамена:

«Билет № 3

1. Первый закон Ньютона. Инерциальные системы отсчета. Взаимодействие тел. Сила. Масса. Второй закон Ньютона. Третий закон Ньютона.

2. Экспериментальное задание по теме «Оптика»: наблюдение изменения энергии отраженного и преломленного световых пучков.

3. Текст по разделу «Молекулярная физика», содержащий описание использования законов МКТ и термодинамики в технике. Задания на понимание основных принципов, лежащих в основе работы описанного устройства.

И задача.

Условие:

Расстояние между двумя городами почтовый голубь пролетает при отсутствии ветра за $t = 60$ мин, а при встречном ветре за время $t_2 = 75$ мин.

За какое время t_1 голубь преодолеет это расстояние при попутном ветре?»

Казалось бы, очень элегантная задача, хотя способ почтовой связи наводит на мысль, что сочинял ее чуть ли не сам Гей. Но самое милое в этой простенькой задачке — решение:

«При попутном ветре, очевидно, относительно Земли, скорость голубя равна сумме скорости ветра υ и скорости голубя в отсутствие ветра υ_1, а расстояние S между городами будет равно:

$S = (\upsilon_1 + \upsilon)t_1$. (1).

При встречном ветре это же расстояние S птица преодолеет с относительной скоростью, равной разности скоростей голубя и ветра, и, соответственно,

$S = (\upsilon_1 — \upsilon)t_2$. (2).

В отсутствие ветра расстояние между городами голубь пролетит за время $t = S/\upsilon_1$. (3). (Конечно, (3) можно было

записать в том же виде, как и два предыдущих соотношения, т. е. $S = \upsilon_1 t$.)».

Задача физически решена: мы имеем три уравнения с тремя неизвестными, остается только их решить. Решать можно, что называется, в любом порядке.

Приравняв (1) и (2), т. е. исключив расстояние S, мы свяжем скорости υ и υ_1:

$(\upsilon_1 + \upsilon)t_1 = (\upsilon_1 — \upsilon)t_2$.

Раскрываем скобки, вновь группируя, получаем:

$\upsilon_1 t_1 + \upsilon t_1 — \upsilon_1 t_2 + \upsilon t_2 = 0$, или $\upsilon(t_1 + t_2) = \upsilon_1(t_2 — t_1)$.

Откуда

$\upsilon = \upsilon_1(t_2 — t_1)/(t_1 + t_2)$. (4).

Далее можно подставить (4) в (2):

$S = (\upsilon_1 — \upsilon_1(t_2 — t_1)/(t_1 + t_2))t_2 = \upsilon_1 2t_1 t_2/(t_1 + t_2)$. (5).

Осталось подставить (5) в (3) и выразить искомое t_1:

$t = 2t_1 t_2/(t_1 + t_2)$.

Отсюда окончательно: $t_1 = t_2 t/(2t_2 — t)$. (6).

Вычисляем: $t_1 = 75$ мин * 60 мин /(2*75 мин — 60 мин) = 50 мин.

Ответ: 50 мин.

Вспомнили? Ужаснулись? Вот-вот!

В общем, я с подобным билетом сажусь готовиться, роюсь в шпаргалках, перешептываюсь с соседями… как вдруг открывается дверь и входит Мильграм.

Никто этому не удивился: директор проверяет, как идет экзамен. Он поговорил с тетками из РОНО и стал прохаживаться вдоль проходов. Потом неожиданно для всех подсел ко мне и сурово спросил:

— Готов?

— Ну, это… да, наверное… Вот тут еще задача… — замямлил я.

— Отвечай!

Немая сцена!

— Вам? — выдохнул я.

— Да.

— Нет-нет! — засуетилась физичка. — Он будет сдавать мне!

— Я же сказал, что сам приму экзамен у Ширвиндта! — «стальным» голосом произнес Мильграм.

— Но вы не можете!.. Нет!.. Я! — верещала физичка.

— Отвечай! — повторил Леонид Исидорович, уже не глядя на нее.

Представители РОНО ничего не понимали.

И я начал! Сначала сбивчиво, боясь, что спугнут, потом все более уверенно, вспоминая опыт папиных проверок уроков, тем

более что терминов я нахватался у Славы Исаевны — в общем, тараторил, не закрывая рта. Мильграм сидел с умным серьезным лицом, не понимая ни слова из моей тарабарщины (в школе он преподавал историю), и все больше напоминал мне моего папу. Потом я показал ему перерисованную со шпаргалки задачу про какие-то диоптрии, линзы и фокусы и выдохнул:

— Все.

Мильграм растерянно посмотрел на меня и спросил:

— И что?

Понимая, что страшное уже позади, в предвкушении триумфа я, набравшись наглости, скромно проговорил:

— По-моему, «пять».

Это хамство даже заставило его улыбнуться. Он, разглядывая мою оптическую задачу, снял массивные очки, повертел ими и спросил:

— Сколько здесь диоптрий?

— 75, — наобум выпалил я.

— Три, — сказал он.

— Что «три»?

— Три диоптрии, и ты получаешь тройку.

Я решил не гневить судьбу и, тихо шелестя крыльями, вылетел из класса!

А теперь вспомните «Паша, потерпи». Теперь вы понимаете, почему Мильграм Леонид Исидорович — народный учитель СССР, почетный гражданин города Москвы и почему Гимназия № 45 носит его имя?!

Котельники

Высотка на Котельнической набережной считалась и продолжает считаться домом элитным.

Там жили и генералы, и ученые, и деятели культуры: Галина Уланова, Михаил Жаров, Василий Аксенов, Евгений Евтушенко, Фаина Раневская, Клара Лучко…

Знаменитости жили, как правило, в центральной, высотной, части дома, а мы, «бойцы невидимого фронта», в крыле, выходящем на Москву-реку. Наша семья там оказалась случайно, по обмену, а вообще этот корпус проходил по ведомству КГБ, и селили туда действующих и бывших сотрудников этих органов. (Хотя, как вы знаете, «бывших» там не бывает.) Над нами, например, жил и живет замечательный Феликс Дзержинский — артист оригинального жанра и внук Феликса Эдмундовича.

Еще я помню соседа Григория. Кем он там работал, я не знаю, но однажды он застукал меня, когда я «угнал» из гаража папину машину, чтобы покатать подружек по двору. Я дал Грише три рубля, чтобы он меня не сдал папе, он пообещал и… сдал! Настоящий чекист!

А какой у нас был гараж! Прямо напротив подъезда! Небывалая роскошь!

Достался нам он благодаря Евгению Евтушенко. Они с папой долгие годы стояли в очереди на машино-место, которое освобождалось только по «убытию» предыдущего владельца. И вот это печальное событие произошло — все шансы у Евтушенко… и он пишет стихотворение «Тараканы в высотном доме». Это памфлет-аллегория, где наш дом берется за модель общества. Поет ли Зыкина, играет ли Богословский (наши соседи) — из всех щелей прут «тараканы» или паразиты общества, которые мешают нам жить. Отчасти это был намек на наше «ведомственное крыло», но явно речь не шла о насекомых Blattella germanica (рыжих прусаках), которых в доме водилось немерено. Именно прямая ассоциация оскорбила руководство высотки, и бедный Евтушенко получил категорический отказ на право комфортно парковаться!

И вот так, одержав победу в тараканьих бегах, мой папа триумфально въехал в гараж на своей 21-й «Волге»! Въехал и поселился! Оказалось, что там, в вечно прохладном сыром полумраке, пахнущем бензином, маслом и прочими крепкими напитками, — собиралось общество! Академики, генералы, артисты, спортсмены, автомеханики, мясники и прочая интеллигенция по вечерам сервировали капот чьей-нибудь

машины, разложив на газете лучок, колбаску, консервы (оттуда, видимо, у моего папы патологическая любовь к шпротам), и неспешно, иногда до ночи, обсуждали способы ремонта текущей прокладки тормозного суппорта при помощи презерватива или обострившийся конфликт с «красными кхмерами» в Кампучии.

Классическая сервировка

Шпроты и прочая снедь покупались тут же, в знаменитом гастрономе. Он был огромный, мраморный и с длинными очередями… но при наличии гаражных связей любой деликатес выносился через черный ход.

Помню любимое развлечение нашей дворовой команды: мы гурьбой заходили в мясной отдел, я подходил к продавщице и спрашивал:

— У вас мозги есть?

— Нету! — отмахивалась та.

— А говяжьи?!

И, умирая со смеху, мы удирали под ее вопли!

Автопарк

Рассказывая о гаражах и их двуногих обитателях, нельзя не вспомнить о четырехколесных железных конях, тех самых, которые «пришли на смену крестьянской лошадке».

Первой «стальной лошадью» в нашей семье стала «Победа» ГАЗ М-20. Вообще-то она напоминала, скорее, старую ржавую

клячу… Доставшись папе уже в очень зрелом возрасте, «Победа» верой и правдой прослужила нам еще лет пятнадцать!

Я ее очень любил. Я с ней (вернее в ней) рос. Только я молодел, а она старела. Старела, ржавела, подгнивала и не заводилась. Тронуть зимой этот «сугроб» с места было делом практически невыполнимым. Благо, напротив подъезда на Скатертном располагался Комитет по делам физической культуры и спорта. И вот одним из «дел» этого комитета, вернее, спортсменов, которые всегда толпились у входа, было впрячься в нелегкую «Победу» и дотолкать ее до Мерзляковского переулка (там она, по договоренности с папой, заводилась).

Вообще, в отличие от зарубежных аналогов, у отечественных автомобилей была душа.

Они капризничали, надуманно ломались, злорадно ржавели или вдруг вытаскивали себя (вместе с тобой) из непроходимого болота. Все зависело от их настроения. Поэтому над машинами тряслись, с ними заигрывали, иногда, правда, ссорились, но главное — относились как к живому организму. То ли дело унылая иномарка… Сел и поехал — и все! И никакой лирики.

Нашу старушку «Победу» особенно невзлюбил инспектор ГАИ Селидренников. Он сидел в «стакане» у Никитских Ворот и чуть завидит папу, выезжающего из переулка, — ну свистеть и палкой размахивать:

— Сымай номер, Ширвинг! — кричал он. — Не смей этой рухлядью позорить красавицу Москву!

Но, как мы знаем, от ненависти до любви один шаг. И этот шаг, ко всеобщему изумлению, проделал инспектор Селидренников. Он купил нашу «Победу»!!! (А еще говорят, победу не купишь… Как миленькую!)

Папа рассказывает, что, когда сделка состоялась и Селидренников направился уже к своей красавице, я неожиданно сорвался с места, обогнал инспектора, запрыгнул в машину и поцеловал «Победин» руль.

А потом была «Волга» ГАЗ-21. Она уже еле ползала, когда мы ее приобрели, а за пару лет эксплуатации рассыпалась окончательно. Решено было ее немедленно продавать (если вдруг

кто позарится). Подвязали отваливающиеся детали веревочками, подмазали, подкачали и повезли эту «цыганскую лошадь» на рынок в Южный порт.

И — о чудо! — своим черным блеском она приглянулась самому ценному покупателю — таджику-хлопководу!

Да, дорогой читатель, в те времена жители среднеазиатских республик — хлеборобы, бахчеводы и хлопководы — царили на вторичных авторынках. Продать машину этим ребятам считалось пределом мечтаний. Денег у них куры не клевали (да, собственно говоря, вообще никто не клевал их деньги), и платили они не скупясь.

Вот на такого бая мы и наткнулись. Не веря своему счастью, оформили все документы, получили деньги и долго махали им вслед руками (не столько от умиления, сколько: кыш, кыш! Уезжайте!)

А через месяц пришло письмо из Таджикистана. Мы подумали — всё! Будьте вы прокляты! Шайтан вас покарает! И так далее… Но нет!

Письмо было написано со всей восточной учтивостью: «О, досточтимый друг! О, алмаз души! О, Александрака!..» А далее на пяти страницах шло описание нелегкого путешествия на этой солнцеподобной машине!

О том, как пересекали СССР, как попали в разлив реки, как вынуждены были «пустить машину по пескам», а потом преодолеть горный ледяной перевал… И ни разу (!) — ни на суше, ни в разливе, ни во льдах, ни в изнуряющей жаре (черная машина, без кондиционера) — эта красавица их не подвела!

Нижние бюсты

И еще много лет родственники этого благословенного бая привозили нам с оказией дыни и арбузы (подозреваю, что возили они их на нашей «Волге»).

Кстати, по странной семейной традиции, мой первый автомобиль, который я получил в приданое, тоже был полной развалюхой. «Жигули» ВАЗ-2103 с третьим двигателем (!) — знатоки оценят. Это было единственное положительное качество машины. Все остальное отгнивало и отваливалось на глазах. Я целыми днями под ней лежал, чего-то подвязывал, укреплял, но

тщетно. Когда-то она была белого цвета, но время взяло свое, и на висках (в смысле, на крыльях) стали проступать желтые ржавые пятна. И я каждое утро, прежде чем сесть за руль, покрывал ее бока белой краской из баллончика… прямо по грязи, чтобы лучше держалась. Но это все мелочи по сравнению с той радостью, которую доставило мне обладание этой машиной. Про приключения и катаклизмы, связанные с моей «трешкой», можно написать отдельную книгу… скажу лишь, что, когда пришло время ее продавать, я приехал все в тот же Южный порт и поставил машину в комиссионку. И там мне выдали крайне неприятную квитанцию-описание продаваемого агрегата. Моя машинка разбиралась по пунктам, один страшнее другого.

Подмашинная жизнь

Кузов — отсутствие лакокрасочного покрытия, ржавчина, вмятины.

Днище — сквозные отверстия, повреждения.

Ходовая часть — люфты, отсутствие некоторых элементов.

Резина — протектор полностью стерт, вздутия на шинах… и т. д.

Но самым отвратительным было резюме. В последней графе «Общее состояние автомобиля» стояло унизительное «УТИЛЬ»!

Она, несчастная, простояла на комиссии около полугода, несколько раз уценивалась, и, наконец, была за гроши продана какому-то любителю антиквариата.

Дальше с автомобилями в семье становилось все лучше и

лучше… но те первые выстраданные душевные неходячки навсегда останутся в нашей семейной летописи.

Балкон

Давайте все же поднимемся домой, а то мы все по гаражам и подсобкам шастаем…

Квартира наша была, по сегодняшним меркам, более чем скромная: две комнаты, небольшая кухня и БАЛКОН!

Балкон образовывает коричневый гранитный фартук, который идет по всему дому и заканчивается на нашем третьем этаже. И вот все третьеэтажники нарезали этот фартук, как колбасу, разделились цветочными ящиками, и получились огромные, увитые виноградом, лоджии-террасы с видом на реку.

На балконе я рос: играл в хоккей, учился кататься на мопеде (!), летом в жару обливался из шланга. На балконе гуляли и гуляют родительские собаки… И главное, там устраивались застолья!

Если папа оказывался летом на свой день рождения в Москве,

то на балконе собиралось человек тридцать! Пили, ели, пели… Было всегда шумно и весело!

Однажды во время такой гулянки часа в два ночи открывается дверь на маленьком балкончике этажом выше… «Все, сейчас будет скандал», — решили все. Но нет, на балкон вышел Андрей Миронов и стал оттуда произносить тост! Попробовали бы вы не открыть дверь, если вам в два часа ночи позвонит Андрей Миронов!

Кстати, о том, что Андрей — знаменитый артист, я долго не подозревал: ну, Андрей и Андрей, папин друг, родной человек… И только после «Бриллиантовой руки» меня торкнуло: «Ничесе!» Вау!

Одноклассники спрашивали:

— А ты его живьем видел?

— Да, — небрежно бросал я.

— А трогал? — это уже апофеоз сопричастности. — Сколько раз?! — они не верили.

Я настолько поехал умом от свалившейся на МЕНЯ славы Андрея, что однажды купил в киоске открытку с его портретом и попросил автограф (первый и последний раз в жизни)! Андрей написал прямо на лице на снимке: «Дорогой Миша, твой папа тоже хороший актер» (эта открытка очень долго у меня жила, но все-таки кто-то ее стащил).

Во время Московской Олимпиады-80 на балконе было очередное застолье, как вдруг звонок в дверь — и вбегают в

трусах (разделись в лифте) Эльдар Рязанов, Григорий Горин и Андрей Миронов с олимпийским факелом! Прежде чем сесть за стол, они долго еще бегали по квартире и по балкону — выполняли норматив.

В другой раз Захаров, Миронов и Горин придумали очень остроумную шутку: они нашли на ближайшей помойке чугунную батарею весом под центнер и, умирая со смеху, приволокли ее к нам. Папа открыл дверь, увидел корчащееся от веса и от смеха трио и сказал:

— Смешно… А теперь тащите ее обратно.

При отсутствии куража они ее волокли вниз минут сорок!

Вообще, кураж нечасто покидал эту компашку. Редкие посиделки заканчивались простым выпиванием. Самая ненавистная для всех жен фраза Марка Захарова звучала обычно под утро в прихожей, когда все одевались на выход:

— Глупо было бы расставаться, — произносил он, и неугомонные друзья мчались дальше в праздник!

Например, поиграть в «догонялки» на автомобилях! Преследовать, прятаться в подворотнях, выскакивать наперерез! Все очень радовались, и только Захаров играл в свою игру: он на ходу перелезал из машины в машину через окно!

Как-то «заканчивали вечер» в лесу около аэропорта

Шереметьево. Разложили костер и танцевали вокруг него. Над головами все время пролетали самолеты. Марк Захаров очень боялся, что они примут костер за посадочный огонь, поэтому бегал, размахивая курткой, и кричал самолетам:

— Кыш! Кыш!

Широко жили!

На рассвете богема заваливалась спать, и только моя мама к девяти утра ехала на Вернадского в «Моспроект» на работу!

Выжить в таком режиме советскому архитектору, попавшему в безумный театральный вертеп, было нереально, и тогда мама построила себе гнездо. В мастерской стояло около пятнадцати чертежных кульманов, и вот за одним из них мама разместила раскладушку. Обеденный перерыв длился почему-то 23 минуты, но этого времени хватало, чтобы заснуть глубоким сном и проснуться выспавшейся. При этом вся мастерская очень трепетно оберегала мамин сон: все обедали шепотом, а когда заходил начальник и громко спрашивал:

— Где Наталья Николаевна? — все шикали на него и шептали:

— Тихо. Она спит.

Два самых знаменитых сегодня архитектора Александр Бродский и Илья Уткин, а тогда стажеры Саша и Илюша, нарисовали «автопортрет» мастерской, где центром композиции является моя мама, спящая под чертежной доской!

Поработав и отдохнув, мама мчалась домой приготовить, убрать, покормить, проверить, уложить и ждать приговора: «Будь в напряжении!» или «Сервируй!»

Андрей Миронов был профессиональным меломаном. Аппаратура, которая стояла у него дома, и сейчас бы вызвала восторг у ценителей настоящего звука. Колонки в полстены, какие-то усилители, сабвуферы и… музыка! Джаз, блюз, соул… Фрэнк Синатра, Перри Комо, Дин Мартин, Пегги Ли, Луи Армстронг, Элла Фицджеральд… Я от него заразился той эпохой, и эта музыка, пожалуй, единственное, что я слушаю долгие годы. Сейчас все это послушать можно где угодно, начиная с телефона и кончая душевой кабиной… а тогда! Тогда у меня не было ничего! Если мои «мидовские» одноклассники ходили с портативными кассетными магнитофонами (!), то у нас дома было трехпрограммное радио да на даче патефон (тот самый, под который флиртовали родители).

Мое нытье не помогало…

— Вот будешь хорошо учиться, тогда…

То есть никогда! И я подбил Андрея, а он уговорил родителей, и мне купили стереопроигрыватель!

Правда, начальная цена для стереосистемы «Вега» была 220 рублей, а хорошие модели стоили вообще «космос». Но для меня умудрились найти прибор за 100 рублей! Akords-stereo рижского производства.

И все равно он играл музыку! Андрей подарил мне несколько пластинок, а чтобы я не переживал за технику, то надписи Akords на колонках он заклеил полосками белого пластыря, на которых написал «SONY» и «GRUNDIG» — и звук стал почище.

Фрифлэт

Конечно же, самое счастливое время было, когда родители куда-нибудь уезжали на несколько дней, и я уже взрослый, лет 15–16, оставался один с Бабой Раей!

Ну, собственно, один я находился минут сорок. Этого времени хватало друзьям-подругам, чтобы примчаться ко мне на фрифлэт[3] и начать тусоваться!

Бабка принимала участие во всех наших застольях. Выпивала, говорила тосты, рассказывала разные байки… И все мои ее обожали! Она была в доску своя… Настолько, что мои подружки то и дело уединялись с Бабой в ее комнате и, рыдая, делились своими переживаниями и проблемами! (Потому что у ВСЕХ девушек ВСЕГДА переживания и проблемы… до старости).

А вот когда между бабушкой и внуком согласья нет, то история с фрифлэтом может закончиться трагически…

Родители моего товарища Жени уехали на месяц в санаторий и оставили Женю дома одного. Ну, не совсем одного. Еще в квартире жили-были бабушка, попугай и пальма. Понятно, что за свободу надо платить… и Женя смиренно принял все условия, выдвинутые родителями. По сравнению с перспективой веселого безумства, которое сулила «свободная квартира», наставления родителей казались смехотворными: Женя должен был кормить бабушку, заботиться о любимом мамином попугае, поливать папину пальму и перед приездом родителей покрыть пол лаком. На все на это были оставлены деньги… И началось! Праздник длился круглосуточно! Деньги текли рекой. Постепенно кормление бабушки стало серьезным обременением для каникулярного бюджета. Тогда кто-то вспомнил статью в журнале, где говорилось, что человек может прожить, съедая одно яйцо в день. Попробовали на бабушке — получилось. Жила, как ни в чем не бывало. Первой сломалась пальма — не в смысле перелома ствола, а просто не выдержала этой жизни. Оказалось, что бычки от сигарет, остатки портвейна, а то и чего поестественнее она не восприняла как полезные удобрения и тихо засохла. Обкуренный попугай крепко держался на жердочке, подмигивая нам мутным глазом. Наконец наступил час Х… Настало время крыть пол матом. Я хотел сказать — лаком… Ну, матовым лаком. Ничего не поделаешь — на то мы и друзья, чтобы не бросать товарищей в беде. Бабушку отправили к родственникам, надели марлевые повязки и дружно покрыли пол чем надо, после чего покинули объект, чтобы дать лаку высохнуть.

Два дня выпивали где-то еще и, наконец, пришли посмотреть, хорошо ли лак «схватился». Вошли и… О ужас! Попугай! Мы про него забыли! Сначала нам даже показалось, что обошлось. Попугай сидел на своем месте… но молчал и глазами не моргал. Он остекленел, в прямом смысле этого слова. Надышавшись ядовитых испарений, он сам превратился в лаковую миниатюру. Бедная птичка! Конечно, мы все расстроились, но больше всех переживал Женя:

— Завтра приедут родители, и что я им скажу?! — стонал он.

Сердобольные друзья выскребли последние деньги, сгоняли за портвейном и стали Женю утешать. Все шло неплохо: Женя совсем «расслабился», но тут со стороны входной двери донесся характерный звук — звук ключа, поворачивающегося в замочной скважине. Дверь открылась и… Немая сцена… В квартиру вошли загорелые и отдохнувшие родители: они вернулись из отпуска на день раньше. Мы тут же повскакивали с мест, Женя тоже как мог повскакал… и, хлопая глазами, мобилизовав остатки разума, произнес:

— Ма, па… сохом похом — убило папуя, — и заплакал.

В отличие от родителей мы все поняли. Женя пытался произнести следующее: «Мама и папа, пока сох пол, попугай скончался». Реакции родителей мы не дождались — малодушно сбежали!

А вот история хоть тоже про пьянство, но со счастливым концом…

Однажды жарким летом, когда родителей в городе не было, ко мне уже в ночи пришел мой друг Аркадий.

С ним я познакомился на даче. Мне тогда было полтора года, ему — год. Я чем-то заболел, плакал, поднялась температура… Паника! Кто-то из дачных сказал, что в нашем поселке живет знаменитый педиатр профессор Цимблер, и меня, ревущего, потащили к нему. Профессор, к счастью, оказался на месте и, осмотрев меня, спросил:

— Он у вас в песке не сидел?

— Да, на пляже играл в куличики.

— Ну, вот он в пипку себе песочек и насыпал.

Пипку помыли, и я сразу выздоровел!

Оглянувшись по сторонам, я увидел неприятно попискивающий кулек, из которого торчали красные ручки и ножки, и не придал этому значения… Тем более что подошла его мама Ира, взяла кулек, сказала:

— Аркашулечка! — и унесла.

Мог ли я тогда предположить, что этот кулек станет моим дружком на всю жизнь и, как достойный внук великого педиатра,

будет всю жизнь попискивать про свои болезни!

И вот Аркаша пришел ко мне на балкон!

Мы сервировали стол всякими прекрасными закусками, у нас в хрустальный штоф была перелита водка, мы сидели в халатах, слушая музыку, льющуюся из Akords-stereo, периодически вставали и обливались из шланга холодной водой (была жуткая жара)… и выпивали… и вели долгие разговоры — и так до утра… а потом…

Ранний, чуть видный рассвет, Сердце шестнадцати лет. Сада дремотная мглаЛиповым цветом тепла. Тих и таинственен дом С крайним заветным окном. Штора в окне, а за ней Солнце вселенной моей.

(Иван Бунин)

…А потом на пятом этаже распахнулось окно!

Оно распахнулось со звуком вылетающей пробки от шампанского… как будто некие волшебные пары́, переполняющие пространство, нашли выход наружу!

И появилось ЛИЦО!

Оно было совершенно в своем чувстве! Оно являло драму! Оно изображало трагедию!

Оно смотрело на рассвет, на реку, на город… но ничего не видело! Ему было плохо! Его боль была настолько остра, что мы стали ощущать покалывания, сидя в креслах двумя этажами ниже!

Это было одно из самых мощных, самых красивых похмелий, которые мне довелось видеть в жизни! И вовсе не пробка шампанского распахнула створки окна, а выхлоп чудовищного перегара чуть не разрушил наш дом! Лицо пыталось напиться утренним воздухом, судорожно дышало, но ТАКОЕ воздухом не вылечить, и оно это понимало!

Наконец оно наклонилось в нашу сторону, приоткрыло глаза и… увидело мираж!

Накрытый стол, где на восходящем солнышке поблескивают пупырчатые малосолы, истекает утренними водами квашеная… и в запотевшем хрустале слепит глаза ОНА!

ОНО окаменело! ОНО смотрело на НЕЕ! Нас ОНО не видело!

Мы тоже сидели, потрясенные увиденным! Наконец, поняв, что больше не могу созерцать эту муку, я приподнял штоф и жестом показал на свободный стул.

Помните в мультфильмах про Тома и Джери, когда кот куда-то очень торопится, начинает бежать… его ноги уже очень далеко, а голова все еще маячит в проеме?

Тоже произошло и здесь… Лицо еще смотрело в окно, а у двери уже раздавался звонок!

Пока тело соединяется с ногами, скажу вам, кому все это принадлежало.

Если собрать все органы тела и чувств воедино, то получится Толя, гаражный слесарь-алкоголик, которого знает весь дв…

Все! Прерываюсь, вот он уже весь мается под дверью!

Взойдя на балкон, Анатолий замер. Мираж начинал приобретать оттенки реальности, ОН по-прежнему смотрел на НЕЕ. Вероятно, и лицо ЕГО так долго оставалось в окне, чтобы ни на секунду не потерять ЕЕ из виду.

Предложенный стул он проигнорировал, просто стоял и смотрел. Я налил полный хрустальный стакан из запотевшего штофа и протянул ему.

Опустим описание мук, трясущихся рук и пытки, глотка попытки… Напишу просто: Толя выпил.

Постояв с минуту, Анатолий, наконец, открыл глаза! Он увидел солнце, небо, реку… с удивлением обнаружил нас с Аркадием… и сел. Второй стакан полностью примирил его с действительностью и даже больше… Толя заговорил.

Своей первой и, впрочем, единственной фразой он с лихвой отблагодарил нас за гостеприимство. Он попытался выразить все эмоции и чувства, которые раздирали эти, может быть, самые яркие мгновения его жизни… И вот что изрек Анатолий:

— Я евреев не люблю! — пауза (собирается с мыслями). — Из евреев я люблю трех… Твоего отца… Леонида Осипыча Утесова и… МОГИЛУ Бернеса!

За такое можно было бы опохмелять Анатолия всю жизнь!

«Щука»

Экзамены по блату

Блистательно окончив школу с аттестатом 3,3, я стал готовиться к поступлению в театральный институт. Других идей ни у меня, ни у родителей не было. По русской линии я бы попробовал замахнуться на архитектурный, но если я еще мог с грехом пополам выучить стишок, то прямую линию не мог провести даже по линейке: оставались «бугорки» от пальцев, которыми я линейку прижимал.

Поступал я, естественно, по блату и ничуть этого не стыжусь и не стесняюсь. Почему-то всегда считалось, что если твои родители сажали злаковые, то ты — наследственный хлебороб, если плавили руду, то ты — из династии сталеваров, а вот если предки были врачи или актеры, то это значит — блатные «сыночки».

Сейчас ректоры главных театральных вузов — мои друзья и однокашники, и если вдруг моя внучка придет поступать в Школу-студию МХАТ, то мне не надо будет предупреждать об этом друга и по совместительству ректора Игоря Золотовицкого. Если же дело будет совсем плохо и внучка Элла не сможет даже прочесть басню, то Игорь позвонит мне и скажет:

— Старичок, не надо, — и я пойму.

Это, конечно же, абсолютно гипотетический пример, потому что Элла прочтет замечательно и с большим успехом окончит МХАТ! (Игорь, ты это читаешь?)

А если серьезно, то цена ошибки в выборе актерской профессии очень высокая. Мальчик поступит по блату в институт, потом по блату попадет в столичный театр, и даже роль ему могут дать по блату… И все! Если ты с ролью не справился — хана! Падаешь больно, с большой высоты и навсегда!

Поэтому, если вам позвонит Золотовицкий и скажет (см. выше), то умоляю вас, прислушайтесь!

М. М. Козаков

Когда я поступал в «Щуку» (Театральное училище имени Б. В. Щукина), Игорь Золотовицкий мне помочь никак не мог: он переходил в 9-й класс Ташкентской средней школы, а до поступления в «Щуку» Жени Князева (теперешнего ректора) оставалось три года. Поэтому пришлось все делать самому… папе.

Меня натаскивал на басню-стихи-прозу сам Дмитрий Николаевич Журавлев, чтец от Бога!

Со мной занимался Михаил Козаков! Однажды он открыл какой-то том и сказал:

— На вот, выучи это стихотворение.

— Хорошо, — кивнул я, засовывая книгу в сумку.

— Зачем ты забираешь книгу?

— Чтобы учить дома.

— Как дома?! Сейчас учи!

— Не, я не смогу. Так никто не сможет.

— Да это же так просто! — кричал он, поражаясь моей

тупости.

— Не, невозможно, — настаивал я.

Тогда взбешенный Козаков подвел меня к огромному книжному шкафу и сказал:

— Выбирай!

Помню, я выбрал что-то совсем унылое и длинное, какую-нибудь оду Державина, и ткнул в нее пальцем. Он ушел с книгой на кухню, вернулся через 5 (!) минут и прочитал оду без запинки на одном дыхании!

> Да, были люди в наше время,
> Не то, что нынешнее племя:
> Богатыри — не вы!..[4]

… и не мы! В общем, натасканный «богатырями», я ринулся поступать!

Прошел два тура (басня-стихи-проза), был допущен до третьего, решающего, и настала пора подавать документы (только после второго ты становишься абитуриентом). Секретарша учебной части забрала мой аттестат и стала заполнять какую-то ведомость.

— Какой у вас средний бал? — спросила она.

— 3,3, — обреченно признался я. (Средний балл тогда играл важную роль при поступлении. Он добавлялся к сумме оценок за все экзамены, и зачастую одна десятая могла решить твою судьбу.)

Девица занесла ручку, чтобы внести эти цифры в графу…

— Подождите! — неожиданно для себя воскликнул я. — Что вы пишите?!

— 3,3. Вы же сами сказали.

— Но ведь 3,3 округляется! — с надеждой попробовал я.

— ???

— 3,3 округляется до 3,5.

— А, простите, я не знала… Сейчас…

— Стойте!

— Что?!

— Что вы хотите вписать? — Остапа понесло.

— Ну, три с половиной.

— А три с половиной это сколько?

— Сколько?

— Ну… — подталкивал я.

— Четыре? — растерянно спросила девица.

— Конечно! — Я не верил своим ушам, и, что самое удивительное, своему рту.

И замороченная секретарша вписала в экзаменационную ведомость «ЧЕТЫРЕ»!

Вы думаете, я испытал радость? Возликовал? Нет! Мне вдруг стало обидно: за мои выстраданные 3,3, за все школьные мытарства, за физичку, за Мильграма… Каждая четверочка давалась с таким боем, такой кровью… чтобы эта «милая барышня» по простоте душевной… одним росчерком… всю мою жизнь…

Вы думаете, что я попросил ее исправить «мою жизнь» обратно? Нет.

Проскочил я и третий тур (помните? по блату), и начались «взрослые» экзамены! Тут уж 3,3 во всей красе! Тут уж отворяй ворота!

Сначала сочинение.

О, если бы вы, «дарагой четатиль», увидели написанное мной в «оригинале», без подсказок компьютера и без кропотливой работы редактора! Но бог вас миловал! «Вражденная граматнасть»! (Конечно, я немного утрирую катастрофу, да и моя патологически образованная мама требует, чтобы мы с папашей перестали во всех интервью хвастаться своей темнотой… Но, во-первых, вам так смешнее, а во-вторых, из песни слова не выкинешь.) Вот и моя дочь Саша подлила масла в огонь наследственного порока, написав на бумажке адрес своего института.

Накануне мы с другими абитуриентами распределили шпаргалки. Договорились, как будем их передавать, и т. д. Шпаргалки эти были маленькой темненькой фотокопией обычной страницы, и, чтобы разглядеть слова, приходилось подносить «фотокарточку» к самым глазам.

В общем, сели писать во всеоружии! Из предложенных тем моей «шпоре» соответствовала одна: «Ленин в произведениях Маяковского и Горького». И я стал писать, вернее, списывать.

Письмо Саши и вердикт Папы

Сдюжил худо-бедно, и для страховки дал Ляле Бероевой проверить (Ляля была дочкой Бероева и готовилась стать через пару лет мамой Бероева). Ляля нашла каких-то двенадцать жалких ошибок. Дал незнакомому парню — он нашел всего три (неуч!). Когда мы сочинения сдали (сдавали без подписи, чтобы нельзя было определить, где чье), ко мне подошла прекрасная Алла, библиотекарь института (блат), и спросила, с каких слов начинается мой опус. Я ответил. Через два дня результат — «3»! Позже Алла призналась, что шестнадцать ошибок она исправила, но четыре все-таки оставила «для достоверности».

Но «3» — это плохо! Даже с моим четверочным аттестатом этого мало. К тому же рассчитывать на хорошие оценки по истории и литературе я не мог.

В общем, с тяжелым сердцем я взялся за историю… Поняв, что за три дня двадцать столетий не осилить, я впал в отчаяние! И тут позвонил мой товарищ по несчастью Толя Дудник:

— Под диким секретом сказали, что если идешь на двойку, то спросят дополнительным вопросом: «Восстание Болотникова»!

Кто сказал? Кому? По какому секрету? Неважно… Главное, это мой случай!

Забросив тома учебников и энциклопедий, я стал учить «Болотникова»!

К утру я знал про него все! От того, как рос маленький Ванятка, и до трагической кончины, когда Иван Болотников был сослан в Каргополь, ослеплен и утоплен в проруби. Я мог на карте начертить все передвижения его войска, а заодно выучил биографию Василия Шуйского и «смежников» Ивана Болотникова: Пугачева и Разина!

С легким сердцем я вытягивал экзаменационный билет… Отчеканил:

— Билет № 17, — и пошел готовиться.

Какие там вопросы — мне было неважно. Я знал, что «пойду на двойку», и меня спросят про моего родного Ванятку! Тем не менее взглянув в карточку, я лишился дара речи! «Вопрос № 1 — Восстание Болотникова». Такое случается раз в жизни! Все! Дело сделано!

Второй вопрос уже неважен. Да и звучал он как-то странно: «СССР в годы пятилеток». К Болотникову мне готовиться было не надо, и я сосредоточился на пятилетках. И вдруг, как озарение, родилась концепция! Я набросал на бумажке какие-то цифры и пошел отвечать.

Педагог, принимающий экзамен, не был знаком с моей биографией, поэтому смотрел на меня влюбленными глазами, думая, что российское историческое общество теряет в моем лице великого исследователя, и все это ради эфемерной актерской славы! Ах!

А я пел соловьем!

— Московские ратные люди преследовали Ивана Исаевича до деревни Заборья, где верный Лжедмитрию воевода смог снова укрепиться…

— Достаточно, — прошептал педагог. — Прекрасно!

— Подождите! — горячился я. — Давайте я покажу вам на карте!

— Не утруждайте себя, спасибо! Давайте второй вопрос.

Концепция заключалась в том, что «размягченный» Болотниковым педагог проглотит ту тарабарщину, которую я собирался нести, отвечая про пятилетки. И сработало!

Я забросал его цифрами! Выглядело это примерно так:

— Давайте не будем говорить лозунгами и общими фразами, — начал я. — Давайте поговорим языком цифр. Возьмем, например, Тамбовскую губернию. 1918 год: производство обуви на душу населения составляло 0,02 пары. Год 1934 — уже 1,4! А 1959 — 11! Теперь сахарная свекла и Кубань. С 1922 по 1963 производство выросло на 165 %! Фосфаты —

Соликамск: за три пятилетки добыча повысилась…

— Достаточно! — воскликнул потрясенный учитель. — Пять!

Пять!!! Я не мог поверить! Вот так, своим умом, я заработал первую пятерку в своей жизни!

Шансы на проходной балл стали повышаться!

Оставалась устная литература… Тут — только шпаргалки!

На экзамен я вошел, шурша килограммами бумажек, рассованных в каждую «щелку» одежды.

Вытянул билет и сел. Первый вопрос: «Базаров — лишний человек». Есть такая шпора!

Вопрос второй — шок! — «Образ Ленина в советской драматургии». Такой темы у меня и близко не было!

Я стал судорожно озираться в поисках спасения. Через стол сидела Ляля Бероева.

— Ленин в драматургии, — зашептал я громко.

— Погоди, — отмахнулась Ляля.

Ну, я погодил и опять к ней…

— Погоди! — уже громче огрызнулась Ляля.

— Да чего годить-то! Мне отвечать идти! — взмолился я.

— Не погоди, а Погодин! — поражаясь моей тупости, прошептала Ляля. — Трилогия о Ленине «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Третья патетическая».

О боги! Я записал названия, но проблему это не решало: о чем эти пьески, идей у меня не было!.. И опять озарение! Сочинение! «Ленин в произведениях Маяковского и Горького»!

И я ринулся на штурм.

Базарова оттарабанил бойко и перешел к Ильичу.

— Конечно же, говоря о Ленине в драматургии, в первую очередь вспоминаешь Погодина! Его «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Третья патетическая» во всей полноте раскрывают многогранный образ вождя. Я же хочу немного отклониться от шаблонного ответа и рассказать вам о спектакле, который я недавно смотрел в Одесском театре. Пьеса основана на произведениях Горького и Маяковского и… — дальше я пересказал свое сочинение (оказывается, списывая, я многое запомнил).

— Пять, — сказала экзаменаторша.

Вторая в жизни! Я поступил!

Студенчество

И началась прекрасная студенческая пора! Со всеми сопутствующими шалостями и приключениями. Как-то незаметно

и органично эта веселая пора преобразовалась в «плоховел», с той лишь разницей, что дневников в институте не было, зато был папа, который в «Щуке» преподавал! То есть тот редкий случай, когда родителей вызывать в школу не надо — они вот, уже здесь!

Ширвиндт, Сергеев, Дудник

Но даже наличие «сурового» отца не могло остановить метаний студенческой юности. Я как губка впитывал все новое, все хорошее и плохое, что сопровождало эти метания! Не буду кривить душой, впитывал я по большей части плохое — например, портвейн! Он был крайне плох, но впитывали мы его в промышленных количествах! Мы — это Толя Дудник (сын замечательного эстрадного актера Геннадия Дудника), Саша Сергеев (пасынок Юрия Яковлева) и я (про своего папу я уже, кажется, упоминал), то есть троица «блатных сынков». Иногда к нам примыкал Миша… (не буду называть его настоящую фамилию, так как читателям он известен под псевдонимами Михаил Март и Майкл Утгер). Миша был лет на восемь старше, и его рассказы о шестилетней службе на флоте, работе радистом на Диксоне, водителем молоковоза, инкассатором и художником заставляли нас слушать Мишу, развесив уши. А если добавить сюда его богатейший алкогольный опыт, помноженный на отсутствие у нас денег, то получается: два портвейна «777», две бутылки «Белого крепкого» за 2 рубля 2 копейки, пирожковая

«Валдай», три капусты, винегрет, компот (нам нужны были стаканы), много хлеба с горчицей — и домой ты приходил в крайней степени «усталости».

Благо родители уже спали.

Еще один институтский товарищ был юноша тихий, застенчивый, интеллигентный, даже скверных слов не знал: магаданское воспитание. (Я не шучу, Магадан, основанный трудом политзаключенных, по культурному уровню мог дать фору и Москве, и Ленинграду). Несмотря на эти недостатки, мне с ним было интересно, да и он мною не особо тяготился… Звали этого мальчика Сережа Урсуляк. И вот с того первого курса мы не расстаемся: институт, театр, эстрада, кино, телевидение, дружба — всегда вместе. Но об Урсуляке я расскажу отдельно, а пока вернемся к «шалостям».

В основном нарушения носили «типовой» характер: опоздания, прогулы, несдачи зачетов и т. д. Прогуливали обычно «среднестатистические» предметы, которые, на наш взгляд, не содействовали актерскому образованию: история партии, история театра, изобразительное искусство, зарубежная литература… — нами частенько игнорировались. Естественно, в конце семестра нас ждала расплата в виде экзамена и следовавшей за ним переэкзаменовки. Иногда спасали шпаргалки, но чаще бывал провал.

Однажды мы с Дудником договорились писать «шпоры» по истории КПСС в виде уже готовых ответов, то есть как будто ты вытянул билет, сел и набросал тезисы на листочке.

Поделили все пополам — пара бессонных ночей, и готово. На экзамен зашли вместе. Мне достался билет, написанный Толей, ему мой. Легко поменялись и стали «готовиться». Дудник ответил и ушел с четверкой, настал мой черед. Я бойко стал докладывать темы своего 21-го билета, педагог благосклонно кивал… и вдруг говорит:

— Давайте я посмотрю, что вы написали, чтобы не терять время.

Я протягиваю листок, он его бегло проглядывает, переворачивает… а там написано «Билет № 22»!

Экономный Дудник уместил два билета на одном листе! В итоге за два билета я получил два бала!!!

На фоне учебных неурядиц бриллиантами сверкали редкие победы. Зарубежную литературу нам преподавала Ирина Александровна Лилеева (литературовед, специалист по французской литературе, переводчик Бальзака). Творчеству Оноре де Бальзака был посвящен целый семестр, и на первом же занятии Ирина Александровна сказала:

— Бальзак написал только одно произведение — «Человеческую комедию», но если вы на экзамене заявите, что его читали, я сразу без разговоров ставлю «неуд», потому что состоит это произведение из 137 романов, которые вы прочитать не могли! Это я говорю для тех, кто сегодня отсутствует, чтобы потом не было обид.

Надо ли говорить, что мы отсутствовали?

Перед экзаменом я, по требованию родителей, взял «голову в руки» и пошел в библиотеку готовиться. Полкурса уже сидели там, заваленные томами старика Оноре. Библиотекарша сказала, что больше по Бальзаку ничего нет…

— Хотя, впрочем… — и принесла ветхую пожелтевшую брошюрку «Пособие для учителей…» — Вот! Все, что осталось.

Я поплелся изучать пособие… Открыл… Вник… И — нет, такого не бывает!

Брошюра состояла из кратких, строчек на пять-семь, описаний всех романов Бальзака!

…Татьяна Гердт в своей книге описывает случай на отдыхе, когда они отправились по грибы: «А вот Шура Ширвиндт прославился широтой души. Был не очень грибной год, и мы компанией грустновато брели по лесу. Вдруг раздался крик: «Все сюда!» Это кричал Шура, вышедший на полянку, полную подосиновиков. Даже счастливо лишенные чувства зависти люди при сборе грибов жгуче испытывают его к удачливым грибникам. Все обалдели от такого благородства, а Шура справедливо заметил: «Другой бы затаился, ведь правда?»…

Вот и сейчас я поступил генетически щедро, благосклонно взирая на очередь, выстроившуюся к моему столу. В итоге «моя» половина курса получила «хор.» и «отл.».

Зяма, мама и Белый гриб

Мой друг Саша Сергеев носил кличку Пес. (Он чуть что кричал: «Я, как пес — мечусь, кручусь, рою… а вы…! Кричал, кричал… и стал Псом.) Он не участвовал в «библиотечном сговоре» и пришел на экзамен сам по себе. Когда подошла его очередь, сел отвечать и…

— Что вы читали у Бальзака? — спросила Лилеева.

— «Человеческую комедию».

— Очень хорошо, можно вашу зачетку?

Саша дал. Ирина Александровна аккуратно вписала «неуд» и протянула зачетку Псу.

— !!!???

— Саша, если бы вы ходили на мои занятия, то слышали бы, как я предупреждала, что поставлю двойку тому, кто скажет, что читал «Человеческую комедию».

— Почему? — опешил Саша.

— Потому что «Человеческая комедия» — это 137 романов! И вы их все не читали!

— Читал, — тихо сказал Пес.

— Ах, вот оно что! — возликовала Лилеева. — Тогда я приношу свои извинения! Но прежде чем исправить оценку, не могли бы вы поведать мне, о чем идет речь в романе «Силуэт женщины»? Его нет в программе, но если вы читали все… — продолжала издеваться Ирина Александровна.

— Ну, там Растиньяк встречает на балу маркизу де Листомэр.

Влюбляется. На следующее утро отправляет ей любовное письмо…

Лилеева пришла в замешательство! Она не понимала, в чем подвох?

— Хорошо, — нервно сказала она. — А «Кузина Бетта»?

— Там Бетта ненавидит свою двоюродную сестру Аделину за ее красоту и всячески ей мстит, — в предвкушении триумфа небрежно произнес Саша.

(Дело в том, дорогой читатель, что Саша действительно прочел всего Бальзака! Это был его любимый писатель и, может быть, даже единственный, кого он читал до того момента.)

— «Мелкие буржуа»? — в агонии шептала Лилеева.

— Этот роман остался незаконченным. Завершал его Шарль Рабу…

Трясущимися руками Ирина Александровна открыла зачетку, зачеркнула «неуд.», крупно вписала «ОТЛ.» и выступила с речью:

— Дорогой Александр! При всех приношу вам свои глубокие извинения и заявляю, что отныне вы можете не сдавать мне экзамены, просто заносите зачетку и получайте «отлично»!

И, конечно же, Пес этим воспользовался! Когда мы в панике толпились у экзаменационного кабинета, он подходил и небрежно спрашивал:

— Что за темы?

— Кафка, Фолкнер, Сартр… — обреченно мычали мы.

— Хм, не читал… Ну да ладно, некогда мне тут с вами, — заходил в кабинет и через минуту возвращался, дуя на свежие чернила, чтобы все увидели его очередное «отл.» в зачетке.

Обедать мы ходили на «старый» Арбат («Нового» еще не было — был Калининский проспект), там можно было найти дешевые кафешки для перекуса. Особенной популярностью пользовались кафе «Мишанька» и «Драчена». Несмотря на слегка фривольное название, в последнем продавался довольно вкусный и дешевый одноименный продукт (драчена — это разновидность омлета, только со сметаной и мукой).

И вот как-то мы с однокурсницами возвращаемся с обеда и заходим по пути в знаменитый арбатский зоомагазин. Просто так, погреться. А там писк и гам: продают цыплят! По 38 копеек штука.

— Ой, какие миленькие! — умилялись мои девушки. — Ой, а давайте купим!

Сказано — сделано. Уговаривать меня не пришлось. Во-первых, у меня на всю жизнь остался комплекс вины перед угодившим под сандальку цыпленком (см. главу «Дача»), а во-вторых, сдача после «Драчены» составила ровно 76 копеек.

«Судьба», — понял я и купил двух птичек. (Впоследствии я узнал, что такая «символическая» цена за цыплят обусловлена их большой смертностью, даже у профессионалов в тепличных условиях они мрут как подорванные.).

Принес коробку с птенцами в институт. Все сбежались посмотреть… Поохали, поахали и разошлись. И что дальше? У меня через пять минут начинается пара, а я в буфете с двумя животными! Вдруг я увидел, что в углу стоит старая заброшенная плита. Недолго думая, я посадил птичек в духовку и побежал на занятия.

И цыплята прижились! Шли дни, а они не умирали и чувствовали себя все лучше и лучше! Питались они нашей столовской едой: макаронами, яйцами, творогом — и росли как на дрожжах! Если я брал что-нибудь в буфете, то буфетчица говорила:

— С тебя 43 копейки за сосиску с чаем и 16 за кур: полпорции макарон и яйцо.

И действительно, на цыплят они уже мало походили: серые, голенастые, с намечающимися гребешками — одним словом, подростки. Вылезать из плиты они научились довольно быстро и бегали сначала только по буфету, а потом и по всему институту! Режиссер Гарик Черняховский придумал им довольно странные имена, но, тем не менее, они прижились. Он их назвал Парень и Здесь. Их любили все студенты. С ними смирились педагоги!

Однажды мой папа, нечастый гость института, спускался по лестнице с завкафедрой актерского мастерства Альбертом Григорьевичем Буровым, и тот между делом говорит:

— Твой совсем разболтался! Мало того что прогуливает и все на него жалуются, так еще эти куры!..

— Что еще за куры? — спрашивает папа и видит, как по лестнице навстречу ему несутся (в смысле бегут, а не откладывают яйца) два крепких жилистых петушка! Причем окружающие никак не реагируют на этот нонсенс — куры бегают по лестнице, ну и что?

Парень и Здесь весь день гуляли по буфету (в прямом смысле этого слова), захаживали в аудитории, их видели и на сцене, а вечером куры возвращались к себе в плиту. Жили они, жили и вдруг пропали! Дня три весь институт рыскал по закоулкам в поисках кур, но тщетно — будто в воду канули! И тогда все поняли, как не хватает этих красноглазых ребят, как мало им уделяли внимания, как плохо заботились… Но ничего не поделать… Жизнь продолжается.

И вот, как-то сидим мы на лекции, вдруг распахивается дверь и врывается Татьяна Ивановна Запорожец, профессор и

заведующая кафедрой сценической речи, дама довольно тучная.

Извинившись перед педагогом, она говорит:

— Ширвиндт, встань!

Я вскакиваю, еще не понимая, на чем меня поймали, а она начинает кричать:

— Безобразие!.. Как ты смел!!!.. Издевательство над животными!! Позор!.. Что ты молчишь?!

А что я мог сказать? Я стою понурившись.

— Я вынуждена была забрать несчастных птиц! (Ага! Вот оно что!) И я не потерплю! Доколе! Скажи что-нибудь! Что молчишь?

Ситуация была тупиковая, и я сказал единственное, что пришло мне в голову:

— Приятного аппетита!..

Аудитория легла! Больше хороших оценок по сценической речи я не получал.

А потом грянул третий курс! И за нас взялись! Ректором «Щуки» вместо прекрасного Бориса Евгеньевича Захавы был назначен некто Пелисов — чиновник с очень партийным прошлым, который правильно рассудил, что советскому студенту-актеру в первую очередь требуется дисциплина! Чтоб там без этих! Без выкрутасов! А то, ишь!

Показательную порку он решил продемонстрировать на нашем курсе, и 3 сентября из института был отчислен Паша Мухотин… за пропуски занятий! 3 сентября — за пропуски!!!

Через месяц отчислили сразу двоих — Сергея Нагорного и Юриса Лауциньша: они съездили на три дня в Киев на съемки. А вскоре настал и мой черед. Меня отчислили 11 ноября за поступок, не совместимый со званием студента (об этом поступке я расскажу отдельно), а через неделю был отчислен и Пес, уже за другой поступок… Летом Саша собрался ехать к друзьям на юга. Денег, естественно, не было. Он пошел на «толкучку», чтобы продать «фирменную» майку, и был задержан милицией. В участке составили протокол и отпустили. Пес вернулся на «толкучку», продал майку и уехал в Крым. Вот и вся история.

Однако спустя три месяца в институт пришла повестка-квитанция о штрафе в 10 рублей за административное нарушение. Помощница Пелисова была отправлена в исполком для выяснения обстоятельств. Нашли «дело», она все переписала, в том числе и анкету, которую Сашка заполнял. В частности, там был такой пункт: «Занимался ли ты раньше куплей/продажей вещей, если да, то чем?» (Скажите, что бы вы ответили на такой вопрос, даже если бы этим всем занимались? Правильно! Вы бы написали: «Нет».) Пес естественно ответил: «Нет», а помощница исправила на «Мех». Мех! Да за торговлю мехом можно было

получить 10 лет строгого режима! Это приравнивалось к торговле золотом и валютой! А тут штраф 10 рублей.

Через час «выписка» лежала на столе у ректора, а еще через час студент Сергеев был отчислен из института!

Юрий Васильевич Яковлев бегал по инстанциям, пытаясь отстоять пасынка. Приходила тетка из исполкома в институт, говорила, что они отменяют даже штраф. Тщетно! Поезд ушел. Восстановили только через год.

В какой-то момент руководство вуза спохватилось: на курсе почти не осталось особей мужского пола! Поэтому, когда обкуренного студента нашего курса обнаружили «загорающим» в коридоре общежития, ему объявили выговор!

У Черного моря

Коктебель

После второго курса института мы с другом Аркашей поехали отдыхать в Коктебель. Это был наш первый самостоятельный и последний беззаботный отдых (гром грянет в ноябре). Родители с большим скрипом отпустили нас одних, с множеством инструкций, как жить и с весьма ограниченным бюджетом, подразумевающим жизнь скудную, но правильную. Поселились мы в «частном секторе» минутах в десяти ходьбы от моря. Каждый сдаваемый дом походил на улей: семей по десять-пятнадцать ютились в каждой комнатке, на каждой террасе и в каждом сарайчике. Нам посулили крышу над головой дней через пять, а пока разрешили пожить на раскладушках в саду… И это было одно из самых прекрасных жилищ в моей жизни! Раскладушки стояли в тени огромной сливы, их разделяла табуретка, на которой лежал томик Гете (Аркадий был, да в сущности и остался, большим интеллектуалом) и бутылка дешевого портвейна, который мы с гетелюбом потягивали. По утрам, когда первые робкие лучи солнышка сквозь зелененькие листочки слегка золотили наши чуть припухшие с похмелья глазки, мы, не открывая их, протягивали руки вверх, на ощупь находили сливу и засовывали ее в рот, жадно впитывая кисловатую нежность. Ах!

Гете, шпроты и портвейн

Стоило это лежбище по 60 копеек с носа, и мы даже расстроились, когда узнали, что «крыша» освободилась. Как выяснилось, расстроились мы не зря: помимо того, что жизнь под крышей стоила в два раза дороже, жилище это оказалось лежащим на боку клозетом, ну, или туалетной кабинкой, куда надо было вползать на четвереньках и куда засунули наши же раскладушки.

Зато в тридцати метрах от нашего дома была столовая, одна из трех во всем регионе. Если вы хотели «правильно» позавтракать, то вам надо было занять очередь часов в шесть утра, и тогда в восемь вы были бы одним из первых посетителей. Если же вы подтягивались, выспавшись, часам к девяти, то завтрак мог плавно перетечь в обед — такой длины была очередь. Она начиналась на соседней улице, огибала довольно большой холм и, приблизившись к зданию, прижималась к вожделенному прилавку раздачи, отделенному от зала железным заборчиком. Попытка протиснуться без очереди была чревата летальным исходом, занять тоже не получалось: для этого надо было бы встать в шесть утра… И Аркаша нашел выход! Вы думаете, под выходом я подразумеваю вход? Нет, именно выход из

создавшейся ситуации. Сейчас, по прошествии стольких лет, можно безбоязненно рассказывать о нашем ноу-хау: срок давности уже истек, и посадить нас не смогут.

Итак, суть изобретения была такова. Подходишь к забору, который идет вдоль раздачи, и так быстро и деловито произносишь:

— Передайте, пожалуйста, еще одни сырники.

Дескать, ты, уже подойдя к кассе, обнаружил недостачу одной порции сырников, и очередники протягивают тебе через забор тарелку, даже не подозревая подвоха. Ключевой момент в этой афере — слово «еще». Если сказать: «Передайте, пожалуйста, сметану» — можно вызвать подозрение (а чего это он сметану просит? Уж не…?) и провал, а «еще» — словечко настолько безобидное, что люди с улыбкой протягивали тебе искомый продукт: вот, мол, бедолага — забыл взять кашу.

За несколько подходов мы набирали себе роскошный завтрак, естественно, бесплатный, ведь подойди мы, минуя очередь, к кассе с награбленным, обманутые отдыхающие выместили бы всю злобу к курортному общепиту на нас, и поэтому только из соображений личной безопасности мы ни разу не заплатили за еду.

А еще в Коктебеле был ресторан. Один. «Карадаг». Попасть туда на ужин было нереально: конец очереди терялся в одноименных горах. Но мы с Аркашей попали не на ужин, мы пришли в обед. С трудом найдя столик, мы заказали по супу и заодно подарили официанту пачку сигарет «Marlboro», которую я выклянчил в Москве у Миронова (он даже в те времена умудрялся добывать эти сигареты и курил только их).

Подарок произвел эффект разорвавшейся бомбы. Официант заявил, что когда бы мы ни пришли в ресторан, этот столик всегда будет наш. И началось! Первые пару раз мы пришли сами с девушками, но быстро поняли, что бюджет, выделенный родителями, на такой разгул никак не рассчитан… и мы, по совету друзей, стали сдавать столик в аренду. Вырученные деньги менялись на всяческие недорогие портвейны в соседнем магазине и с теми же друзьями радостно выпивались на пляже. Впоследствии эффект «Marlboro» был использован нами в куда более масштабном предприятии. Скинувшись рублей по десять, мы с ребятами купили в Феодосии пару десятков простых белых маек и баллончики с нитрокраской разных цветов. В нашем коллективе водились и художники, и фарцовщики[5]. Художники изготовили трафарет и снабдили все майки роскошной красочной надписью MARLBORO, а фарцовщики эту «фирму́» продавали по 10 рублей за штуку. Качество выпиваемого портвейна заметно

повысилось. Когда же мы, получив свою долю, позволили себе вновь воспользоваться своим столиком, то с чувством глубокого удовлетворения увидели, что ресторанный музыкальный ансамбль весь одет в наши майки.

Как и у всех курортно-ресторанных коллективов, репертуар ВИА состоял из полублатных и полуиностранных песен. Первые были представлены шлягерами типа:

Поспели вишни в саду у дяди Вани,
У дяди Вани поспели вишни,
А дядя Ваня с тетей Груней нынче в бане,
А мы с друзьями погулять как будто вышли…

Вторые считались полуиностранными, так как исполнители не знали слов и исполняли мелодии понаслышке, заменяя слова звуками. Так, однажды я заглянул в «песенник» солиста и увидел запись популярной песни Джо Дассена L'Eté Indien. Выглядело это примерно так:

«Ша-ла-ла, ша-ла-ла-ла-ла-ла-ла,
Ша-ла-ла-ла-ла, Ла-ла, Ла, Ла-ла-ла-ла…»

и так далее. И именно так — «Ша-ла-ла» — они и пели.

Играли плохо, но громко, кричали пронзительно, но фальшиво — общаться за столом было невозможно, поэтому посетители под это танцевали. Заказать песню «Для Дато из солнечного Магадана» стоило дорого — рублей 10, поэтому, когда во время празднования моего дня рождения солист объявил: «Пятнадцать минут тишины мы посвящаем Михаилу из солнечной Москвы», — все обалдели от такого дорогого подарка. Оказалось, что Аркаша попросил музыкантов так сказать, когда они пойдут на перерыв — естественно, бесплатно. Этот день рождения оказался последним, но самым ярким событием в нашей крымской жизни (после того вечера я лет тридцать не решался вернуться в Коктебель).

Аркадий штурмует кассу

Скрупулезно рассчитанный бюджет позволял пригласить на праздничную вечеринку человек пять-шесть… ну, максимум восемь. Когда же потянулись прослышавшие о халяве вереницы «друзей», мы с Аркашей поняли, что дело плохо. Когда желающих выпить за мое здоровья набралось полресторана, мы поняли: это конец! Аркаша предпринимал попытки уговорить гостей скинуться, кто сколько может, но тщетно:

— Не мелочитесь, ребята! В жизни раз бывает девятнадцать лет!..

И мы сбежали! В разгар веселья, когда все пошли танцевать, мы просто вышли на улицу… и побежали! Бегом примчались в наш лежачий клозет, схватили сумки — и дальше к шоссе. Вскочили в подошедший автобус и поехали куда глаза глядят.

Глаза глядели в Феодосию, где мы и заночевали на автостанции.

Что делать дальше, мы не знали. Отдыхать нам оставалось еще неделю, возвращаться нельзя — тюрьма… И тут мы вспомнили, что одна из коктебельских подружек Рена приглашала нас в гости в Одессу, дескать, у нее там дача прямо на море и все нам будут рады.

Ну, в Одессу так в Одессу — решили мы и стали на перекладных пробиваться в Симферополь в аэропорт. Каким образом мы добыли билеты на самолет, рассказывать не буду, но по одной зарисовке вы сможете представить, какой ад царил в

единственном крымском аэропорту в конце августа. Когда мы протиснулись в салон самолета, то поняли, ни о каких местах речь не идет: люди стояли в проходе, держась за багажную полку, как в переполненном троллейбусе. Так и полетели! Чудо, что наш крылатый троллейбус благополучно приземлился в Одессе!

Ах, Одесса…

Измученные бессонной ночью, дорогой и жарой, мы все же добрались до Рениной дачи и в 11 часов вечера постучались в калитку.

Теперь представьте себе: Одесса, лето, море, небольшая дачка, огромная семья, последние дни каникул, дети, внуки — яблоку упасть негде, и вдруг заявляются два молодых перца:

— Здравствуйте, нас Рена пригласила у вас пожить!

В общем, выгнали.

Слоняясь очередной бессонной ночью по одесским дворикам, мы поняли, еще одни сутки не выдержим — нужна крыша над головой. В сладких грезах перед глазами маячил уютно лежащий на боку клозет, и мы начали искать гостиницу. Через какое-то время, пробежавшись по нескольким гостиничным адресам, мы пришли к неутешительному выводу: табличка «Мест нет» выбита в граните над стойками всех отельных администраторов.

И вот уже в поисках забора, под который можно лечь и умереть, мы в очередной раз выходим на Дерибасовскую к дверям гостиницы, в которой побывали, наверное, раз пять. Вдруг Аркаша говорит:

— Так, все! Жди меня здесь! — и решительно входит внутрь.

Впоследствии он не мог вспомнить, что там наговорил, но вышел ко мне, держа в руках ключ от ШЕСТИМЕСТНОГО номера!

Нет, вы не подумайте, что это были апартаменты люкс с гостиной, столовой и ванной с джакузи. Это был довольно просторный номер, в котором стояли шесть железных кроватей с тумбочками, а туалет и душ располагались в другом конце гостиничного коридора — в общем, сказка! Мы плюхнулись на пружины этих прекрасных кроватей… и все — проснулись часов через двадцать.

Ох, Одесса…

Свежие и счастливые мы выбежали в город и только теперь увидели красавицу Одессу. Ба! Так это же Дерибасовская! Ого! Так это и есть Потемкинская лестница из «Броненосца Потемкина»! А вот и «Бульвар Французский весь в цвету»!.. И, конечно же, море и знаменитые пляжи, переполненные одесским упитанным колоритом. Расположившись в прибое (на самом пляже места не было вообще, вплоть до того, что маленькие дети играли, сидя на обширных животах пап и мам), мы наблюдали такую сцену. Мальчик лет семи плескался в воде недалеко от нас. Его крупная мама возвышалась прямо над нашими головами и кричала:

— Боря! Якомусказала, выйди з воды!

— А папа сказал, шо пока он купается, пусть и я купаюсь! — верещал Боря.

— Якомусказала, выйди з воды! — не унималась мадам.

— А папа сказал, шо пока он купается, пусть и я купаюсь! — повторял мальчик…

И так раз десять! К полному равнодушию окружающих и к нашему великому восторгу.

Разыгравшийся аппетит напомнил нам сразу о двух проблемах: отсутствии денег и, как все-таки вспомнил потом Аркаша, обещании устроить шикарный благодарственный прием для всех администраторш нашей гостиницы.

Опечаленные, мы проходили мимо какого-то приморского кафе с огромной террасой, отделенной от парка гипсовой балюстрадой. Кафе еще не открылось, и терраса была пуста.

— Стой тут! — прошипел вдруг Аркадий и перепрыгнул через перила. Исчезнув на несколько секунд из поля моего зрения, он вдруг возник надо мной, держа в руках ящик шампанского.

— Скорей! Хватай! — крикнул он и буквально бросил в меня этот ящик. Рефлекторно я в него вцепился, и в тот же момент со стороны кафе раздалось:

— Вон он! Держите его!

Ну, мы и побежали. Причем я бежал с двадцатикилограммовым грузом в руках, но, вероятно, криминальная составляющая этой тяжести добавляла мне ускорения — я уходил от погони, как юный заяц от старого волка.

Итак, начало было положено. Я имею в виду начало грядущего банкета, потому что на преступный путь мы вступили двумя днями раньше в Крыму, сбежав из ресторана.

С появлением шампанского жизнь стала налаживаться, но предстояло добыть какие-то закуски (я говорю «добыть», подразумевая украсть, потому что денег нам едва хватило бы на пару банок кильки в томате по 33 копейки).

И вот, вооружившись большой сумкой, мы вышли на промысел. Банкет был назначен на девять вечера, на часах было восемь.

Пройдя по Дерибасовской пару кварталов, мы обнаружили большой пятиэтажный «питательный комплекс». Там было все: и кулинария, и столовая, и кафе — а на пятом этаже располагался огромный ресторан, столиков на пятьдесят. Вот туда-то, на последний этаж, мы и взошли. Зал был полон. Люди ели, пили, говорили тосты, танцевали. Столы ломились от яств. Дождавшись, когда все участники богатого застолья встали и пошли танцевать, Аркадий подошел к их столу, небрежно, как что-то само собой разумеющиеся, собрал несколько тарелок с закусками и вальяжной походкой направился ко мне, стоящему в дверях с сумкой.

Вышел на «дело»

Когда я все это увидел, у меня от ужаса подкосились коленки. Я крикнул:

— Нет! — и побежал вниз.

Аркадий с тарелками — за мной. Догнал он меня только на улице, сунул в сумку тарелки и злобно сказал:

— Ладно, жди здесь, я за горячим.

И ушел обратно. В результате Аркаша сделал еще ходки четыре, и у нас появились салаты, крепкие напитки и пресловутое горячее. Не понимаю, как у него хватило на все это нервов: я трясся от страха, поджидая его в соседней подворотне.

Он осуществлял «выносы» настолько уверенно и спокойно, что никто из официантов и посетителей не заметил утраты. Они не заметили, а мы накрыли сдвинутые тумбочки в нашем шестиместном такими деликатесами и в таком количестве, что помимо администраторш смогли пригласить на банкет еще и группу голодных циркачей, живших на нашем этаже!

Обрушившийся на нас после долгого голодания пир с обильно намешанными возлияниями наутро сыграл с нами злую шутку. Пришло тяжелое тягучее похмелье.

Заставив себя встать, я наскреб последние копейки и пошел на улицу — купить кефиру. Почему-то я чувствовал, что именно кефир, а не пиво, облегчит наши страдания. Да и денег на все эти деликатесы все равно не было.

Зашел в какой-то занюханный продмаг и встал в очередь к прилавку. Да, дорогой читатель, в те далекие времена очередь была непременным атрибутом любой покупки. Нет очереди — значит, нечего покупать.

Тяжелое утро

Очередь двигалась до тошноты (в прямом смысле этого слова) медленно. Плюс жара и аромат несвежей рыбы. Особенно неприятно пахла старуха, стоявшая передо мной. Наконец подошла ее очередь, она протянула мутную полулитровую банку

и прошамкала беззубым ртом:

— Трифта фметаны.

Продавщица схватила ковш с длинной ручкой, зачерпнула из бидона сметану и плеснула в бабкину банку, потом поставила ее на весы:

— Триста пятьдесят, нормально?

— Нет, трифта, — злобно буркнула старуха.

Продавщица не моргнув глазом отлила часть сметаны обратно в бидон и протянула банку бабке:

— Вот, триста.

Старуха начала рыться в кошельке, а во мне стали пробуждаться такая тоска и раздражение ко всему увиденному и унюханному, что я, совершенно себя не контролируя, вдруг произнес:

— Что же вы, из грязной банки сметану в общий бидон?!

Сказал и опешил. Как я мог?! Язык мой — враг мой. Ведь она меня сейчас убьет, и никто ее не осудит.

В те времена кромешного дефицита сфера обслуживания и все ее представители были неприкасаемы. Мясники, скорняки, автослесари были королями жизни. Перед ними заискивали, с ними старались подружиться, и они милостиво принимали всеобщее поклонение.

И вот я в похмельном угаре перешел черту. Посягнул на святое.

Продавщица повела себя крайне достойно. Даже не взглянув на лежащий рядом топор для разделки мяса, она спокойным и долгим взглядом посмотрела на меня, как бы изучая, пытаясь осмыслить услышанное и понять мотив моей вопиющей дерзости. Я стоял ни жив ни мертв. Да и вся очередь затаила дыхание: виданное ли дело! Ишь, на что посягнул!

Наконец, насладившись своим триумфом, продавщица поправила халу на голове и произнесла, пристально глядя на меня:

— И это единственное, что вас не устраивает?

О боги! О Сократ со Спинозой! Вы посрамлены!

Простая одесская продавщица, гастрономный философ, изрекла короткую максиму, в которой воплотилось все, чем наградила нас эпоха совкового коммунизма. Эту мантру я повторял тогда, повторяю и сейчас, дабы обрести утраченную гармонию — и она работает!

Дарю ее вам. Включили телевизор, посмотрели новости… и вместо валокордина:

— И это единственное, что меня не устраивает?

И все, и отпустило.

На этой высокой ноте завершились наши черноморские приключения. Мы получили долгожданный денежный перевод от родителей, купили билеты в Винницу и поехали устроить сюрприз нашему общему другу Роме.

Рома

Прежде чем рассказать о судьбоносном событии моей биографии, о знаменитом «снятии флага», я хочу сделать одно «лирическое отступление».

Одним из ключевых персонажей в этой драме, как, впрочем, и в моей жизни, является Рома. Роман Ефимович Козак (29 июня 1957, Винница, Украинская ССР — 28 мая 2010, Москва) — советский и российский театральный актер и режиссер, Заслуженный артист Российской Федерации, Заслуженный деятель искусств России. Был художественным руководителем Московского драматического театра им. Пушкина.

Когда Ромы не стало, мы, его друзья, написали книгу, которая так и называется «Рома. Роман Козак глазами друзей»[6]. И вот что рассказал я.

Однажды давным-давно, страшно вспомнить когда, а точнее, 19 октября 1975 года, мне позвонил мой друг Аркадий.

— Я хочу познакомить тебя с неким Романом. Он — НАШ!..

Мы встретились в переходе метро «Площадь Ногина»: Аркадий, я и какой-то парень. Я открыто и дружелюбно протянул руку и сказал:

— Миша.

Парень внимательно посмотрел на меня, а потом взял и плюнул. Да-да, плюнул! Не в переносном смысле, а в самом прямом — слюной! Естественно, я плюнул в ответ.

И все… Началось.

Вернее, началась.

В этот самый момент началась ЖИЗНЬ.

Как это объяснить, я не знаю. Ни одному живому существу я бы не простил такой оскорбительный и меткий плевок.

Много лет спустя

Очень многообещающий плевок, который стал эпиграфом к дружбе, руководившей нашими жизнями целых 35 лет.

И мы кожей чувствовали это ее руководство. И свою ответственность перед ней.

Рома иногда звонил мне среди бела дня и требовательно, с каким-то особым нажимом, спрашивал:

— Друг?

— Конечно, друг, о чем речь!

Частенько я вынужден был отвечать «Нет». Тогда с его стороны следовало резкое: «Все, пока», и на этом разговор обрывался. Это не было проверкой наших отношений на прочность — просто банальный вопрос, выпиваем ли мы вечером или нет.

Друг — это, пожалуй, самое емкое и правильное слово для того, что можно предложить.

Или попросить.

Или разделить.

В общем, для всего.

Очень тонкая и сложная система отношений скрывалась за «другом». Свой необъяснимый мир. Свой изощренный, временами извращенный и, на мой взгляд, восхитительный юмор, который, увы, никто кроме нас не понимал.

Например, мало кто понял нашу шутку со снятием и веселым

уничтожением красного флага в День 60-летия СССР.

Сейчас уже кажется, мы были этакими предвестниками ПЕРЕСТРОЙКИ, детьми СВОБОДЫ… но тогда чудом не сели в тюрьму — всего лишь вылетели из комсомолов-институтов.

Шутили мы, на зависть некоторым, очень вкусно. Помню, стояли мы как-то раз — Рома, Аркадий и я — около Роминого дома на Сретенке и трепались. Вообще, Роминого дома — громко сказано… Это была 30-комнатная коммуналка, где он снимал за 10 рублей угол за занавеской у милейшей бабы Кати. Так вот, стояли мы около дома, а точнее, около жуткой корявой доски (такими перекрывали проход под сосульками). Говорили ни о чем. Я что-то сказал про эту доску, на что Рома ответил, что ее зовут Рая, а Аркадий тут же добавил, что она сегодня едет в Ленинград… Вот такая история.

Смешно?

Не очень?

Тогда следующая картина.

Спустя несколько часов мы, купив на последние деньги плацкартные билеты, умоляем проводницу открыть наглухо заколоченное окно, потому что Рая не влезает в тамбур.

Четырехметровая Рая.

Вообще, Раю все как-то полюбили. И проводница, вопрошающая, куда мы эту глупость везем. И пассажиры, спотыкающиеся об нее всю ночь.

Наутро, без денег, но с промокшими ногами и с Раей мы стоим в буфете на Московском вокзале и пьем одну чашку кофе на троих. Катастрофа. Рядом обнаруживается какой-то дядька и тоже пьет кофе. Целую чашку — сам!

— Кто это? — вдруг спрашивает он, показывая на доску.

В то время как любой нормальный человек воспользовался бы словом «что».

— Рая, — говорит Рома. — Наш друг.

— Раз так, поехали ко мне! — отвечает мужик.

И мы неожиданно соглашаемся.

А потом мы с Раей поселились в «Эрмитаже». Ну, не в самом музее, конечно, а в смежном доме у замечательного художника Алика, который кормил-поил и гулял нас. И с которым, кстати, вечером 7 ноября мы торжественно опустили Раю в Неву около «Авроры»…

Да, праздники праздновать мы всегда умели.

И каждый праздник, да и вообще каждый раз, как мы собирались вместе, мы понимали нечто важное друг о друге и о нашей жизни.

С интервалом в 20 лет

Помню, однажды в конце зимы появилось настроение, и мы запланировали отметить Новый год с особым размахом, огромной компанией. Но почему-то не получилось. Так и не собрались: кто-то уехал, у кого-то были более интересные предложения… И вот недели через три после новогодней ночи звонит Рома:

— Ну что? Будем встречать Новый год вместе?

— Давай, — соглашаюсь я.

Вечером мы семьями собрались у меня. Оливье, шампанское, кура… Сидим, выпиваем.

Оставалось только не проворонить наступление полуночи.

А у меня, на счастье, нашлась жуткая пластмассовая лягушка, привезенная из Болгарии. На присоске. А еще в ней была пружина. Короче, если присосать лягушку к столу, то она через какое-то только ей ведомое время резко подпрыгнет.

Делать нечего — решили встречать год по этой лягушке.

Прилепили ее и стали ждать. А она не прыгает.

Ну, то есть совсем не прыгает.

Прилипла намертво.

А мы собрались и ждем!

Так вот, никогда в нашей жизни не было такого торжественного и ответственного Нового года!

Непредсказуемость лягушачьего прыжка мобилизовала все слова и все эмоции.

И мало кто может представить себе тот залп радости и счастья, когда лягушка наконец прыгнула. Это было прекрасно. Для всех.

Рома

И вот тогда мы решили, что жить нужно именно так — быть всегда в тонусе, в напряжении. Ведь лягушка может прыгнуть в

любой момент!

Рома так и жил.

Мы все старались так жить.

Хотя многие, конечно, этого не понимали. До сих пор не понимают — как можно быть такими свободными…

Но как-то так повелось, как-то так вышло, что на очень многие условности было наплевать.

Все-таки тот первый плевок сделал свое дело.

Флаги

Ну вот, теперь уж точно настало время «флагов», и вначале позвольте представить вам всех участников или, говоря языком театральным, действующих лиц этой драмы.

Аркадий, друг, 19-летний молодой человек.

Роман (в дальнейшем «Кирилл»), друг.

Саша Цирлин, одноклассник Аркадия, друг.

Я, друг.

Раиса Бедная, второстепенный персонаж, сыгравший ключевую роль.

Родители, наиболее пострадавшая (в прямом смысле) сторона.

В массовых сценах: сотрудники милиции, КГБ, партийных и комсомольских органов.

7 ноября 1977 года — 60-летие Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Место действия: Москва (Таганка-Лубянка-Сретенка).

Все произошло из-за перегоревшей лампочки.

Но сначала мы вчетвером пошли к кому-то в гости на Таганку. Пришли, сели, выпили по глоточку… и вернулись родители (чьи-то). Пришлось поспешно сваливать.

Незадолго до…

Стали думать — куда? Вспомнили, что наш товарищ работает сторожем в «Узкопленочном отделе проката» (контора, где хранятся копии художественных фильмов), и решили ехать к нему. Но сначала надо позвонить, узнать, на месте ли он. Единственный телефон-автомат был намертво занят: какая-то девица болтала уже целую вечность. Тогда наш штатный ловелас и сердцеед Аркадий протиснулся к ней в будку и через три минуты представил нам Раису, готовую на все! Мы познакомились, причем Рома назвал себя Кириллом (так он и будет фигурировать в протоколах), и поехали на Лубянку к товарищу — смотреть кино.

Приехали, выбрали фильм для просмотра (как сейчас помню, это был «Жил певчий дрозд» Отара Иоселиани), расположились в уютном просмотровом зале, открыли (у нас с собой было), налили, выпили… а «кина» все нет. Оказалось, что перегорела лампа в проекторе, будь она неладна!

Ну и что делать?! Ну, посидели, ну, выпили еще… скучно! Никакого веселья! Собрались и пошли…

Шли в сторону Лубянки по улице Жданова — все впереди, а я чуть отстал. Вижу, они снимают флаг с ворот Архитектурного института и идут с ним во двор напротив. «Ага», — подумал я (Вот такая незатейливая мысль: «Ага»), подошел к воротам и тоже снял флаг. «Вот, — думаю, — удивятся!» Но никто не удивился. Меня и не заметили. Они сосредоточенно рвали свой флаг на 60 кусков — к 60-летию СССР! (Да, дорогой читатель, сейчас это кажется дикостью! Но тогда советско-коммунистическая цинично-унылая тоталитарная машина настолько всех задолбала, что такого рода проявления не казались чем-то экстраординарным — ну, по крайней мере, нам, но никак не правоохранительным органам.

Видя, что я чужой на этой акции протеста, я стал бегать по двору с высоко поднятым флагом, любуясь, как он «треплется» на ветру. Все мы при этом что-то громко кричали, пели, но тихое «Так!» услышали все.

В арке, отрезая единственный путь на улицу, стоял милиционер. (Его вызвал сторож Архитектурного института, наблюдавший наши «шалости».)

В одну секунду мы все всё поняли!

— За мной! — крикнул Аркаша, и они мимо милиционера рванули на улицу.

— Стой, стрелять буду, — закричал милиционер и бросился в погоню, вытаскивая пистолет! А я остался стоять в глубине двора с флагом наперевес. И что мне было делать? Бежать за ними, то

есть за милиционером? Глупо. Двор замкнутый! Кошмар!

— Надо прятаться, — решил я и бросился по периметру двора. Вдруг мне на глаза попалась жалкая кучка лоскутков — все, что осталось от порванного флага. Я сгреб все обрывки и побежал дальше. Передо мной оказался высоченный забор. Одним прыжком я оказался на его кромке и рухнул вниз в неизвестность. (Потом я водил знакомых на экскурсию в этот двор, показывал трехметровый забор, который я перепрыгнул с двумя флагами в руках — никто не верил! Воистину, у страха глаза велики и прыжки высоки.) Неизвестностью оказалась груда ящиков, на которую я и приземлился. Тут бы мне и затаиться, переждать, но нет! Я понял, что вновь оказался в замкнутом пространстве, только уже совсем маленьком. «Здесь точно найдут!» — решил я и стал выбираться обратно. Флаги я спрятал в ящиках. Двор был по-прежнему пуст, но в моем воспаленном сознании слышались крики, топот погони, выстрелы! Я заскочил в подъезд, побежал наверх по лестнице, вижу — на третьем этаже приоткрыта дверь в квартиру… Нырнул туда и захлопнул за собой дверь. Я оказался в классической коммуналке: коридор метров тридцать и по обе стороны — комнаты, еще одна приоткрытая дверь — я туда, а это кухня на пятнадцать плит. У одной из них стояла старушка и варила почему-то тряпку.

— Где туалет? — грозно спросил я.

— Там, — показала рукой испуганная старуха. Туалет оказался в противоположном конце коридора. Я бросился туда и заперся внутри. Покой длился долго — секунд семь, потом опять паника: найдут! Сама же старуха вызовет милицию! Надо бежать! Здесь должен быть второй выход — парадный, на улицу!

Выскочил из туалета и действительно обнаружил еще одну входную дверь. Тихо открыл, бесшумно запер и помчался наверх! Перед люком на чердак сел на ступеньки и стал ждать.

Вот тут бы и отсидеться, но, увы, мания преследования меня полностью подчинила, и я побежал вниз.

Постоял у входной двери, собираясь с духом, распахнул куртку, взъерошил волосы (типа пьяный) и… вышел на улицу. Краем глаза увидел, что сзади на углу с Кузнецким Мостом стоят два «воронка» с мигалками, толпятся милиционеры. «Своих» не увидел и, пошатываясь, пошел в противоположную сторону. Прошел, наверное, метров сто, как из-за поворота появились два милиционера и двинулись мне навстречу. Я, во всю разыгрывая подвыпившего студента, шел им навстречу. Когда мы поравнялись, один из них взял меня за рукав и спросил:

— Откуда идешь?

— Из г-г-остей, — запинаясь, пробормотал я.

— Документы! — рявкнул второй.

Студенческий билет я уже держал раскрытым в кармане…

— Вот ст-ст-студенческий билет.

— Ладно, вали отсюда, — примирительно буркнул первый, и я не спеша (представляете, чего мне это стоило) двинулся дальше.

Пройдя шагов десять, я вдруг услышал сзади:

— Хотя постой! (Все-таки решили проверить.)

И я рванул! Они за мной! Шансов у них не было! «Догнать Савранского?!»

Я уходил от них, как юная лань от старого льва! Еще чуть-чуть и поворот… Но из-за поворота вышел новый милиционер, и, даже не поняв, что происходит, так, на всякий случай подставил ногу… Я полетел! Но не как буревестник, сквозь тучи, а как петух с отрубленной головой.

Меня доставили к «воронкам», я уже опять играл пьяного, друзей своих я не видел, зато обнаружил Раю (как потом выяснилось, Раиса Бедная, дважды судимая) и незаметно показал ей кулак.

— Этот с вами был? — спросили у нее.

— Не помню, — сказала Рая.

Подошел милиционер, который, вероятно, нас обнаружил.

— Он там был? — показали на меня.

— А она что говорит?

— Она говорит, был.

— Значит, был, — подтвердил милиционер.

И вот мы едем в «воронке»! На полу лежит древко от «их» флага — единственная найденная улика (вот я молодец!), как вдруг я вижу, на плече у Раи висит Аркашина матерчатая сумка! Каким образом она там оказалась, мы не знаем до сих пор!

Мы сидели на сиденье рядом, плечом к плечу, и мне достаточно было перекинуть лямку на свое плечо — и все, сумка уже у меня. Улучив момент, когда никто не смотрит, я это и сделал.

Но, вероятно, я улучил не тот момент! Шофер увидел в зеркало мой маневр и сразу же доложил об этом коллегам!

Ну и пошло-поехало! Я говорил, что сумка моя.

— Тогда почему она была у нее?

— Вам показалось.

— Нет, все видели… — ну и так далее.

В сумке оказалась Аркашина записная книжка. Сопоставив небогатую информацию, полученную от Раи, с записями в этой книжке, все фигуранты были довольно быстро раскрыты. За исключением Ромы, который в показаниях Раисы Бедной

проходил как Кирилл.

В общем, взяли всех! Рому «вычислили» дня через три и задержали после спектакля в студенческом театре (как в фильме «Берегись автомобиля»).

О наших флагах в ту же ночь сообщил «Голос Америки»: «Группа молодых правозащитников устроила около здания КГБ акцию протеста против нарушения прав человека в СССР. Все участники арестованы».

Утром на следующий день отчет об «акции» лежал на столе у Гришина (Первый секретарь Московского горкома КПСС). Ознакомившись, он написал резолюцию: «Разобраться и наказать!» (Зачем разбираться, если все равно наказать?)

И вообще, это был единственный случай политически противоправных действий, зафиксированных в день празднования 60-летия Советской власти на территории СССР!

Ну, а дальше начался ад для родителей! Не знаю, скольких лет жизни им стоило «облегчить» ситуацию, ведь по закону нам грозило от двух до семи лет за надругательство над государственным флагом. А еще, учитывая общественный резонанс… В общем, кошмар!

Не буду вдаваться в детали, но в целом обошлось. Помимо нечеловеческих усилий родителей, нам еще очень повезло со следователем. Он сразу понял, что никакие мы не правозащитники, а просто молодые кретины, попавшие «под раздачу», и тоже постарался смягчить статью. Он устраивал нам «очные ставки», мы согласовывали показания — в итоге получилась такая картина: «Проходя мимо здания Московского архитектурного института, находясь в приподнятом настроении по случаю празднования 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, мы осуществили снятие государственного флага СССР со здания по адресу: ул. Жданова, д. 11 и направились с ним во двор дома № 8 (зачем?). Поняв, что шутка зашла далеко, Аркадий сказал: «Давайте водрузим полотнище на место!» «Нет, сначала походим с ним», — возразил Александр. «Нет, водрузим!» — настаивал Аркадий. «Походим!» — упорствовал Александр. В результате перепалки Аркадий попытался вырвать флаг из рук Александра, из-за чего произошел надрыв полотнища. (Надрыв! Видели бы они кучу, которую я прятал в ящиках!)

Вопрос: «А что в это время делал Михаил?»

Ответ: «Михаил бегал по двору со своим флагом» (откуда он у меня взялся?).

Вопрос: «Что в этот момент делал Роман?»

Ответ: «Роман в этот момент отвлекся с Раей».

Вот так!

Однажды нас вызывает следователь и говорит:

— У вас есть сорок минут, чтобы съездить за деньгами и оплатить штраф за «мелкое хулиганство»!

Разъехавшись по всей Москве, мы, тем не менее, минут через 37 вбежали в кабинет с оплаченными квитанциями! И сразу же раздался телефонный звонок. Следователь взял трубку, и по его напряженному лицу мы поняли, что это — ТО! Он долго слушал, потом произнес:

— Нет, я не могу: дело закрыто.

Дальше мы пытались определить свою судьбу, руководствуясь только ответами следователя.

— Я закрыл.

Пауза.

— Да, я принял решение самостоятельно.

Долгая пауза.

— Потому что я не нашел состава преступления.

Пауза, лицо белеет.

— Да, я знаю, с кем говорю!

И еще несколько минут в том же духе.

Повесив трубку, совершенно бледный, следователь обвел нас взглядом и сказал:

— Молите бога, чтобы не пошла вторая «волна»… А теперь — валите отсюда!

И мы свалили!

И вот уже начало казаться, что все страшное позади, что все обошлось, и даже может быть…

Но нет! Страшное оказалось позади, но не обошлось!

За дело взялся комсомол. Сначала — собрание комсомольской ячейки курса, потом — всего института. После бурных дебатов с небольшим перевесом присудили мне строгий выговор (и вновь надежда!). Осталось пройти райком комсомола… и я не прошел. Все было разыграно как по нотам, пристальные тяжелые взгляды, вздохи, поименное голосование и «трудное», хотя и единогласное, решение: отчислить! Правда, уже после принятия решения главный комсорг спохватился и спросил:

— А что постановило собрание института? И наша, институтская, комсомолка, видимо, чтобы не нарушить торжественность момента, сказала:

— Тоже отчислить! (Ать, молодца!)

И я услышал фразу из очень плохого советского фильма:

— Михаил, клади комсомольский билет на стол!

Постановление выглядело так: «Отчислить из комсомола за поступок, не совместимый со званием комсомольца».

И уже на следующий день на доске приказов института появилась «оригинальная» запись: «Отчислить из института за поступок, не совместимый со званием студента».

Аналогичное решение принял и Институт связи, где учились Аркадий и Роман (и это при том, что Рома, «отвлекшийся с Раей», проходил по делу свидетелем).

В те времена поступить в вуз не будучи комсомольцем можно было с большим «скрипом», но если тебя из комсомола отчислили — все, хана! Мой случай. Претендовать на то, что ты когда-либо продолжишь учебу, можно было, только восстановившись в комсомоле.

Роме с Аркашей относительно повезло, они получили строгий выговор, а я вот попал как кур в ощип. Ситуация казалась безнадежной, уж очень серьезный проступок я совершил, но вдруг выяснилось, что Андрей Миронов когда-то учился в школе с первым секретарем горкома ВЛКСМ Михаилом Мишиным! Как-то он с ним связался, тот сказал, что «очень сложно, но — посмотрим», вряд ли получится, но чтобы я готовил апелляцию.

Апелляцию я писал дома у Гердтов. Меня посадили в отдельную комнату и велели выйти, только когда все будет готово. Часа три я творил, иногда выходя к взрослым задать важные вопросы: «Апелляция» с одним «л» или с двумя?» «РаскаИваюсь или Еваюсь» и т. д.

На мой взгляд, получалось неплохо. Все покаянные обороты пошли в дело… И «полностью осознаю тяжесть содеянного», и что «конечно же, таким не место…», и «позвольте искупить»… Особенно мне удался финал, он пришел как озарение. Я написал: «Поймите, с комсомолом из моей жизни ушло самое главное: стимул!»

Когда я читал сей опус взрослым, я видел, как скривилось лицо у Зямы на этой фразе, но все же, взяв себя в руки, он сказал:

— Молодец, неплохо… — и не выдержал, — но этот твой… стимул!!! (Порядочному человеку трудно воспринимать такую галиматью.)

Прошла пара месяцев, и меня пригласили в горком комсомола на слушание «дела».

Было, конечно, страшновато, но все же я понимал, что «друг» Андрея уж как-нибудь посодействует… и я пошел.

Слуги народа сидели, естественно, в роскошном старинном особняке-дворце, и меня препроводили в ложу огромного зала дворцового театра. Оказавшись в этой ложе, я пришел в ужас: зал был заполнен до отказа пожилыми комсомольцами, и все они смотрели на меня!

Слово взял Мишин. Он подробно описал детали моего

преступления и предложил товарищам задавать подсудимому вопросы. И началось такое…

— Скажи, Михаил, а как ты можешь вообще смотреть людям в глаза? — и все ждут ответа!

— Ну, я, это…

— Ты понимаешь, что опорочил честь всего комсомола? Имя Ленина?!

— Д-да, понимаю.

— А вот недавно на Арбате старушку зарезали, — встрял какой-то дядька. — Не ты?

— Как это? — совсем опешил я.

— А вот так! — вопил тот. — Сегодня — флаг, завтра — нож!..

… Длился этот ад еще минут двадцать, после чего Мишин сказал:

— Михаил, выйди из зала. Горком будет принимать решение.

Прошло, без преувеличения, полтора часа, прежде чем меня позвали обратно! «Неужели они все это время обсуждали меня?» — в ужасе думал я. Все сидели на своих местах, и опять слово взял Первый секретарь:

— Горком комсомола всесторонне рассмотрел твое дело, Михаил, и, посовещавшись, мы пришли к заключению, что решение Киевского райкома ВЛКСМ о твоем отчислении из рядов ВЛКСМ абсолютно правильно!

30 лет спустя на месте преступления

И тишина… И все смотрят на мою реакцию… И меня

прорвало! У меня, как у клоуна в цирке, из глаз хлынули слезы! Потоками! Я задыхался! Но это не были слезы раскаяния или жалости к себе, это была НЕНАВИСТЬ! Если бы мне в руки дали автомат, то я бы уложил их всех! Я бы добивал отползающих! Я бы стрелял… Но тут мои сладкие грезы прервал Мишин:

— …Но, видя твое искреннее раскаяние, — весь зал наслаждался моим унижением. — Мы решили, в виде исключения, условно восстановить тебя в рядах Коммунистического союза молодежи…

…Не дослушав оратора, я выскочил из зала и… часа через два обнаружил себя на другом конце города!

Забегая вперед, скажу, что по мотивам всей этой истории Сергей Урсуляк снял свой дебютный фильм «Русский регтайм», который получил всевозможные призы от Гран-при Кинотавра в Сочи и до Сан-Рэмо и Монте-Карло! (ну это так).

Это, конечно, не документальное описание тех событий, но время, дух и балбесы показаны довольно точно. В фильме даже папу героя, прообразом которого послужил я, играет мой реальный папа!

Если продолжать забегать вперед, то Аркадий через год работы настройщиком телеграфных аппаратов поступил на театроведческий факультет Театрального института, Рома поработал в Виннице на ламповом заводе, полежал в «психушке» от армии и поступил в Школу-студию МХАТ на актерское отделение. (Напомню, что оба до этого учились в Институте связи.)

А меня восстанавливать никак ни хотели, и я, как Максим Горький, два года провел «в людях», о чем и расскажу.

«Современник»

Чижик

Ни одно нормальное советское учреждение не хотело брать на работу меня — хулигана и «диссидента»… На горизонте уже замаячила новая статья — «тунеядство». Спасла сердобольная Галина Борисовна Волчек и взяла меня в театр «Современник»!

Конечно же, не артистом, а всего лишь монтировщиком декораций, но в тех непростых обстоятельствах этот поступок можно было расценить как подвиг.

Я был счастлив! Во-первых, это означало, что заканчивается «домашний арест» (с момента снятия флага меня практически не выпускали из дома), а во-вторых, — театр! И не просто, а ТОТ САМЫЙ «СОВРЕМЕННИК»! Мечта!

«Прописался» я в команде монтировщиков очень быстро и органично. Я вообще легко приспосабливаюсь в любом обществе — был бы человек хороший. А тут ребята попались отличные, да еще с «правильным» юмором, поэтому контакт состоялся.

Правда, работа оказалась «адовая»! Монтировочный цех «Современника» начал использовать передовые системы труда «хозрасчет» и «бригадный подряд», что означало: вкалывай как лошадь, но и получай по полной! Вся бригада состояла из восьми человек. Мы пахали с раннего утра до позднего вечера. К примеру, такой же объем работы в Театре им. Вахтангова выполняли двадцать рабочих!

Когда в редкие перерывы мы заходили в нашу комнату отдыха, то все ребята валились на стулья, кресла, диван и мгновенно засыпали глубоким сном, неважно на пять или на двадцать минут, но намертво. Я же просто сидел на табуретке и ждал окончания перерыва. Однажды Серега Крылов (бригадир нашей команды) буркнул, зевая:

— Спи давай! Чего сидишь?

— Нет, — говорю, — я так не умею.

— Ну-ну, — кивнул он и захрапел…

Прошло дней пять, и я переплюнул их всех вместе взятых! Я научился спать сидя, стоя, неважно, с открытыми или закрытыми глазами — главное, спать! Я спал, даже неся какую-нибудь доску — на ходу. Эта повышенная сонливость объяснялась тем, что, еще не «остыв» от бурной студенческой жизни, поздними вечерами после работы я присоединялся к веселым загулам бывших однокурсников и наутро, проспав часа три, как зомби, трясся в

трамвае по направлению к Чистым прудам, но в течение дня, нахватавшись урывочных снов, я вновь обретал бодрость и вновь уносился в бурную юность! Зарплата у меня, монтировщика низшего звена, была роскошная — 75 рублей! На фоне нерегулярной сорокарублевой стипендии — целое состояние! И тем не менее первое же получение аванса в окошке кассы повергло меня в шок! Я стоял в очереди за самим Олегом Табаковым. Он расписался в ведомости и получил что-то около двухсот рублей. Потом к окошку наклонился я, нашел свою фамилию, не глядя поставил подпись и получил 180 рублей!!!

— Извините, — честно признался я, — тут у вас ошибка! Это не моя зарплата.

— Это не зарплата. Это аванс, — сказала кассирша.

— Как это? — опешил я. — У меня 75 рублей.

Ну, 75 — ставка, 180 — аванс, а зарплата — это сколько заработаешь… Я ничего не понял, но деньги взял и решил: отныне и навсегда только хозрасчет!

И начались рабочие будни. Несмотря на кажущуюся незатейливость профессии монтировщика декораций, все же принадлежность к Мельпомене создавала свой колорит и специфику. Мир театра настолько живой и непредсказуемый, что даже разнорабочий низшего звена, коим я и являлся, может повлиять на ход или драматургию театральных событий.

Начну с самого яркого события, произошедшего целиком и полностью по моей вине, но сначала — небольшой ликбез в сфере терминов и понятий, присущих нашей профессии. Основными орудиями и средствами труда рабочего сцены являются молоток-гвоздодер, гвозди «сотка» (100 мм) и штанкеты. Все щиты, из которых, как правило, состоят декорации, прибиваются при помощи откосов к сцене, а после спектакля гвозди выдергивают и щиты убирают. Если же декорация уж очень массивная, то, помимо откосов, используются штанкеты. Это толстые металлические трубы, которые за счет стальных подвижных тросов крепятся к колосникам (потолку). Если надо поднять какой-нибудь груз (кулису, задник или осветительные приборы), то штанкет опускают вниз до пола, крепят необходимый предмет, потом при помощи пудовых грузов-противовесов уравновешивают конструкцию (по принципу весов) и легко поднимают все это наверх посредством толстого каната. Дело это нехитрое, но опыт и сноровка необходимы и тут.

Я, например, долго не понимал, что за бубнешь раздается с колосников, когда кто-то из коллег опускает штанкет вниз.

— Ололы! Ородожно, оболы! — неслось сверху.

И только получив трубой по голове, я сразу понял, что

кричали: «Головы! Осторожно, головы!» — и стал внимательнее поглядывать наверх. Вообще все технические команды отдавались тихо, вполголоса, потому что были уже вбиты в подкорку от постоянного употребления. Так, если монтировщику нужно повернуть круг (сложнейший поворотный механизм любой театральной конструкции: за счет огромных шестеренок гигантский подземный мотор вытворяет разные чудеса со сценой, крутит в разные стороны, поднимает одни сектора, опускает другие и т. д.), он подходил к пульту и, прежде чем повернуть рубильник, тихо произносил:

— Круг пошел.

Это делалось для того, чтобы ты не споткнулся, если несешь щит, находясь одной ногой внутри, другой — снаружи круга. Тогда ты просто сходил с круга.

Раз в квартал проводились профилактические работы с «круговым» механизмом. Тогда мастер вешал на рубильник табличку «Не включать! Работают люди!» и лез в недра подземного мотора, вплетаясь в эту шестереночную круговерть.

И каждый раз на протяжении многих лет кто-нибудь из монтировщиков подходил в эту минуту к рубильнику и привычным тихим голосом говорил:

— Круг пошел.

И тут же из подземелья, где, казалось бы, и громкий крик не услыхать, раздавался нечеловеческий вопль:

— Не-е-е-е-т!

Несчастный мастер понимал, что, скорее всего, его опять разыгрывают эти кретины, ну а если сегодня — нет? Если кто-то случайно убрал табличку?.. Тогда это быстрая, но очень мучительная смерть.

Вот в таких милых шалостях проходили рабочие будни, пока не случилось ЭТО.

Заканчивался воскресный детский спектакль «Принцесса и Дровосек». С точки зрения монтировщика, спектакль очень хороший, легкий. Несколько металлических деревьев, прибитых на откосах, да живописный задник на дальнем штанкете — ерунда.

Отступление № 1

То ли дело «худший» спектакль Валерия Фокина «Не стреляйте в белых лебедей»! Мало того, что вся авансцена представляет собой эдакую «завалинку», построенную из неоцилиндрованного бруса, так еще сама сцена — это пруд, по которому на лодке плавает Олег Табаков! И не просто пруд, а с земляным островом-холмом, с которого он впоследствии НЫРЯЕТ. Мы начинали монтировать этого монстра в ночь накануне и разбирали на

следующее утро! Слава богу, в моей биографии было всего два этих спектакля.

С этого земляного холма О. Табаков нырял в омут

В другой постановке Валерия Владимировича Фокина «Провинциальные анекдоты» герои напиваются до такой степени, что пол уходит у них из-под ног. Этот эффектный прием вызывал бурю аплодисментов, а достигался тем, что мы ввосьмером раскачивали гигантский станок-качели, на котором была построена вся декорация!

И несмотря на то, что это были действительно выдающиеся спектакли, я все же обращаюсь к будущим гениям режиссуры: прежде чем «раскачивать лодку», подумайте о маленьких несчастных монтировщиках, которые, срывая мозоли на своих заскорузлых руках, прибивают к замученной расщепленной сцене брус за брусом только для того, чтобы отодрать все это обратно через пару часов — и все это в угоду жалким людишкам, рукопле… (автор, обливаясь слезами, прерывает свое повествование).

Так вот, «Принцесса и Дровосек». Воскресенье, день. Вечером намечается большая институтская тусовка, и я, набравшись наглости, предлагаю коллегам сделку: я один разбираю дневной спектакль, а они меня отпускают со спектакля вечернего.

Я говорил, что ребята были замечательные. Видя мои моляще-горящие глаза, они нехотя согласились и продолжили прерванный сон, а я, перепрыгивая через три ступеньки, помчался на колосники. Первым делом надо было опустить штанкет с красочным задником. Я уже собрался отвязать канат от перил и

потянуть противовесы вверх, как увидел, что внизу у сцены висит другой неопознанный штанкет.

— Не беда, — подумал я. — Сейчас мы его поднимем, — и бодро отвязал узел…

Отступление № 2

В это время Галина Борисовна Волчек выпускала спектакль «Генрих Четвертый».

Художник придумал потрясающе эффектную декорацию: в самом начале действа герои стоят перед громадным, во всю высоту сцены, живописным полотном, и вдруг это полотно начинает на них падать, и оказывается, что это не холст, а стена, из-под которой они в последний момент едва успевают спрыгнуть в зал.

Дальше — больше. Эта стена превращается то в замок, то в гигантский трон и т. д. Все эти превращения достигались посредством сложнейшей системы шарниров и тросиков, которыми мы управляли, как заправские кукловоды. Премьера должна была состояться через несколько дней, а пока вся эта красота мирно висела на штанкете № 20. Мой же опущенный штанкет имел № 19.

…Вот я отвязываю узел, и канат с грузами начинает с безумным ускорением нестись вверх. Я прыгаю, вцепляюсь в канат. Он как пушинку бросает меня к потолку (метра на три), о который я ударяюсь головой и падаю вниз на колосники. Я снова вскакиваю, хватаю летящий с бешеной скоростью канат, взлетаю, бьюсь о балку, падаю, вскакиваю…

Отступление № 3

Впоследствии выяснилось, что на этом злополучном штанкете висели софиты (световые приборы) общим весом около полутора тонн. Когда закончился спектакль, осветители опустили штанкет, привязав канат с грузом к перилам, сняли приборы и ушли, не убрав противовесы (грубейшее нарушение трудовой дисциплины). А теперь представьте себе: на одной чаше весов — цыпленок, а на другой закреплен мешок картошки; крепеж резко убирают… и цыпленок улетает к солнцу.

Я не зря привел в пример птичку. Все мои действия с противоположной стороны колосников наблюдал мой начальник Серега Крылов. Он, опытный специалист, знал, как остановить необузданного монстра (надо было попытаться перетянуть другой веревкой канат через перила, а не прыгать за ним на крышу), но помочь мне он был не в силах (для этого надо было обежать весь театр), и он просто смотрел. Смотрел, как я взлетаю, тюкаюсь

головкой о потолок, снова взлетаю и снова тюк…

Вот такими нечеловеческими усилиями я заслужил прозвище Чижик.

Но все клички и шутки были потом, а пока я летал и падал… и, поднявшись в очередной раз, я понял, что уже не в силах что-нибудь изменить, и с ужасом наблюдал, как неуправляемая труба, раскачиваясь из стороны в сторону, несется ввысь.

Дальше все происходило, как в замедленной съемке. Мой штанкет, качнувшись в очередной раз, влетел в висящую рядом декорацию «Генриха Четвертого», прорезал всю конструкцию, как нож масло, и с адским грохотом врезался в крышу. Замерев на мгновение, освободившийся от пут штанкет полетел вниз, добивая и без того смертельно раненного «Генриха Четвертого». Потом он долго прыгал по сцене, трамбуя деревья из «Принцессы и Дровосека», и наконец замер, скатившись в зрительный зал. Тем временем сверху из-под крыши, как листья, не спеша, долго летели лоскутки былой красоты.

Если бы все это происходило во время спектакля, то зрители задних рядов увидели бы одно из самых авангардных сценических действий в своей жизни, зрители рядов передних понаблюдали бы только начало представления, прежде чем их убила бы выкатившаяся в зал труба.

Но вернемся к Чижику. Потрясенный увиденным, на негнущихся ногах я спустился по лестнице в нашу комнату и осипшим голосом произнес:

— Все!

В. Гафт — Генрих IV

Крики ужаса были мне ответом. Разбуженные ребята увидели страшную картину. В дверях стоит человек весь в крови: лицо, одежда, руки… причем с рук кровь обильно льется на пол! (Оказывается, пытаясь затормозить канат, я содрал с рук всю кожу, но даже этого не заметил, а лицо измазал кровью, вытирая испарину.) В общем, мое появление получилось эффектным, и в возникшей паузе я тихо произнес:

— Нет больше спектакля «Генрих Четвертый».

Я уже говорил, что мои коллеги-монтировщики были ребята замечательные. Так вот, сказать «замечательные» — это ничего не сказать. Когда поздно вечером я вернулся из больницы в театр с руками, перебинтованными и напоминавшими теперь боксерские перчатки, вся моя команда работала на сцене. Они разложили на полу ошметки декорации и пытались все это как-то собрать, связать, склеить. И у них получилось! К тяжелейшей и без того работе прибавились две бессонные ночи — и спектакль был спасен! И ни одного упрека в мой адрес! Я же все это время сидел на стуле посреди сцены и травил разные байки — и это было единственное, чем я мог помочь своим героическим товарищам.

Светлячки

Особенной «любовью» артистов всех театров мира пользуются детские утренние спектакли. И никто в этой нелюбви не повинен — ни авторы, ни режиссеры, ни тем более дети. Каждый ребенок имеет право на своего «Карлсона», «Буратино» или «Белоснежку», и смотреть он их желает в воскресенье или во время каникул… И особенно он желает их смотреть утром 1 января. Тут уж и родители приобщаются к тяжелой мрачности эльфов, кузнечиков, гномов и прочих исполнителей сказочных ролей. Представьте себе: новогоднее утро, спектакль начинается в 10:00. Артисту надо приехать в театр как минимум за час, переодеться, загримироваться и после третьего звонка в изящном танце с веселой песенкой выскочить на сцену! Представили? А? То-то!

Вам, сидящему с Петенькой в шестом ряду, тоже смотреть тошно на всю эту шумную камарилью. А каково им, пляшущим комарам, когда каждый удар бубна набатом отзывается и без того в гудящей головке несчастного насекомого!

Словом, «искусство требует жертв». Чего только не сделаешь ради заливистого смеха маленького зрителя! Или «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало».

Иногда, правда, случаются досадные недоразумения, как в спектакле «Белоснежка и семь гномов»…

Дело в том, что мы, взрослые, легко переключаемся из мира реального в мир фантазий: прицепила Мария Ивановна на голову белые ушки на новогоднем корпоративе, и мы сразу понимаем, что это больше не главбух, а Зайка-побегайка — а дети так не могут! Детям подавай правду! Вот все деятели искусства и стараются угодить этому не терпящему компромиссов зрителю. Иногда это не требует особых усилий: надел «кошачий костюм», нарисовал нос и усы, влез в сапоги и… ну, словом, понятно… А вот, как быть с гномами? Главная отличительная черта этих существ — они маленькие! И все дети мира это знают.

И вот представьте: сидят в зале детишки, ерзают в нетерпении, предвкушая сказку… гаснет свет, звучит музыка, открывается занавес… и на сцене стоят семь здоровых мужиков, от которых до пятого ряда тянет легким перегаром, и осипшими голосами кричат:

— Здравствуйте, дети! Мы гномы!

Ну и конечно, у некоторых зрителей не выдерживают нервы. Кто-то начинает плакать, кто-то пытается убежать, а одного мальчика, опрометчиво оказавшегося в первом ряду, в зоне наиболее мощного выхлопа, вырывает прямо на ноги четвертому

гному.

Белоснежка и Большие гномы

Одним словом, тупик. Проблема была не только в «несвежести» некоторых артистов (это случалось крайне редко), а в том, что гномы не могут быть БОЛЬШИЕ — и все!

И тогда в творческих муках возникло прекрасное решение: открывается занавес, на сцене стоят все те же мужики; дети молчат, не понимая, кто эти люди; тогда из группы выходит наиболее гномообразный Авангард Леонтьев и говорит:

— Здравствуйте, дети! Не пугайтесь (неплохое начало спектакля)! Мы — гномы, — гробовая тишина в зале, что уже неплохо. — Нас зовут Понедельник, Вторник, Среда… (и так далее). А Четверг — такой изобретатель! Он изобрел, что мы стали большими… но в душе мы остались теми же милыми маленькими гномами, — вздох облегчения, и спектакль начинается.

В дальнейшем изобретательность Четверга не раз выручала гномов в трудных ситуациях. Иногда в роковые новогодние утренники случалось, что не все гномы находили в себе силы доползти до сцены, и тогда вечно бодрый Авангард добавлял:

— А еще Четверг придумал, что Среда сегодня будет и Пятницей, а Суббота станет также Понедельником!

Вот какой был этот чудесный Четверг!

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел во время самого обычного воскресного спектакля. Все гномы были в сборе,

трезвые, все шло по плану: злая мачеха приказала егерю отвести Белоснежку в лес и там убить; Белоснежка (ее прекрасно играла Людмила Крылова, мама моего друга Антона Табакова) стала упрашивать егеря пощадить ее, потому что, если она погибнет, то никто не польет ромашку, и та засохнет; егерь пожалел и отпустил Белоснежку… И вот она остается одна ночью в лесу, уже где-то воют волки… но тут неожиданно появляются светлячки…

Ненадолго отвлечемся от захватывающих событий этой драмы и поговорим о происходящем с технической точки зрения. Мы, работники сцены, как бойцы невидимого фронта делаем все, чтобы обмануть вас, дорогие зрители, чтобы вы и особенно ваши дети поверили в реальность происходящего — и зачастую нам это удается. Зачастую, но не тогда.

Итак, устройство светлячков. Представьте себе обычный кухонный противень, в котором гвоздем пробито штук двадцать дырок. С той стороны, которую вы не видите, прикреплена обычная лампа-переноска. От нее до розетки тянется длинный провод — и все. В момент, когда испуганная Белоснежка в лесу слышит волчий вой, лампа включается, и осветитель Валерий в полной темноте медленно пересекает сцену, на заднем плане, покачивая противень. У вас, сидящих в зале, создается впечатление, что это маленькие светящие точки кружатся среди веток деревьев.

— Кто вы? Кто вы? — восклицает испуганная Белоснежка, и тут начинает звучать мелодия в ускоренном темпе, и «ускоренными» голосами эти дырочки как бы поют:

Мы Светлячки, мы Светлячки,
Не бойся нас, Белоснежка!
Мы просто очень-очень маленькие!
Иди, иди за нами,
Мы выведем тебя из чащи!..

И счастливая девушка убегает за кулисы за «светлячками».

И все бы ничего, но в тот злосчастный день на магнитофоне оборвалась пленка с песенкой, то есть она начала звучать: «Трям-трям-трям…» — и оборвалась. Ничего страшного, всякое бывало, ну, отмотал бы звукорежиссер пленку, и все бы заиграло снова… но нет!

Валера-осветитель, тот самый, который из года в год таскал, раскачивая, противень со «светлячками» из одной кулисы в другую, оказывается, жил яркой художественной жизнью! Он неформально относился к своим обязанностям, он вжился в образ «светлячков», он ТВОРИЛ!

То, что прекратилась музыка, Валерий не знал. Он шел в самой глубине сцены, а колонки, понятное дело, были направлены в зал. И в гробовой тишине все — и актеры, и зрители — услышали его проникновенный монолог. На вопрос Белоснежки: «Кто это? Кто вы?» — он заговорил, как, оказывается, делал всегда, уверенный, что за музыкой его монолог никто не слышит:

— Не ссы, Белоснежка, — начал он. — Это мы, светлячки. Мы просто маленькие, и нас не видно ни… (пусть будет «фига»). Поэтому не бзди, иди за мной (а как же светлячки?), и я тя отсюда выведу, ты только не ссы!

Обычно зрители не замечают сценических накладок, не слышат актерских оговорок: срабатывает принцип «этого не может быть, потому что не может быть никогда».

Но тут! Понятное дело, что Белоснежка, рыдая, уползала со сцены, но в зале заржали отцы! Это был абсолютный триумф Валерия!

Слава богу, что детишки уже настолько погрузились в перипетии сказочного сюжета, что не обратили никакого внимания на странные речи волшебных огоньков!

Обратная связь

Была в спектакле «Принцесса и Дровосек» такая сцена. Пан Магиаш (Рогволд Суховерко) — добрый, но достаточно бессмысленный волшебник — вызывает лягушиный дождь, так как ничего путного он сотворить не может. Гигантские поролоновые жабы падают с неба к огромному восторгу зрителей. Вы уже взрослые и понимаете, что чудес не бывает: лягушек сбрасывают монтировщики с верхних колосников. Я сам никогда этого чуда не наблюдал, так как в этот момент всегда спал в люке у авансцены.

Принцесса и Дровосек

Короб с люком посередине пристраивался к сцене для двух целей: чтобы Принц (Петя Олев) смог провалиться в преисподнюю и чтобы ссыпать туда лягушек перед антрактом (плох тот ребенок, который не захочет прихватить на память одну-две жабы). Я же должен был открыть люк перед Петиным падением и закрыть его на крючок после сбрасывания лягушек. Работа не пыльная, а даже очень мягкая. Я выкладывал себе роскошное поролоновое ложе с мягкими лягушачьими подушками и тихонько похрапывал до конца спектакля. Но не все коту масленица. На одном из спектаклей стражник, пятясь, случайно наступил на крышку люка — крючок оторвался, крышка упала мне на голову, стражник полетел за ней вслед, короб от таких перегрузок выкатился в зрительный зал, а вслед за ним в зал выкатились стражник, жабы и я. Представьте теперь мое состояние, учитывая, что за пять секунд до этого мы с жабами тихо спали и никого не трогали. Ничего не соображая, я вскочил на ноги, размахивая молотком (молоток всегда под рукой у монтировщика), и обнаружил себя в середине зрительного зала, полного перепуганных детей, да и

взрослых. Я, не долго думая, перепрыгнул через стражника (как выяснилось потом, он сломал ногу), бросился на сцену, расталкивая сказочных героев, и шмыгнул домой — в кулису. Так состоялся мой актерский дебют в «Современнике».

Но это лишь прелюдия к истории, которую я хочу вам поведать.

В репертуаре театра был один довольно злободневный, но скучноватый и ужасно долгий спектакль на производственную тему «Обратная связь». Действие происходит в кабинете парторга предприятия. Там собралось все руководство и несколько рабочих завода, которые отказываются брать премию. Мотивируют они это тем, что надо больше платить за бригадный подряд (именно то, что давало возможность нам, монтировщикам, получать огромные деньги), вместо того, чтобы выдавать изредка премию. Руководству, естественно, это не нравится: им надо отчитаться в выданной премии. Разворачивается острая трехчасовая дискуссия. И вот ближе к концу спектакля, когда устали уже все: и актеры, и зрители — происходит следующее…

Нет! Хочу, чтобы вы догадались сами. Утром в тот же день шел уже хорошо вам известный спектакль «Принцесса и Дровосек»… Теперь вспомните, что я рассказывал про пана Магиаша. Вспомнили? Поняли? Ну! Лягушиный дождь. А?

В общем, во время дождя одна лягушка зацепилась за осветительный прибор и не упала утром… Зато, прогревшись на прожекторе вечером, отцепилась и плавно спланировала на стол парторга (Олег Табаков) в самый разгар дискуссии. Немая сцена! А потом все — и рабочие, и начальники — бросились кто завязывать шнурок, кто поднять карандаш, а кто и просто вон из кабинета! Представьте себе, социально реалистический спектакль, все очень достоверно и подробно и вдруг — огромная ЖАБА!

Единственный, кто сохранил самообладание, был Табаков. Под всхлипывания рыдающих под столом артистов он невозмутимо взял жабу за лапу и швырнул ее под стол со словами:

— Ну вот, дозаседались! Уже жабы стали мерещиться!

И никто из зрителей не обвинил актера в надуманности этого сценического приема! Вот какой актер Олег Табаков!

Целый год я проработал монтировщиком декораций в «Современнике» и считаю это время наиболее продуктивным: кроме того, что я научился носить тяжести и забивать гвозди с одного удара, я получил редкую возможность наблюдать гениальную игру великих актеров и учиться у них.

А еще я познакомился и даже подружился с Костей

Райкиным, и благодаря этой дружбе спустя несколько лет я стал артистом Ленинградского театра миниатюр под управлением А. И. Райкина.

Москонцерт

Из театра я ушел в надежде на восстановление в институте, но вопреки всем посулам и обещаниям в Щукинском меня не восстановили: слишком ярким оказался шлейф «знаменосца». Пришлось снова искать работу: тунеядцам не место в СССР!

Хлебнув творчества в «Современнике», подумать о другой, не художественной профессии я уже не мог, поэтому устроился в Москонцерт радистом. Вообще-то, профессия называется звукорежиссер, но то для людей, обученных этому весьма непростому ремеслу. В моем же случае и радист звучало сильно завышенной классификацией.

Придя в технический отдел на собеседование, как было велено, к 9:00 утра, я проторчал в коридоре до 16:00, пока ко мне не вышел какой-то дядька и не спросил:

— В микрофонах, усилителях разбираешься?

— Нет, — честно признался я.

— Хорошо, пошли, — сказал он и повел меня на склад. Там дядька собрал груду ящиков и приборов, велел расписаться в получении и стал проводить инструктаж.

— Это усилитель, сюда втыкаешь вот это, потом вот это… и это, а это выводишь на ревербератор. Это гнезда для микрофонов, это — для колонок. Штекера колонок раздолбанные — приматывай изоляцией. Магнитофон включай плоскогубцами, они в кофре с проводами и стойками. Реверберацией не увлекайся, они этого не любят (хотел бы я знать, что такое увлекаться реверберацией) — в общем, техника несложная, разберешься, — подытожил дядька.

Я молчал.

— Все понял?

— Ну, так… — промямлил я, понимая, что для первого занятия — уже что-то… Месяц, другой, и я начну выговаривать названия всех этих штуковин.

— Ну и ладненько. Ты вещи взял?

— Какие вещи?

— У тебя ж поезд через два часа!

— Куда поезд? Зачем? — Я ничего не понимал.

— Тебе что, не сказали? — впервые взглянул на меня дядька.

— Нет.

— Ты едешь в Сочи на месяц с Шуровым и Рыкуниным.

— ???

— Чего стоишь? Беги в отдел кадров, оформляйся. Домой за вещами, и через час чтоб был здесь — грузиться.

Не буду утомлять вас подробностями моего панического состояния, но в итоге ровно через два часа я сидел в купе поезда Москва — Сочи, заваленный ящиками, кофрами и стойками.

Дело было в октябре, курортный сезон затухал, поэтому в купе, где нам с ящиками полагалось два места, больше никого не было. И я всю дорогу собирал и разбирал, подключал и отключал, втыкал и вытыкал — и все это втемную, без электричества.

Удивительное дело, но на следующий день в Сочи, когда меня с вокзала привезли в концертный зал и сказали: «Давай побыстрей, через двадцать минут начинаем», — я «спокойно» подсоединил все приборы, как в купе, воткнул в розетку, ожидая взрыва… но все заработало, и концерт состоялся!

Знали бы артисты и зрители, чем они рисковали, они бы по-другому посмотрели на взмокшего юношу, трясущимися руками подкручивающего басы на панели усилителя. А так на него (на меня) никто просто не обратил внимания, и это было высшем признанием моего мастерства!

Ну а теперь, собственно, о концерте. Это было нечто невообразимое! Если на меня никто не взглянул, то я сидел с вытаращенными глазами и не верил им (глазам).

Незадолго до того я в который раз посмотрел «Необыкновенный концерт» в театре кукол с гениальным Гердтом-конферансье. Если вы вдруг не видели этого чуда, то поясню — это спектакль-пародия на самое что ни на есть «махровое» эстрадное представление, где куклы замечательно изображают все жанры и все шаблоны этого действа… Так вот, «мой» концерт был пародией на пародию!

Представление было пропитано таким нафталином, игралось, говорилось, пелось, шутилось настолько формально и неестественно, что я стал побаиваться зрительской расправы… но когда раздались крики «Браво!» и гром аплодисментов — я опешил еще больше.

За годы закулисной жизни во мне, как оказалось, сформировался некоторый вкус. Сам того не зная, я научился отличать чистое искусство от не менее чистой халтуры. Крутя ручки настройки, я вдруг понял, что папа, Андрей, дядя Зяма — настоящие, большие актеры, и уже за одно это осознание я благодарен тому концерту.

Александр Шуров и Николай Рыкунин, известные в свое время сатирики-куплетисты, находились тогда на излете славы и поэтому выступали в межсезонье по санаториям и домам отдыха. Они же и сформировали эстрадный коллектив на эту «гастроль».

Первое, разогревочное, отделение состояло из полного набора санаторных потребностей: классическая музыка, романс,

юмореска-скетч, фокусы, автор-шутник, песня-пародия. Во втором отделении царили Шуров и Рыкунин. Вел все это великолепие конферансье. С него и начнем.

Он был велик! И ростом, и носом, и голосом. Звали его Вадим Реутов. За годы эстрадных скитаний он выработал ювелирный набор интонаций, жестов и приемов, заставляющих наивную публику рукоплескать каждой сомнительной репризе. Попробую в эпистолярной форме изобразить вам один из анекдотов Реутова.

Низким, глубоким, эстрадно-протяжным голосом он начинал:

— Встречаются два человека: Лысый и Рыжий… (на слове «Лысый» он поглаживал микрофон, на слове «Рыжий» прикасался к своей роскошной шевелюре). «Что, бог волос не дал?» — спрашивает Рыжий (опускает «Лысый» микрофон и долго, снисходительно на него смотрит). Лысый отвечает (микрофон взлетает и триумфально вперивается в «Рыжего»): «Давал рыжие — не взял!»

Быстрый поклон и глухое урчание в микрофон:

— Э-э-э-э-э.

И все. Это «Э-э-э» добивало раненых. Шквал аплодисментов цинично обманутых зрителей, и невозмутимый конферансье объявляет следующий номер.

За музыку отвечал милейший, добрейший, круглейший Борис Мандрус. Он был аккомпаниатором от бога. Под него пели все советские исполнители «живых» песен: от Шульженко и до Миронова… Поговаривают, что и Шаляпин не раз сталкивался с маленьким Борей-пианистом.

У нас он работал и сольно: давал классику в массы и аккомпанировал романсам Эльмиры Жерздевой — той самой, которая исполнила арию принцессы в мультфильме «Бременские музыканты». Дама она была солидная, крупная. Я ее побаивался, ведь ей, как никому, нужен правильно настроенный микрофон, и, естественно, как и предупреждали, я переборщил с реверберацией.

Ревербератор — это прибор, добавляющий голосу насыщенность и глубину. Еще он создает небольшое эхо… И вот с этим эхом я и переборщил!

Произошло это на третьем концерте. На первых двух я даже не подключал этот жуткий прибор, а тут вроде бы освоился, обнаглел и… врубил!

Вышел Реутов, как водится, хлестко пошутил и объявил что-то типа:

— А сейчас… Неслыханное достояние… Великий голос России… Неподражаемая и неповторимая… Эльмира Жерздева исполнит романс «Бубенцы». Слова: Александр Кусиков, музыка:

Владимир Бакалейников (я не шучу).

Под гром аплодисментов на сцене появляются Борис Мандрус и Эльмира Жерздева, и начинается романс:

Сердце будто проснулось пугливо,
Пережитого стало мне жаль;
Пусть же кони с распущенной гривой
С бубенцами умчат меня вдаль.

Припев:

Слышу звон бубенцов издалека —
Это тройки знакомый разбег,
А вокруг расстелился широко
Белым саваном искристый снег.

Вот на припеве я и крутанул ручку! Мне как натуре творческой показалось, что далекий звон бубенцов должен доноситься с небольшим эхом… а получилось — с большим.

Когда мадам пропела: «Слышу звон бубенцов издалека…» — и собралась переходить к разбегу тройки, мое эхо покатилось по залу с нарастающей силой! Мандрус уже играл вторую строфу, а по рядам неслось: «Издалека-издалека-издалека…» С испугу я повернул регулятор обратно, но перепутал эхо с микрофоном и полностью убрал звук. Мандрус играет, Жерздева как рыба открывает рот про искристый снег, а у меня по-прежнему звучит: «Издалека-издалека…» — в общем, был скандал.

Следующим номером нашей программы был иллюзионист.

Он демонстрировал набор традиционных фокусов: летающие карты, шарик во рту, бесконечная лента в нагрудном кармане, волшебная трость и прочие незамысловатые трюки. Трогательно было другое: все фокусы сопровождались поэтическими комментариями. Вероятно, бюджет не позволял пригласить профессионального рифмоплета, и артист сам сочинял все «нетленки», совершенно не заботясь о размере и рифме. Выглядело это примерно так:

— Сейчас я шар засуну в рот,

Но он туда не попадет (засовывает, но во рту его не оказывается).

Ну, а теперь наоборот.

Во рту любой его найдет (и действительно, мы «находим» шар именно во рту у фокусника).

Самым страшным во всех смыслах для меня был номер с

летающей палкой. Факир брал в руки трость, «незаметно» отворачивался от зрителей, надевал на руки две петли из очень толстой лески, выходил на авансцену и начинал декламировать:

— Сейчас я чудо совершу,
И этим вас ошарашу́.
Вот эта трость сейчас взлетит
И надо мною пролетит.

(с этими словами он запускал палку на леске).

Волшебным образом она
Летает по небу сама (по какому такому «небу»?!).
Не понимаете, друзья,
Как этим всем владею я? —

продолжал он, раскручивая трость на тросе…

Я был в ужасе! Мне казалось, что сейчас нас начнут бить. Почему нас? Потому что я сидел со своими приборами прямо перед сценой — на пути разъяренной толпы зрителей.

Однако каждый раз обходилось без мордобоя. К моему великому удивлению, люди не замечали этот канат, который для меня становился толще и толще с каждым разом.

В конце выступления следовал трюк, который я, хоть убей, не мог разгадать. Фокусник доставал из кармана портсигар, открывал его, брал папиросу и начинал свою шарманку:

— Хочу я очень закурить,
Но где же мне огонь добыть?

С этими словами он лез в карман и… ничего не доставал. Однако подносил руку с воображаемым коробком спичек к микрофону, тряс пустой рукой… и раздавался характерный звук (настоящий коробок был спрятан под рукавом рубашки). Потом он вновь открывал портсигар (ключевой момент!), стучал по его внутренностям папиросой, вставлял ее в рот, чиркал воображаемой спичкой, подносил ее к папиросе и, произнеся:

— Без всякого огня, вот так,
Я раскурю сейчас табак, —

делал затяжку… и папироса раскуривалась!

Я этого не понимал! Даже если предположить, что у него в портсигаре горит огонек, все равно без затяжки папиросу не разжечь (курильщики понимают, о чем я говорю). И это незнание меня выматывало. Я и так и сяк подкатывал к факиру, заискивал перед ним, говорил комплименты — нет. Не раскалывался — и все тут! Однажды мы возвращались после концерта на автобусе, и вдруг фокусник говорит мне:

— Я в гостиницу не поеду сегодня, ты, пожалуйста, возьми мой чемоданчик к себе, а завтра утром я его заберу.

— !!!

А теперь представьте, с какой скоростью я несся по коридорам отеля! Дрожащими руками я раскрыл заветный саквояж, оттягивая момент истины, поиграл в другие фокусы… и, наконец, взял в руки портсигар. Все оказалось точно так, как я и предполагал. С одной стороны, прижатые резинкой, лежат несколько папирос, а с другой — пальчиковая батарейка проводки и нить накаливания. Нажимая папиросой на эту нить, ты замыкаешь контакт, и она разогревается докрасна. Все понятно… но как раскурить?! Может быть, табак пропитан каким-нибудь специальным веществом, которое разгорается через паузу? В общем, чего я только не делал: я стучал, я прижимал, я просто раскуривал папиросу, как от зажигалки — тщетно! И хотя факир не был пьян, фокус не удался!

Посрамленный, наутро я вернул чемоданчик маэстро и с этого момента кардинально поменял к нему свое отношение: и трос превратился в невидимую нить, да и стихи оказались не такими уж плохими, потому что «поэт в России больше, чем поэт»… он еще и фокусник!

Далее выступали молодые талантливые ребята Галя Коньшина и Юра Непомнящий. Они играли эстрадные миниатюры-скетчи и, в сущности, были единственной моей отдушиной на этих гастролях. Впоследствии мы долго поддерживали отношения, и я даже что-то для них написал. Потом этот дуэт-семья распался, и спустя несколько лет Галя засияла всеми красками своего пародийного таланта в программе «Большая разница».

Потом на эстраду выходил юморист Борис Брайнин и долго добивал зрителей курортно-санаторным юмором типа такого:

— Говорят, что в моде ныне
Есть купальники бикини.
Тут черта и тут черта —
больше нету ни черта!

(Смех, переходящий в аплодисменты.)

— Весной они поженились и прожили в мире и согласии до глубокой осени.

(Просто смех.)
— Иных уж нет, а тех долечат.
(Пауза… смех… аплодисменты.)

— Жизнь скоротечна, нужно верить фактам.
Вот брат жены брошюрку прочитал,
Трусцой неделю бегал от инфаркта,
А на вторую тот его догнал.

(Хохот, повизгивание, бурные аплодисменты.)

И наконец:

— И такое я в отпуске слышал, друзья:
«Дом отдыха — наша вторая семья!»

(Смех, переходящий в визг, овация.)

Антракт.
Второе отделение начиналось мощно. К микрофону выходил Вадим Реутов и как бы по-свойски начинал:

— Однажды мой седой руководитель,
Стараясь в разговоре быть построже,
Упрек мне бросил: «Мало говорите
Со сцены вы о нашей молодежи…»

И понеслось!.. Это был острый сатирический памфлет минут на десять, восхваляющий советскую молодежь, которая в Братске строит, на Амуре сеет, и слегка подтрунивающий над некоторыми потешными старичками, которые «бегом, вприпрыжку мчатся на свидание, узнав сперва, что ветра нет» (это все, что мне запомнилось из этой поэмы, и, увы, найти ее концы на просторах Интернета мне тоже не удалось).
Когда памфлет-поэма заканчивалась, Реутов профессионально добивался аплодисментов, и после того, как запрограммированный гул стихал, добавлял:

— Мне вдвойне приятны ваши овации, не только как исполнителю, но и как автору того, что вы только что услышали!

И вновь его фирменное:

— Э-э-э-э.

Зритель в экстазе!

Ну и, наконец, гвоздь программы — дуэт Шуров и Рыкунин!

Они были очень популярны в 50–60-е годы двадцатого века, о них стали потихоньку забывать в 70-е, в 80-е жанр сатирического куплета полностью исчез с горизонта советской эстрады, и только неутомимые Шуров с Рыкуниным трепетно несли затухающий огонек песенной сатиры по санаториям и домам отдыха.

Программа их была выверена до миллиметра: несколько куплетов, длинный монолог Рыкунина и еще куплеты. Монолог этот меня убивал. Он был настолько «импровизационным», настолько легким: актер как бы задумывался, чтобы подобрать нужное слово, делал «случайные» паузы, в которые, естественно, возникали аплодисменты… И при этом вся импровизация повторялась из раза в раз с такой точностью, вплоть до вздоха, до почесывания уха, что у меня зубы сводило от этой ежедневной пытки. Хотя нет, вру — не зубы. Я, изнывая от тоски ожидания очередной хлесткой репризы, как-то поймал себя на том, что сижу с губами, растянутыми в улыбке! И это притом, что я мечтал залить уши воском, чтобы всей этой искрометности не слышать! И тогда я понял, Николай Рыкунин — великий артист! Он постиг физиологию смеха. Он заставлял людей смеяться, а улыбки — приклеиваться, независимо от желания и настроения потерпевшего.

Куплеты же являли собой переделанные популярные песни и пелись дуэтом под аккомпанемент Александра Шурова. Например, на мотив шлягера Анны Герман «Один раз в год сады цветут» исполнялись куплеты про хулигана, поселившегося в доме и угрожавшего этот дом поджечь. И вот Рыкунин пел:

— О-о-оди-и-н раз я к нему зашел,
Поговорил с ним хорошо.
Всего один лишь только раз.
В итоге у меня сейчас
О-о-оди-и-н лишь глаз,
О-о-оди-и-н лишь глаз!

Неплохо, да? Или такой острый куплетыш:

— План в районной чайхане
Получали на вине,

А не стало в ней вина —
Чайхане пришла хана.

Хотите еще? Вижу, что хотите. Вот совсем злободневная, прям как вчера написанная:

— Дома постоянно бил супругу Федя,
А недавно спьяну он избил соседа.
На три года Федя разлучен с семьею,
Не дерись с соседом, а дерись с женою.

Заканчивалась каждая песенка, как правило, легким вымогательством аплодисментов. Например, такой финал, спетый поочередно — через строчку:

— Прочесть хотели, зрители, в глазах у вас ответ:

Понравился хоть столечко
Наш сегодня с Колечкой,
Наш с Шурочкой
С Рыкунечкой…
ДУЭТ?

Публика заходилась в овациях, концерт заканчивался, кумиры покидали эстраду и тут же расходились по разным углам — вне сцены «Шурочка» с «Рыкунечкой» общались только в исключительных случаях.

Один такой казус довелось наблюдать и мне. Коллектив погрузился в автобус, и мы поехали в гостиницу. Метров через триста Шуров вдруг закричал:

— Шляпа! Моя шляпа! Я забыл шляпу!

— Остановите машину, — сухо распорядился Рыкунин. Автобус встал. — Идите, Александр, — продолжил он.

— Но мы… Нам надо проехать обратно, — залепетал «Шурочка».

— Идите пешком, и пусть это вам впредь будет наукой! — отрезал «Рыкунечка».

Вот в таком «Необыкновенном концерте» мне довелось провести целый месяц.

«Самоцветы»

На следующий же день после возвращения в Москву из Сочи я был приписан к ансамблю «Самоцветы» — и не каким-то там радистом, а самым что ни на есть грузчиком! С моим опытом «реверберации» оказаться за пультом сложнейшей машины, с которой регулировались штук десять микрофонов и все музыкальные инструменты, было глупо даже мечтать, а носить тяжелое я очень хорошо научился в «Современнике».

О вальяжной сочинской жизни пришлось забыть — началась настоящая работа. Мы гастролировали беспрестанно. Дня три в месяц нам давали, чтобы забежать домой и переодеться, и дальше — в путь по многонациональному Советскому Союзу. И очень символично, что главный шлягер «Самоцветов» тех лет был именно «Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз».

«Самоцветы»

Аппаратура весом полторы тонны размещалась в больших металлических ящиках-кофрах, плюс — с десяток здоровенных колонок в чехлах. И все это надо было постоянно куда-то тащить, распаковывать, устанавливать, запаковывать, снова тащить. В грузовик, в автобус, в поезд, в самолет… на оленей. Много забавных и не очень моментов связано у меня с этими

перемещениями.

Однажды на каком-то сибирском аэродроме в жуткий холод мы закинули наши ящики в небольшой самолет и побежали в здание аэропорта греться. Через некоторое время приходит летчик и говорит, что лететь нельзя — перевес. Мы:

— Как так? У нас концерт вечером! Давайте как-нибудь попробуем?..

— Нет, — говорит. — Самолет обледенел, а жидкого антиобледенителя нет. Не полечу! Хотя, — продолжает он, глядя на нас, грузчиков-радистов, — если вот они лед сколют, можем попробовать.

И вот мы, четыре твердых антиобледенителя, в тридцатиградусный мороз сидим верхом на фюзеляже и скалываем какими-то тяпками и зубилами наледь с самолета. Концерт состоялся.

В другой раз мы должны были сесть в Саранске на проходящий поезд. Естественно, ночью и, конечно же, в -27! Кроме того, никто не знал, на какую платформу придет наш поезд. Поэтому наш грузовик стоял «на всех парах», готовясь, в случае необходимости, перелезть через рельсы. Рядом с нашим стоял еще один грузовик и тоже явно нервничал… Когда же наконец появились огни поезда, прибывавшего на третий путь, обе машины дружно рванули и, подпрыгивая на рельсах (мы грудью пали на наши ящики, чтобы не повредить дорогую технику), устремились к нужной платформе. Но мало въехать на платформу, надо еще найти нужный вагон. Наконец поезд остановился, но вагон проехал чуть дальше, чем мы рассчитывали. Пришлось сдавать назад. Только мы выгрузили в тамбур пару кофров (а это был обычный плацкартный вагон, где нам выделили несколько мест), как поезд тронулся (стоянка была всего пять минут). Тогда я, который в этот момент находился в тамбуре, дернул стоп-кран, поезд с жутким лязгом затормозил, но от грузовика тамбур тем не менее уже отъехал. Пришлось начинать новый маневр на узкой платформе. Когда же кузов и дверь вагона совпали, поезд снова поехал… и опять все сначала: стоп-кран, маневр, один ящик в тамбур и вновь рывок: тамбур отползает.

Помните про второй грузовик, который тоже ждал наш поезд? Когда мы все оказались на платформе, сначала из кабины, а потом и из кузова второй машины высыпались солдаты с собаками и автоматами и под резкие выкрики: «Пошел! На колени! Руки за голову! Голову вниз! Пошел! На колени!..» — стали выпрыгивать заключенные! Они прыгали, падали на колени и замирали, скрестив руки на бритых затылках. На них были

надеты тонкие бушлаты, а температура, напомню, — 27… И все то время, что мы осуществляли судорожную погрузку, зэки сидели на коленях, не шевелясь, облаиваемые собаками. Их не грузили из-за непонятной суеты, которую мы устроили, и только после того, как с десятой попытки мы запихнули последнюю колонку в тамбур, теперь уже конвоиры дернули стоп-кран и под присмотром обезумевшего от всего происходящего начальника поезда начали свою погрузку в спецвагон.

Поезд поехал, а мы, привалившись к стене, сидели на полу тамбура, пытаясь отдышаться.

Руки у нас были все в крови — последствия хватания железа на морозе, в крови были и сваленные друг на друга ящики. И вот, минут через пятнадцать мы, собрав последние силы, потащили все наше хозяйство в вагон. Три часа ночи, темно, поезд мчится, отовсюду торчат ноги спящих пассажиров, и мы начинаем с грохотом швырять ящики на свободные полки. Люди, естественно, просыпаются, в полутьме видят каких-то окровавленных мужиков, которые чуть ли не на головы им бросают окровавленные цинковые гробы… И вагон начинает кричать. Сначала визжат женщины, в испуге ревут разбуженные дети… и только мужики, крепкие русские парни, громко перечисляют все обороты прекрасного, ныне запрещенного русского мата — лепота!

Вот в таких условиях приходилось работать. Поэтому, когда руководители ансамбля Юрий Маликов и Владимир Пресняков, пожалев мальчика из интеллигентной семьи, предложили мне посидеть денек в гостинице и «понянчить» их 8–10-летних детей, Диму и Володю, я с радостью согласился. Но, проведя с детишками всего один день, я вдруг страстно возжелал поскалывать с чего-нибудь лед или погрузить десять тонн железных гробов, что и стал делать с большой радостью. Так во мне, не родившись, умер воспитатель.

Ну, а теперь об искусстве (я же все-таки мальчик из интеллигентной семьи). В первые дни я скептически относился к творчеству ансамбля. Нет, не то, что меня раздражал репертуар «Самоцветов» — они как могли прорывались сквозь советскую цензуру и помимо обязательных протокольных песен исполняли очень хорошие, до сих пор популярные шлягеры. Мне казалось, что играть по пять концертов в день с полной отдачей невозможно, что дело попахивает халтурой… но потом втянулся и перестал обращать на это внимание. И только по прошествии многих лет я вдруг все понял — и устыдился. Все эти бесчисленные концерты они играли ВЖИВУЮ! То есть по пять раз в день они, срывая голоса, ПЕЛИ!

Сейчас такое трудно себе представить. Сейчас пришла какая-нибудь «звездулька», дала радисту флешку с фанерой, вышла на сцену такая вся роскошная, пооткрывала рот и ушла.

У звезд с большой буквы «З» все намного сложнее. Звукорежиссер в определенных местах выводит звук на микрофон, и дива своим голосом кричит: «А теперь все вместе!» или «Не вижу ваших рук!», а то и «Привет, Челябинск! Люблю вас!» — и все, и опять фанера. А мы с вами верим:

— Слышь, про нас, про Челябинск сказал!

Но если учесть, что это единственное, что он/она сказал/а, то получается, что не так уж дива и устала за время своего сольника.

В общем, если вам кто-нибудь скажет что-то плохое про ВИА «Самоцветы», пишите мне — я с ними разберусь!

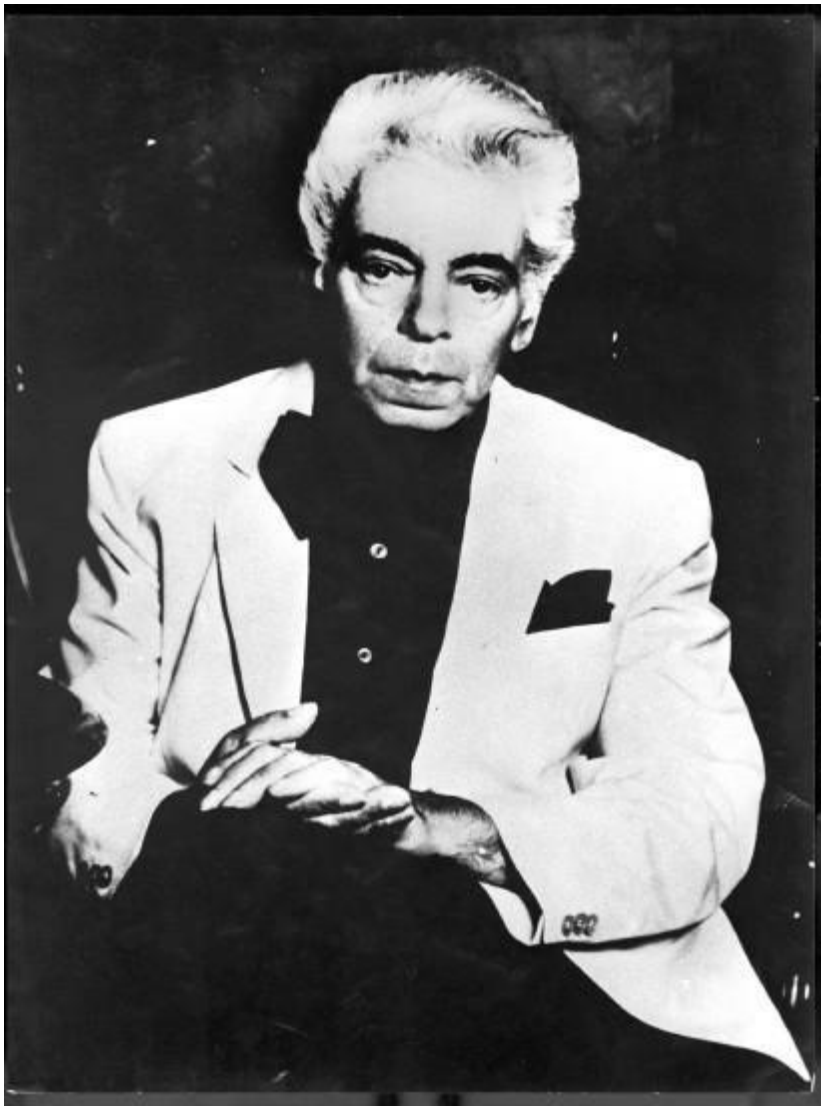
Снова «Щука»

И все же спустя два года мне удалось восстановиться в институте. За годы мытарств я повзрослел и немного остепенился, поэтому никаких ярких нарушений дисциплины не совершал — так как-то учился и учился. А раз нет нарушений и катаклизмов, то и писать нечего. Нам же с вами подавай события и драмы, а не рассказ о том, что в дипломном спектакле «Троил и Крессида» У. Шекспира я играл Ахилла (кстати, блистательно). Нет, это скучно. Давайте, пусть эта глава будет технически-биографическим этапом — переходом к Театру Райкина.

Райкин

Как-то мой «дофлажный» однокурсник Сережа Урсуляк (о нем я говорил выше, скажу еще и ниже) пригласил меня на спектакль Аркадия Райкина, где он тоже участвовал. После института Сергей попал в этот театр по распределению. Я с радостью согласился: до этого момента я никогда не видел Райкина «живьем». И вот прихожу, Сережа меня встречает, проводит за кулисы (круто!), показывает свою гримерку, с кем-то знакомит… но все: третий звонок — пора идти в зал. Я прохожу вдоль сцены, собираюсь уже открыть дверь «выход», как вдруг вижу, на стульчике в углу, ссутулившись, сидит какой-то человек. Я подхожу ближе и тут понимаю, что это вовсе не человек — это АРКАДИЙ РАЙКИН! Я опешил. Звезда из звезд! Кумир из кумиров! Великий Райкин сидит, устало опустив плечи, на стуле, одинокий, в пыльной темноте! Боже, какой же он старый! — с жалостью подумал я и, потрясенный увиденным, вышел в зал.

Все еще под впечатлением от встречи я не заметил, как погас свет, заиграла музыка… но вот открывается занавес и на сцену ВЫБЕГАЕТ Аркадий Райкин! Подтянутый, элегантный, в умопомрачительном костюме… подбегает к микрофону и замирает, глядя в зал с едва заметной полуулыбкой.



А. И. Райкин

Ну, тут, понятное дело, крики, стоны, овация — словом, полный восторг зрителей и меня в их числе. Я уже не мог поверить в увиденное мною пять минут назад за кулисами. На сцене стоял другой человек. На сцене стоял тот самый Райкин, которого любили и боготворили миллионы людей. Тот, каким он должен был выйти на сцену, каким его ждали. На сцене стоял АРТИСТ! И ради этого нашего ощущения он сидел, сгорбившись, на стульчике. Он собирался. Он настраивался. Он готовился к этой встрече. И… он волновался! И вот это отношение к профессии, этот урок актерского мастерства, который, сам того не зная, преподал мне тогда Аркадий Исаакович, навсегда

закрепился в моем сознании: нельзя просто так взять и выйти на сцену — сцена этого не прощает.

Увы, сотни современных юмористов выходят на сцену именно «просто так» и несут что-то пошлое и убогое, не видя себя в «кривом зеркале» псевдоискусства, но, впрочем, так и должно быть, их сотни — Райкин один.

Не так давно Кирилл Набутов снимал фильм к столетию Райкина и попросил меня рассказать о моих встречах с Аркадием Исааковичем. Было записано большое интервью, которое я, конечно же, начал с той встречи за кулисами.

С этого все начиналось

И вот по прошествии времени я натыкаюсь в телевизоре на тот самый фильм. Начинаю смотреть… Ага, вот фрагмент со мной… Ну-ка, ну-ка… И вот что я услышал от себя: «Когда я первый раз увидел Аркадия Райкина за кулисами, я подумал: «Боже, какой же он старый!»…

Ждете продолжения? Эффектного разворота? Нет! Это все. Больше в этом фильме я не появился. Спустя пару лет я спросил у Набутова, как такое возможно? На что он мне авторитетно заявил:

— Этого не может быть!

Я добавил этот киноэпизод, чтобы таким образом извиниться перед зрителями того фильма, но, в первую очередь, перед Константином Аркадьевичем Райкиным, который, наверное, был крайне удивлен, услышав этот хамский пассаж из моих уст.

Несмотря на всенародную славу, Аркадий Исаакович был человеком застенчивым и по-детски наивным. Он мог надуться на какого-нибудь артиста, пришедшего в слишком элегантном пиджаке (его страсть к шикарным костюмам была общеизвестна), он влюблялся в нового актера или актрису, давал им ключевые роли в своих спектаклях… а потом вдруг разлюблялся, и актер

становился просто членом труппы. Райкину приписывают фразу, которую он в сердцах произнес на собрании коллектива, когда артисты возмущенно стали требовать больше и лучше ролей.

— Вы — взбесившийся гарнир! — якобы выкрикнул он.

Во-первых, не верю, что актеры осмелились что-нибудь потребовать у Райкина, во-вторых, сомневаюсь в такой остроумной, но жесткой формулировке (Аркадий Исаакович был человек мягкий), в-третьих, он всегда давал роли всем без исключения артистам, и, в-четвертых, да, мы все были гарниром! Может быть, кто-то тайно злобствовал по этому поводу, но мы, молодежная часть труппы, с радостной покорностью этот факт принимали. Когда ТАКОЕ основное блюдо, то и гарнир смотрится неплохо!

При всем при этом у «гарнира» была прекрасная возможность для самореализации: когда Аркадий Исаакович болел, а болел он, увы, часто (следствие постоянных конфликтов с партийными и «культурными» чиновниками), так вот в эти дни в репертуаре театра оставался только один спектакль — «Избранное». Он ничем не отличался от других постановок: те же миниатюры, те же шутки, да и артисты те же, всего-то одного и не было. Казалось бы, зритель даже не заметит разницы — подумаешь, один артист… Но он (зритель) замечал! Это никак не проявлялось: публика смеялась, благодарно аплодировала… И все же… Вот это «все же» мне посчастливилось однажды увидеть!

В Ленинградском театре эстрады игралось «Избранное». Аркадий Исаакович только-только восстанавливался после долгой болезни. Он уже появлялся в театре, но спектакли пока еще не играл. И вот начинается второе отделение, открывается занавес… На сцене стоит Райкин.

В моей палитре не хватит красок, чтобы описать реакцию зала. Ведь они же знали, что Райкина не будет, и все равно пришли. Пришли, чтобы ощутить атмосферу, дух гения — ведь это ЕГО театр, ЕГО актеры…

Так тысячи людей идут в Дом на Мойке, где жил Пушкин… и ведь знают, что его уже нет с нами, а все равно идут. Они трепетно пересекают гостиную, столовую, благоговейно заглядывают в спальню… а там стоит живой Пушкин! Ну, в данном случае, Райкин — неизвестно, где будет сильнее реакция. В общем, бурные и продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию! Тогда это явление Райкина народу длилось минут десять. Он поднимал руки, он кланялся — но нет, зал стоял и рукоплескал. (Говорят, что однажды на юбилее МХАТа с поздравлением на сцену вышел Аркадий Райкин… И зал, и труппа театра встали. Министр культуры Фурцева, сидевшая в

ложе, стала возмущаться. Как же так? Когда вышел на сцену представитель ЦК, артисты слушали его сидя, а вышел Райкин — все встали. Кто велел? В этом и гений Райкина, что никто не велел.).

На самом деле, не только из любви к зрителю Аркадий Исаакович выходил в «Избранном», он еще заряжал свой аккумулятор, подсевший за время болезни. Получив адреналин обожания, прочтя какую-нибудь свежую миниатюру, уже на следующий день Райкин выходил во всем своем великолепии в спектакле «Его величество — театр», и зрители восторженно понимали: да, на сцене появился еще один артист… его имя Аркадий Райкин.

«Сатирикон»

В 1981 году Константин Райкин, настоящий, глубокий драматический артист, неожиданно для всех уходит из «Современника» и идет работать к папе в Ленинградский театр миниатюр. «Как это может быть?! — недоумевали все. — Такой талант, такие серьезные роли, большие перспективы… И вдруг — эстрада, низкий жанр! Зачем?»

И, конечно, все были правы: высоким жанром эстраду в СССР делал один единственный человек — Костин папа, но именно поэтому он и был Аркадием Райкиным, а это значит стать вторым? Тенью отца?.. (так и просится — Гамлета).

Но нет! Костя всех перехитрил. Он задумал свой театр — театр, которого в России еще не было. Музыка, танец, гротеск, положенные на систему Станиславского, с серьезным проживанием образа — это было чистой авантюрой. Хочешь переживаний — иди в Малый, нужны танцы и гротеск — вон за углом Оперетта, а в одном флаконе — ни-ни!

Тогда о существовании знаменитых бродвейских шоу и мюзиклов что-то слышали, но представить себе нечто подобное в наших советских реалиях казалось немыслимым.

А Костя решился. И стал строить свой театр.

Как молоды мы были…

Он набрал небольшую группу молодых ребят, добавил некоторых актеров из папиного театра, и началась работа.

Как вы, вероятно, догадываетесь, я тоже оказался в этой группе. Конечно, знакомство с Костей сыграло в этом какую-то роль, но все же не за здорово живешь отбирались артисты будущего революционного театра. Все показывались в театр на

общих основаниях: играли отрывки, читали стихи, пели, танцевали и т. д. С последним вышла небольшая накладка. На просмотре Костя спросил меня:

— Ты случайно не был у Дрознина «поганой овцой»?

— Нет-нет! Что ты! — заторопился я. — Он меня очень хвалил! Говорил, что у меня прекрасная растяжка…

— Ну что ж, — сказал Костя, — это здорово.

Поясняю, Андрей Дрознин был педагогом по сценическому движению в Щукинском училище (из которого мы с Костей оба родом). Он очень ревностно относился к своей дисциплине и если видел, что студент халтурит или ленится, то вешал на него свой фирменный ярлык «поганая овца». Надо ли говорить, что на мне он висел? И, по-моему, не один. Так вот, когда я уже был принят в прославленный коллектив и пришел на… занятие по пластике, первым, кого я увидел, был Андрей Дрознин, приглашенный Костей работать с актерами театра! Мы встретились глазами и оба все поняли… Но надо отдать ему должное, Андрей меня не выдал, а наоборот, дал мне еще один шанс, которым я худо-бедно воспользовался.

Это было прекрасное время. Мы репетировали день и ночь. В основном занимались движением. Костя хотел превратить нас всех во Фредов Астеров и Лайз Минелли, в то же время Михаил Мишин писал сценарий для нашего первого спектакля-ревю «Лица». Декорации делал Олег Шейнцис, музыку писал Георгий Гаранян, а режиссером-постановщиком был Валерий Фокин. Круче команды не придумать!

И в работе, и в наших душах царила атмосфера студийности: мы творили историю и страшно гордились своей причастностью. Температура 39 не являлась основанием для пропуска репетиции. Ах, как было здорово!

Спектакль получился мощным и успешным, но очень тяжелым (в буквальном, физическом, смысле). Помимо драматических сцен, он состоял из бесконечного танца, а если учесть, что Костя заставлял нас проходить все танцевальные номера на полную катушку перед началом каждого спектакля (и этих спектаклей могло быть тридцать в месяц), то можете представить, насколько выжатыми лимонами мы стали. Когда мы пытались достучаться до жестокого сердца Константина Райкина, дескать, нельзя дважды в день ставить мировой рекорд! — он лаконично отвечал:

— Можно, — и мы обреченно продолжали лезть из кожи вон.

Нет, никаких обид и злости к Косте мы не питали. Он не был ни самодуром, ни Карабасом-Барабасом. Он просто был такой — до фанатизма требовательно и ответственно относящийся к

профессии. Насколько я знаю, таким он и остался. И это его отношение сделало театр «Сатирикон» одним из главных явлений в российском театральном мире.

Питер

Ленинградский театр миниатюр был театр ленинградский (простите за вынужденную тавтологию), а это значило, что большую часть времени мы проводили в этом бесконечно любимом мною городе. Правда, уже было принято решение о переводе театра в Москву, причем произошло это после разговора Аркадия Райкина с Леонидом Брежневым. В театральных кулуарах долго ходила легенда об этом разговоре:

«Аркадий Райкин сказал Брежневу, что хочет переехать с театром в Москву, и за пятнадцать минут этот вопрос был решен. Беспрецедентный случай. Было так.

Райкин: Леонид Ильич, прежде нужно договориться с несколькими людьми…

Брежнев: Пожалуйста, давай я прямо сейчас им и позвоню.

И первым позвонил Демичеву, тот был министром культуры:

— Слушай, тут у меня Райкин, он хочет в Москву переезжать. Я — за. Как ты? Тогда я так и пишу: Демичев — за.

Райкин: Надо, наверное, и Гришина предупредить, раз мы переезжаем в Москву.

Брежнев звонит Гришину и произносит буквально то же:

— Вот у меня сейчас Райкин, он хочет в Москву переезжать. Я Демичеву звонил, мы, я и Демичев, — за. Ты как? Понял. Я пишу: Гришин — за. Все в порядке!

Райкин: Леонид Ильич, есть же еще один человек — Романов…

Брежнев тут же звонит по вертушке в Ленинград:

— Это Брежнев говорит. У меня тут Райкин, он в Москву с театром хочет переезжать. Я — за, Гришин с Демичевым — за. Как ты? Понял. Я так и пишу: Романов — за».

Этот Романов (первый секретарь Ленинградского обкома КПСС) был исчадием ада. Среди коммунистических лидеров вообще трудно было найти ангелов — но этот! Он люто ненавидел и травил всех деятелей культуры, которые «не приспосабливались». При Романове были изгнаны из СССР Иосиф Бродский и Сергей Довлатов. Не сложились у него отношения и с Дмитрием Лихачевым. И, конечно же, многими шрамами на сердце Аркадия Исааковича Райкина мы обязаны этому, прости господи, коммунисту.

Так вот, все годы пребывания в Ленинграде мы, московская

часть труппы, прожили в гостинице «Октябрьская», что около Московского вокзала. Она стала нашим вторым домом со всеми вытекающими последствиями. Там случались романы, создавались и распадались семьи, и, главное, велось полноценное хозяйство. Все номера были подпольно оснащены плитками, кипятильниками, чайниками и сковородками. Мы варили супы, жарили собранные в Комарово грибы, ну а про чай и кофе я и не говорю. Несмотря на то что пользоваться электроприборами в номерах категорически запрещалось, наши милейшие коридорные дамы (тогда во всех коридорах сидели дежурные) закрывали на это глаза. Вообще, с сотрудниками гостиницы у нас сложились теплые домашние отношения: мы постоянно приглашали их в театр, а они максимально обустраивали наш быт.

Иногда после спектакля я подходил к коридорной Лизе и смотрел на нее жалобными глазами…

— Нет! — говорила она. Я продолжал смотреть… — Ну, хорошо, сейчас гляну, — обреченно вздыхала Лиза и листала списки проживающих. — В 736-й и 811-й живут. Но еще рано, подойди через полчаса.

В 736-й и 811-й жили финны. Вернее, не жили, а лежали. Они приезжали на два дня из Хельсинки, чтобы пить. У них там алкоголь был космически дорогой, а у нас, по их меркам, раздавался даром. Они покупали ящиками водку, забивались в номера, и через двое суток их в бессознательном состоянии грузили в автобусы — ехать домой. Такой вот незатейливый туризм. Больше половины водки при этом оставалось нетронутой, и ее потом списывали и выбрасывали (вы в это верите?). Так вот, средний финн впадал в беспамятство примерно минут через двадцать после того, как входил в номер (они вообще плохо пьют). Лиза страховочно выжидала еще полчаса, заходила в комнату, переступая через разбросанные тут и там финские тушки, брала со стола бутылку водки и несла ее мне. Безвозмездно! (Я на всякий случай изменил имя этого ангела во плоти: вдруг она еще работает в «Октябрьской» и по-прежнему добывает финскую водку бедным актерам-постояльцам.).

А когда я заболел… Нет, об этом подробнее.

10 ноября 1982 года я уезжал после побывки дома в Ленинград. Вечером все начали перезваниваться и спрашивать друг друга:

— Вы ничего не слышали?

— Нет, а вы?

— Да что-то такое говорят…

И так далее в этом духе. В общем, поползли слухи, что умер

Брежнев.

Эти слухи мы на «Красной стреле» привезли на следующий день в Ленинград. Никаких объявлений не было, и мы поехали в театр на репетицию. Примерно через час вбежал директор концертного зала и закричал:

— Что вы делаете?! Немедленно прекратите репетицию!

— Почему? — спросил Костя.

— Ну как?! — выразительно обвел нас глазами директор.

— Еще же не объявляли, — невозмутимо отрезал Костя.

— Нет! Немедленно! Нельзя! У меня будут неприятности!

В общем, отменили не только репетиции, но и несколько последующих спектаклей — над страной повис траур.

Казалось бы, выходные — можно расслабиться, потусоваться сквозь печаль и траур. Так нет, придя в гостиницу, я почувствовал небольшой озноб… потом большой — и слег с сильнейшим гриппом. Осень, серость, мгла… то и дело в знак скорби гудят поезда на Московском вокзале, а я валяюсь в бреду с бешеной температурой. Из развлечений у меня на тумбочке лежит «Мóби Дик» Германа Мелвилла — книга, которую я долгие годы порывался прочесть и которую теперь ненавижу всеми фибрами души. Тысячестраничный роман, мрачно описывающий страсть капитана Ахава, желающего убить Белого кита, доконал меня окончательно. Когда пришел вызванный мною врач и увидел меня трясущегося в лихорадке, он удивленно спросил:

— А вы-то чего?

Оказывается, целыми днями он бегал к умирающим старушкам, которые не смогли перенести смерть Генерального секретаря, а тут молодой бугай — и туда же!

Коллеги от меня отвернулись: никто не хотел заполучить грипп. Позванивали, справлялись о здоровье, интересовались, не нужно ли чего, и, получив отрицательный ответ, облегченно вешали трубку. Вы спросите, а как же я жил, что ел-пил в эту печальную неделю? Вот! Что называется, спасибо за вопрос! Уборщицы и коридорные ангелы заботились обо мне. Они не только ходили в магазин за хлебом, кефиром и лекарствами — они приносили мне из дома бульоны и варенье! Они не боялись заразиться — они спасали мне жизнь! (Ну, это я так, для пущего эффекта.)

В редкие минуты просветления я швырял в угол Ахава и брел с надеждой к телевизору, прощелкивал круг переключателем каналов (никаких пультов тогда не было и в помине) и натыкался то на Бетховена, то на Шопена, то на балет, то еще на какие-нибудь траурные радости. В отчаянии я подбирал «Дика» и падал обратно в койку. И так пять дней!

Однажды днем в разгар хандры позвонил Костя Райкин:

— Как дела? Что делаешь?

— Да ничего, лежу.

— «Полосатый рейс» не смотришь?

— Что???!!! — выкрикнул я и, бросив трубку, кинулся к телевизору. Если бы в этот момент меня спросили: «Чего ты хочешь больше всего в жизни: машину? яхту? кругосветное путешествие?» — я бы, не раздумывая, ответил: «Полосатый рейс!!!»

Мой организм, моя душа, измученные болезнью и Шопеном, вопили: «Рейс! Рейс! Полосатый! О, да!»

С этими мыслями, трепеща от вожделения, я подскочил к телевизору и начал щелкать. Где-то на третьем круге в мою душу закрались робкие сомнения: везде все тот же скорбный набор, да и каналов в те времена было всего четыре. Но я продолжал крутить ручку в надежде на чудо. А вдруг он где-то между каналами? А может, надо крутить в другую сторону?

Когда минут через пять я, окончательно отчаявшись, выключил телевизор и обернулся, то увидел в дверях номера счастливые лица своих коллег во главе с Райкиным — это был розыгрыш. И этого я им не прощу никогда в жизни!

Урсуляк

Среди тех, кто пришел поглумиться над несчастным больным артистом, не было только двух человек: Аркадия Райкина и Сергея Урсуляка. Об Аркадии Исааковиче я уже писал, настала пора познакомить вас со вторым героем.

Сережа родился в Петропавловске-Камчатском, в эталонно-интеллигентной семье. Мама Эмилия Сергеевна была школьным учителем, а папа Владимир Константинович — военным, капитаном второго ранга. Он был в моем представлении осколком прошлого, уже не существующего образа русского офицера — офицера с большой буквы. Такие сейчас живут только в произведениях Толстого и Чехова. Или я ошибаюсь? Может быть, и в наши дни образованность, умение связывать слова на родном языке, ну и такие мелочи, как честь и порядочность, являются отличительной чертой наших военных?

В общем, их сыновья Сергей и Денис оказались мальчиками умными, начитанными и талантливыми. И если Денис свой талант использовал правильно — пошел по финансовой части, то Сергей поступил вполне банально — подался в артисты. И вот там-то я его и поймал.

Теперь коротенько вехи нашей совместной творческой жизни. Два с половиной года мы проучились на одном курсе Щукинского училища. Потом меня выгнали, а Сергей окончил институт и попал в Театр Райкина. Спустя два года там же оказался и я. Мы проработали вместе лет восемь, сыграв за это время сотни спектаклей в театре и тысячи концертов на эстраде. Потом мы ушли из «Сатирикона». Урсуляк поступил на Высшие режиссерские курсы, а я увлекся кинопродюсированием. Как-то Сережа спросил меня:

— Про что бы снять курсовой десятиминутный фильм?

— Сними про наши флаги, — предложил я.

— Ну нет, — сказал он, и разговор на этом закончился.

Прошел месяц. Мне звонит Урсуляк и говорит:

— А ведь я буду снимать про твои флаги… И не курсовую, а полнометражный фильм.

М. Ширвиндт, С. Урсуляк

И все закрутилось. Мой товарищ, начинающий продюсер Олег Капанец, решился вложить в не менее начинающего режиссера деньги, а начинающий драматург Гена Островский придумал сценарий, великий Микаэл Таривердиев написал музыку — и фильм получился и завоевал кучу призов на всевозможных фестивалях.

Потом я попродюсировал Сережин фильм «Летние люди» и отполз из кино в телевидение. Там я запустил программу «Дог-шоу «Я и моя собака» и через некоторое время пригласил поработать режиссером на этой программе простаивающего в межфильмье Урсуляка. Впоследствии мы сделали еще несколько телепроектов, а тем временем появлялись прекрасные жены, рождались талантливые дети, и даже наши лабрадоры Чук и Чос были родными братьями.

Сейчас, после «Ликвидации», «Жизни и Судьбы», «Тихого Дона», Сережа настолько знаменит и настолько лауреат Государственной премии, что к нему и на кривой козе не подъедешь. Поэтому приходится подъезжать на самолете, чтобы отдохнуть совместно в Черногории, или из года в год переться на такси к ним с Ликой на Новослободскую — отмечать Новый год.

Концерты

С улыбкой о серьезном

Зарплаты театральных актеров были, есть и будут — маленькие. Увы! Сейчас многие молодые артисты выживают благодаря съемкам в сериалах, а тогда… тогда рассчитывать особо было не на что: сериалов не было, а в кино не звали — оставались концерты. И вот мы с Сережей Урсуляком решили стать эстрадной парой, эдакими Шуровым и Рыкуниным, Тарапунькой и Штепселем, Мироновой и Менакером — только, естественно, намного талантливее и смешнее. Решили — и стали. Только предварительно замучили всех знакомых с подбором репертуара. Мы приставали к моему папе, к Арканову, к Миронову. Подайте Христа ради, клянчили мы, и дожали. Совместными усилиями из чувства сострадания эти трое собрали нам из разных кусочков своих эстрадных опусов номер, который назывался «Лорды́» и сыгран нами был, наверное, тысячу раз.

Это пародийный номер, в котором двое начинающих театральных артистов пытаются пробиться на эстраду, пробуя все жанры подряд. Мы и били чечетку, и рассказывали анекдоты, и изображали известных артистов (Урсуляк, на мой взгляд, лучший пародист современности, о чем мало кто знает, потому что Сергей стесняется своего дара) — и все время «проваливались», пока не решили снимать кино, где я, режиссер, пытаюсь научить актера, Сережу, играть роль английского лорда. Все это было очень смешно, и мы по праздникам выступали с «Лорда́ми» в сборных концертах «Москонцерта» по клубам, жэкам и красным уголкам.

Шло время, рос наш опыт и взрослели дети. Денег катастрофически не хватало, и мы решили своими силами организовать концертную бригаду с артистами театра «Сатирикон». Выбрали шлягерные миниатюры из спектаклей А. И. Райкина, отрепетировали и, набравшись смелости, позвонили директору Челябинской филармонии (кто-то замолвил за нас словечко). Он оказался тертым калачом, настоящим профессионалом своего дела.

Мы:

— Здравствуйте, вот, мы это… Артисты… Театр Райкина… Хотели бы…

Он:

— Понял. Афиша есть?

Мы:

— Нет. А надо?

Он:

— Хорошо, напечатаю. Как вы называетесь?

Мы:

— Никак… мы это…

Он:

— Так, выбирайте: «Смех, да и только», «Не только смех», «Давайте посмеемся», «С улыбкой о серьезном», «От смешного до великого», хотя последнее вам не подходит. Ну?

Мы:

— Ну, это… «С улыбкой…» давайте.

И все. Восемь лет мы прочесывали просторы бескрайней родины с «Улыбкой о серьезном» и чего только не повидали за это время.

Бригада наша была молодежная и никому не известная, поэтому приходилось брать задором и талантом. Сейчас, конечно, с тем составом получить признание было бы попроще. Афиша могла бы выглядеть так:

Народная артистка России Лика Нифонтова,

Заслуженный артист России Владимир Михайловский,

Заслуженный артист России Владимир Большов,

Заслуженный артист России, единственный российский актер — обладатель приза Каннского кинофестиваля за лучшую мужскую роль Константин Лавроненко,

Лауреат Государственной премии Российской Федерации Сергей Урсуляк и я.

Но, с другой стороны, вряд ли бы у нас сегодняшних хватило сил на бесконечные перелеты, многочасовые тряски в раздолбанных автобусах и на пять выступлений в день в самых неожиданных местах.

Одни из первых наших гастролей проходили в Новосибирске. Сразу с самолета нас повезли на местное телевидение и сняли большой репортаж-анонс о молодых артистах-райкинцах, приехавших порадовать сибиряков своим искрометным юмором.

Нас расписывали с таким пафосом и восхищением, что мы сначала растерялись, но довольно быстро «смирились» и как-то даже повысили свою самооценку: «А чего? Мы это! Да, мы такие! Вот!»

Поселились в гостинице, переоделись в нарядное и поехали на первый концерт. Администратор почему-то не приехал, был только автобус с водителем, который знал, что нас надо везти «куда-то туда» и там искать открытую площадку. Ну, мы и поехали. «Где-то там» мы начали кружить по закоулкам и никак не могли найти этот Зеленый театр. Наконец, проезжая через какой-то двор среди хрущевок, мы увидели нашу афишу. Она была наклеена на «раковину» маленькой дворовой эстрадки площадью десять квадратных метров. Перед ней стояли две врытые в землю скамейки на шесть персон — и все! И ни души!

Что делать? Мобильные телефоны еще не изобрели, водитель ничего не знал, ну и мы решили играть (оплата была поконцертной). Правда, наша самооценка упала очень низко… и рухнула в тартарары, когда на сценке мы обнаружили огромную кучу экскрементов. Но делать нечего: деньги не пахнут (так сказал император Веспасиан сыну Титу, вводя налог на общественные уборные в Риме).

В автобусе мы провели совещание, на котором большинством голосов было решено, что на сцену должен выйти я, долго-долго говорить, потом меня сменит Саша Резалин с пародиями, а потом все вместе выйдут и поклонятся. Неплохо, да? То есть все в белом, а мы с Резалиным — в дерьме!

В общем, пожалев наших барышень, я поперся на площадку. Кучу мы закидали листьями, но возникла еще одна небольшая проблема — зрители. Стоять над кучей и разговаривать с пустыми лавками было выше моих сил. Тогда освобожденные от выступления артисты разбежались и через пять минут приволокли сопротивляющуюся старушку, усадили ее на скамейку и облегченно махнули мне рукой, мол, мы все, что могли, сделали — теперь давай ты.

Ну, я и дал. Я рассказал старухе, что мы знаменитые артисты прославленного театра, что нас сегодня показывали по телевизору, что первое ознакомительное выступление мы решили провести в этом милом уютном дворике и что сам Аркадий Райкин мечтал бы присоединиться к этому нашему маленькому триумфу…

Тем временем мимо шли с работы усталые жители хрущевок. Некоторые приостанавливались, чтобы послушать городского сумасшедшего, кое-кто даже присаживался на лавочку. В общем, к появлению пародиста Резалина я организовал в зале биток: пять

человек сидели на скамейках и трое с собаками стояли рядом.

Саша прошел блистательно. В какой-то момент, когда он изображал лающую болонку, собаки-зрители сорвались с поводков и бросились на сцену… и только сильный запах нашей кучи спугнул собачек и спас артиста от растерзания.

Потом вышел весь коллектив и поклонился. На этом пытка закончилась, и мы, взбешенные, поехали в гостиницу.

— Ну, только попадись мне! Я тебе такое устрою! — думал я, предвкушая встречу с администратором.

К большому нашему изумлению администратор в ярости встречал нас в холле отеля.

— Как вы могли! Безобразие! Вам это так не пройдет! — верещал он. — Вы сорвали концерт! Тысяча зрителей! Билеты!

— Что?! — заорал я.

— Где вы были?!

— Мы?! Да мы…!!! Это вы!!! — ну и так далее.

Постепенно картина прояснилась. Оказывается, мы не доехали двухсот метров до огромного летнего театра, переполненного зрителями, и вместо него сыграли концерт старухе и трем собакам. После долгих переговоров руководство филармонии все же признало нашу невиновность и деньги за «дерьмовый» концерт мы получили.

Никогда не забуду выступление в сибирском городе Белово. Даже не в самом, а в каком-то райцентре километрах в пятидесяти от города. Зима, мороз градусов 35. Мы приезжаем в клуб, выгружаемся, заходим в зал и понимаем, что в здании не намного теплее, чем на улице. В гримерке температура была не выше 20 градусов мороза. Мы нашли какой-то ржавый таз и прямо в комнате развели в нем костер из старых афиш и портретов членов политбюро (ох, если бы нас застукали!). И все же тепла от горящих коммунистов было недостаточно. О том, чтобы раздеться, надеть костюм и так выйти на сцену, не могло быть и речи!

Мы попробовали отменить концерт и даже заявили местному начальнику, что в таких условиях выступать не будем… но когда я выглянул из-за кулис и увидел зал, переполненный людьми до такой степени, что забиты были все проходы, а многие дамы сидели на коленях у мужчин, я понял: мы обречены.

Мы как могли натянули пиджаки прямо на зимние куртки и в таком виде появились на сцене. Из осветительных приборов в центре зала висела одна единственная лампа с жестяным абажуром — и все. В общем, все было против нас, и мы начали концерт.

Против нас было все, но не все. Я не помню, когда еще мы

имели такой успех! Эти несчастные замерзшие люди так хохотали, так аплодировали, что мы совершенно растаяли. Точнее сказать, оттаяли, потому что теплый прием зрителей значительно повысил температуру в зале, и заканчивали выступление мы уже при комфортных -12!

Гранит науки

Знаменитый новосибирский Академгородок. Прекрасный мраморный Дворец культуры. В этот день у нас пять концертов, в перерывах мы играем в футбол.

Игру эту мы изобрели сами. Правила следующие. Нужен средней ширины коридор, обычный стул, лучше, если с перекладиной на спинке (стул ставится впритык к стенке, спинкой наружу), и маленький детский мяч (его мы возили с собой). Каждый играет за себя. Задача игрока — ударить по мячу так, чтобы он, отскочив от противоположной стены коридора, попал в «ворота» между ножек стула. Цена такого попадания — 10 копеек. Если же мяч влетит в щель между сиденьем и спинкой — то 20 копеек. Ну, а если удар произведен головой, то очки-деньги удваиваются. Очень азартная и очень компактная игра, в которую можно играть в любом учреждении. Рекомендую.

Правую штанину мы засучивали, чтобы не испачкать концертные брюки, пиджаки снимали, галстуки распускали… и рубились до потери сознания… иногда в прямом смысле этого слова. Так вот, в перерыве между третьим и четвертым концертом мы играем в этот наш «пристенок». Уже прозвучал третий звонок, выходит со сцены звукорежиссер и спрашивает, когда включать начальную фонограмму. Я в раже игры говорю:

— Я дам команду, — и мы продолжаем доигрывать.

И вдруг после очередного удара мяч подпрыгивает очень высоко и начинает скакать перед стулом. Очередь бить Урсуляку. Поняв, что можно сорвать хороший куш, Сергей падает на четвереньки для удара головой, я кричу что есть мочи:

— Давай!

И он со всей силы врезается головой в мраморный пол…

После концерта «на привале»

Нам показалось, что от этого удара весь Дворец культуры слегка содрогнулся. Мы, замерев, с ужасом смотрели на Сережу. В этот момент заиграла музыка на открытие занавеса. Звукорежиссер принял мой истошный крик: «Давай!» — за команду включить фонограмму.

Начало концерта — это наше с Урсуляком десятиминутное выступление, эдакий парный конферанс, где мы рассказываем о театре, шутим и т. д. Занавес открывается, мы уже должны быть на сцене, а Сергей стоит на четвереньках и как-то подозрительно умиротворенно смотрит на ударенную им мраморную плиту.

— Скорей! Побежали! — кричу я, натягивая пиджак. Сережа не шевелится. Тогда я хватаю его в охапку, ребята помогают надеть на него пиджак, и мы, взявшись за руки, выходим на сцену (сам он не шел). Подходим к микрофону, и я начинаю:

— Добрый вечер, дорогие друзья!

Реплика Урсуляка — тишина.

— Сейчас перед вами выступят артисты театра «Сатирикон», — говорю я его текст. — Театр «Сатирикон» — название новое, непривычное (моя реплика).

Сергей молчит и с некоторым удивлением смотрит на зрителей.

— Куда более привычно звучит Ленинградский театр

миниатюр или просто Театр Аркадия Райкина, — заканчиваю я, уже не глядя на партнера.

Потом я за двоих шутил, при этом в тех местах, где обычно у нас шли легкие поклоны, Сергей не забывал активно кланяться, но молчал как рыба. В один из таких поклонов я вдруг с ужасом увидел, что мы оба стоим с засученной правой штаниной (в суматохе я забыл их поправить перед выбегом на сцену). При этом у Сережи брюки были закручены на обеих ногах: он тогда отрабатывал удар левой.

Как я выжил тогда — не знаю. Дело не в тексте: все его реплики я, естественно, знал наизусть. Я говорил и представлял, что думают сейчас зрители? Вышли рука об руку два взмыленных парня с закатанными штанами, один стал говорить, а второй молчит и все время кланяется.

Представляя себе эту картину, я готов был лопнуть от смеха, но глубокая гражданская сознательность, чувство долга, высочайший профессионализм и прочая белиберда помогли мне закончить вступительный монодиалог.

Сразу же после вступления, не уходя со сцены, мы с Урсуляком вливались в первую миниатюру, где участвовали остальные артисты (их повизгивание и всхлипывание от смеха я то и дело слышал во время своего монолога).

Артисты-футболисты

Выйдя на сцену, все старались не смотреть друг на друга и особенно на Сережу, который в задумчивости сидел на своем стуле. Оттарабанив свои куски, актеры начинали сосредоточенно разглядывать ногти или мечтательно смотреть куда-то вдаль, но когда Урсуляк не заговорил в положенное ему время… От краха нас спас Володя Большов (он меньше всех «раскалывался» на сцене). Он встал и, не глядя ни на кого, быстро и без выражения отговорил Сережин текст… В общем, как-то выжили.

Сознание к Урсуляку вернулось минут через пятнадцать, мы доиграли концерт… — и все! И никаких последствий!

Помните стишок:

«Орешек знанья тверд, но все же
Мы не привыкли отступать!..»

Попытка расколоть мраморный пол Дворца культуры завершилась благополучно, Академгородок и С. В. Урсуляк отделались легким испугом.

Умань и ее освободители

Ты находишься там, где твои мысли.
Так позаботься о том, чтоб твои мысли
находились там, где ты хочешь быть.
/Ребе Нахман/

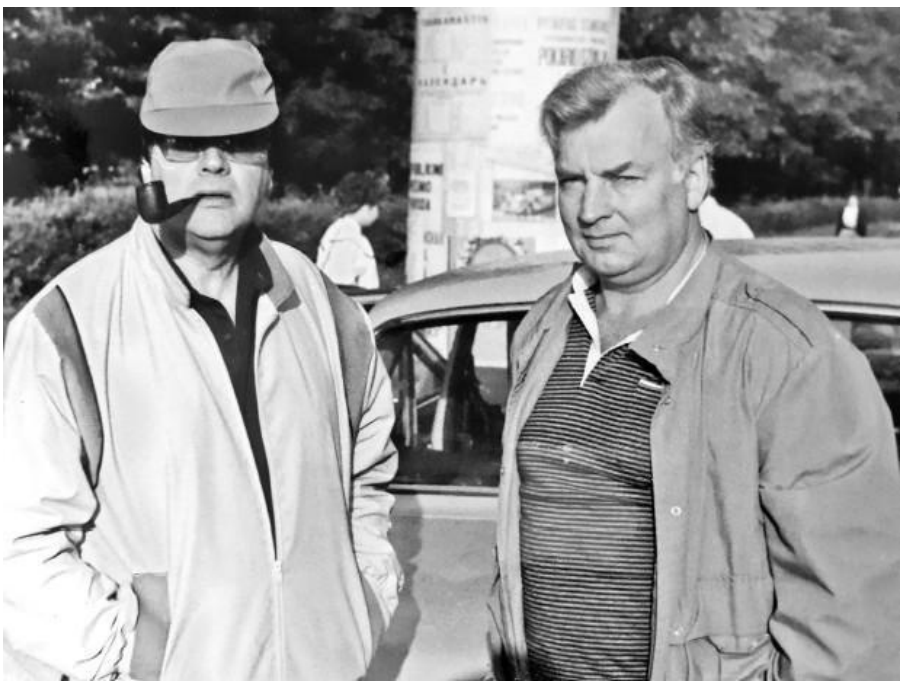
Как-то во время изнурительного двухмесячного концертного турне (костлявая рука голода заставляла нас работать весь летний отпуск) у нас образовалось недельное «окно». Замученные бесконечными переездами и выступлениями, мы решили взять паузу и вздохнуть. Счастливый коллектив разъехался по странам и весям, договорившись встретиться через неделю в украинском городе Умань для продолжения гастролей.

Я с женой Таней поехал в Гагры, где также с концертами выступали Михаил Михайлович Державин и мой папа.

Жили они на легендарной даче Председателя ЦК КПСС Абхазии Нестора Лакобы. Нет, не пугайтесь, Лакобу убил Берия в 1936 году, а в описываемое время дача превратилась в «Объект» специального назначения, то есть в дом приемов Абхазского руководства. Там-то папу с Державиным и поселили. Вообще-то дача эта была построена еще в 1903 году принцем Ольденбургским, который хотел превратить Гагры в кавказскую Ниццу, но не успел по вполне объективным причинам.

«Объект» оказался очень красивым миниатюрным замком с колоннами, балконами, галереями и просторной террасой, где каждый вечер партийные чиновники устраивали приемы для зарубежных и не очень гостей.

Когда папа с Державиным возвращались с концерта, приемы уже, как правило, заканчивались, и начиналось самое интересное. Все сотрудники «Объекта», от директора до уборщиц, конечно же, души не чаяли в своих именитых постояльцах, поэтому, как только уезжали партийные начальники, осуществлялась молниеносная ресервировка стола, и нас приглашали отужинать.



А. Ширвиндт, М. Державин

Еда была роскошная, самая что ни на есть партийная: икра нескольких видов, осетрина, шашлыки-коньяки, шампанское-фрукты и прочие сациви. И все это в диких количествах!

То, что не доедали и не допивали (уже во второй раз), грузили в наши холодильники — на завтрак. На следующий день все повторялось сначала. Нас с Таней оставляли контролировать ситуацию и разруливать потоки перемещаемых продуктов. Иногда ко мне подходил робкий официант и извиняющимся голосом просил:

— У нас там, это… мэры финских городов обедают… Мы чуть не рассчитали… Не могли бы вы одолжить до завтра пару бутылочек водки? (Из тех, которую они же нам загрузили вчера!)

Мы прям утром и вернем!

— Берите! — обреченно разрешал я. — Про финнов я все знаю (когда-то же надо было вернуть былой ленинградский должок).

В общем, полный разврат и расслабуха!

Мы целыми днями, как сытые коты, дремали в шезлонгах. Наш покой нарушали только бесконечные переговоры по рации:

— Второй! Второй! Вызывает охрана «Объекта»!

Или:

— Охране «Объекта» от Четвертого, рапортую…

Как-то, когда усталые после выступления папа с Державиным появились в наших чертогах, а точнее, за сногсшибательно пересервированным столом, я, как настоящий мажордом, отчеканил:

— Охрана «Объекта» докладывает: кушать подано!

— Вы не охрана «Объекта», — мрачно проговорил папа.

— А кто мы? — не понял я.

— Вы — охрана объедков!..

Вот так и отдыхали.

Сытная жизнь пролетела быстро, пора было подумывать о чае с тушенкой, то есть о возвращении в мир искусства — в Умань.

Придя в Гагринскую авиакассу, отстояв длинную очередь, я обратился к толстенной вальяжной молодухе, сидевшей в «окошке»:

— Мне, пожалуйста, два билета в Умань.

— Такого города нэт! — лениво заявила она, даже не взглянув в свои таблицы.

— Как нет? — возмутился я. — Умань — город на Украине!

— Я сказала, такого города нэт, — спокойно повторила она.

И тут я понял, она знает только те города, куда проложено авиасообщение. Это означало, что в Умани нет аэропорта.

— Хорошо, — засуетился я. — А какой аэропорт есть поблизости?

— С чем?

Ах, ну да, она же не знает этого названия!

— Пожалуйста, покажите мне карту, — взмолился я.

Кассирша оказалась девушкой глупой, но не злой, и протянула мне в окошко карту СССР. С огромным трудом я нашел там Умань (еще чуть-чуть и я бы согласился, что этого города действительно НЭТ) и понял, что ближайший авиадостижимый город — это Киев.

— Тогда два — до Киева.

— Ну вот, — обрадовалась девица. — Такой город эст! — и выписала билеты.

Путешествие в Умань забрало все силы, с таким трудом восстановленные на объедках.

Стартовали мы из Гагр в сухумский аэропорт в три часа ночи. В восемь утра прилетели в Киев. И тут выяснилось, что расстояние в двести километров до Умани можно преодолеть либо на такси (тогда зачем вообще ехать?), либо на рейсовом автобусе. Естественно, мы выбрали второе и тронулись в путь на старом дребезжащем автобусе. Я даже не мог предположить, насколько он окажется «рейсовым». Во-первых, автобус был настолько переполнен, что нам пришлось полдороги «провисеть» на поручнях с чемоданами в руках. А во-вторых, он делал остановки, по-моему, каждые триста метров и подолгу разгружал и загружал людей с корзинами, курами, а один раз и с довольно крупной свиньей в наморднике. На Уманьский автовокзал мы приехали часов через восемь. Вымотанные до предела, мы подошли к таксисту.

— До гостиницы довезете?

— Сколько?

— Три рубля, — назвал я астрономическую сумму.

— Поехали, — мрачно буркнул таксист.

Мы погрузились, откинулись на мягкие сиденья… И приехали. Гостиница оказалась на площади за автовокзалом.

У меня не было сил, чтобы убить поганого водилу, но выразить свои мысли силы нашлись. Я сказал, он получил трешку, и мы расстались.

Вот мы стоим на главной площади перед долгожданной гостиницей и озираемся по сторонам. И вдруг я замечаю, что по площади в разных направлениях и в огромных количествах движутся евреи!

Нет, не подумайте, что я такой этнофизиономист, чтобы в разношерстной толпе уманчан вычленить ту или иную этническую группу. Нет. Это были настоящие евреи: в черных одеждах, в меховых или широкополых шляпах, с пейсами и бородами.

— Хасиды! — всплыло во мне какое-то генетическое знание.

Хасиды деловито входили в магазины, садились в троллейбусы, просто гуляли. Постепенно я понял, что эпицентром всего этого движения является наша гостиница. Потоки евреев то втекали в нее, то выплескивались наружу. Зрелище это было настолько поразительное и неестественное, что я решил, что все это — галлюцинация после восьмичасовой тряски в обнимку со свиньей.

В этот момент из-за угла появились Урсуляк и Лика Нифонтова, тоже приехавшие на автобусе. По их вытаращенным

глазам я понял: это не галлюцинация, это хасиды!

Обескураженные, мы зашли в отель… и остолбенели окончательно.

Над главной парадной лестницей холла висела перетяжка с красочной надписью: «УМАНЬ ПРИВЕТСТВУЕТ СВОИХ ОСВОБОДИТЕЛЕЙ!»

Все! Приехали! Шок!

Столичные «звезды»

Первое, что я подумал:

— А, может, права была кассирша в Гаграх, что такого города НЭТ? В смысле, больше нет. Хасиды его освободили, и Умань теперь часть государства Израилева?

Как выяснилось, я был недалек от истины. В Умани находится могила рабби Нахмана, основателя брацлавского (бресловского) хасидизма, и каждый год тысячи евреев со всего мира отправляются в паломничество на эту святую могилу. Именно рабби Нахману принадлежит прекрасное, на мой взгляд, изречение, которое я поставил эпиграфом к этой главе.

Все точки над і расставила администраторша гостиницы:

— Та, евреи здесь кожен рік кучкуются.

— А плакат?

— Так це ж два ветерана войны приихалы — вони тут воювали.

Вот и все. Как просто.

Хотя нет — не все…

Как я сказал, паломников приезжали тысячи, а мест в гостинице было, наверное, около ста. Но, тем не менее, их всех прописывали в отеле. Цена за место для нас, граждан СССР, была три рубля, а для иностранцев сорок долларов — грех не поселить! При этом, как разместится гость, никого не волновало — лишь бы платил. Ну, они и жили по пятнадцать человек в трехместном номере. И то не все: некоторые ребята-хасиды спали прямо на полу в коридоре.

И вот мы возвращаемся ночью после концертов, подходим к своему номеру… и видим: в углу на полу под открытым окном… лежит и дрожит молодой хасид (начало песни…).

Я пытаюсь ему что-то сказать по-английски — он забивается дальше в угол и молчит. Хасида становится совсем жалко, и я жестами показываю, дескать, пошли к нам.

— Нет, — мотает головой.

Ну, если уж я завелся помочь еврею, то хоть ты тресни, а помогу!

— Ду ю спик инглиш? Парле ву франсе? Шпрехен зи дойч? — сыплю я, хотя последние два для меня — темный лес.

На дойч он немного оживился.

— Ком цу мир (иди ко мне), — вдруг выпаливаю я.

Мотает головой.

— Номе? Имя?

— Юда, — вдруг шепчет он.

Ага! Заговорил! И, обрадованный, я неосознанно произношу фразу, которую, наверное, слышал в каком-нибудь военном фильме и от которой у любого еврея сердце генетически уходит в пятки:

— Юда ком! (Jude komm — *нем.* «еврей, давай»).

Хасид дернулся, потом затравленно посмотрел на мое счастливое улыбающееся лицо, встал, прижав к груди саквояж… и обреченно шагнул в комнату.

Выпив горячего чая (от тушенки он почему-то отказался), Юда немножко расслабился и даже разговорился. Учитывая языковой барьер (из немецкого набора у меня остались только хенде хох! («руки вверх!») и Анна унд Марта баден («Анна и Марта купаются») — ни то ни другое не украсило бы нашу беседу, поэтому мы разговаривали рисунками.

Из его картинок мне удалось понять, что живут они в Израиле в маленькой деревушке. Семья большая, состоит из девяти голов (так было нарисовано). Денег у них мало. На его поездку собирали три года. Он счастлив поцеловать святую могилу рабби

Нахмана. Ему очень нравится Умань, но спать на полу на сквозняке за сорок долларов — это дорого. Сколько же тогда стоит ваш номер? (маленькая комната с тремя узкими кроватками и водопроводом, работающим два часа в сутки). Я нарисовал Юде все ответы и предложил остаться у нас на свободной кровати. Он в панике вскочил, замотал головой и ринулся к двери. Тогда я свернул матрас с бельем, вышел с ним в коридор и постелил все это на полу, задраив распахнутое окно. Поняв, что спорить бесполезно, Юда благодарно растянулся на мягком и тут же заснул.

В семь утра, после четырехчасового сна, я был разбужен сокрушительным стуком в дверь. Вскочив как ошпаренный, я бросился к двери, распахнул ее и увидел двух теток: администраторшу и уборщицу. Первая ломилась в дверь, а вторая держала за шиворот нашего Юду со свернутым матрасом в руках.

— Это кто ж вам позволил?! — пронзительно заверещала администраторша. — Чистый тюфяк на пол выносить?! Я сообщу все директору! А этого поганца (она брезгливо показала на Юду) мы выселяем немедленно! — Для убедительности уборщица отвесила Юде подзатыльник.

В то время я еще курил. Утром я должен был выпить чашечку кофе, съесть какой-нибудь бутерброд и закурить. И только тогда я открывал глаза. Только тогда со мной можно было заговорить. И только тогда я становился милым, добрым ангелом… Но если что-то или кто-то этот ритуал нарушали!!!..

Даже невинный вопрос близких: «Который час?» — мог привести к летальному исходу… А тут!..

Сдерживая себя из последних сил, я отстранил орущую фурию, взял Юду за руку и с уже привычным для него «Юда ком!» втянул его в комнату.

— Куда?! Нельзя!!! — заголосили обе тетки.

Я, трясясь от бешенства, но с виду спокойно, попытался закрыть дверь. Ни тут-то было! Администраторша в последний момент просунула в дверь ногу и продолжила крик. И тогда я, задыхаясь от ярости, распахнул дверь, насколько хватило руки, и со всей силы захлопнул ее, невзирая на торчащую в проеме ногу. Раздался хруст.

«Дверь или нога? — равнодушно подумал я. — Судя по воплю — второе. Ну и хорошо».

Днем прибежал директор местной филармонии, сказал, что дело плохо — перелом, она требует возбудить уголовное дело… В общем, нам надо срочно валить. Что мы и сделали. Сбежали, не доиграв два концерта. Коллектив, прознав про наши приключения, меня поддержал. А вот как сложилась судьба Юды,

я, увы, не знаю.

Знаю одно: хасиды передо мной в долгу — мы недополучили деньги за два выступления (с процентами набежала приличная сумма)!

Фиорди

После Умани мы, не заезжая домой, отправились в Тбилиси — теперь уже на гастроли театра «Сатирикон». Там мы поселились в старой уютной гостинице «Сакартвело» и стали жить-поживать да спектакли играть. Разместился я в двухместном номере с народным артистом России, лауреатом Государственной премии Российской Федерации Андреем Смоляковым. Правда, народный тогда и предположить не мог о своем грядущем лауреатстве, и жили мы мирно и дружно (до поры до времени!). На досуге мы с Андрюшей ловили мышь на железный рубль. Устройство очень простое. Берешь пол-литровую банку и ставишь ее на пол так, чтобы один край опирался о юбилейный (большой) рубль, стоящий на ребре. Внутрь кладешь кусочек хачапури (работает только с грузинскими мышами) и все. Мышь залезает за лакомством и неизбежно задевает рубль, он падает — мышь сидит в банке. Вторым развлечением была канистра с молодым кахетинским вином, которая стояла между нашими кроватями. От нее тянулись два длинных медицинских шланга, прикрепленные бельевыми прищепками к спинкам кроватей. Иногда эти два развлечения совпадали. Как только мы слышали звяканье упавшей монеты, сопровождающееся стуком вставшей на пол банки, мы мчались к койкам, падали на подушки, отцепляли прищепки и сосали вино — за успех охоты.

Потом мы аккуратно брали банку с пойманной в нее мышью и выносили во двор. Там мышь выпускали, вырвав у нее из лап дефицитный хачапури, и возвращались обратно для новой охоты. Мы так и не поняли, была ли это одна и та же мышь, возвращающаяся доесть, наконец, этот несчастный кусок, или это были все новые и новые претенденты, но на двор с банкой мы выходили раз триста! (Соответственно, столько же раз мы посасывали кахетинское из канистры.)

Вообще, как вы знаете, гостям в Грузии живется несладко. Просто до сладкого редко доходит. Сначала идет зеленое с красными круглыми, потом острое нарезанное, потом мягкое в ореховом соусе, потом то, что едят мыши, потом твердое на железных палочках, потом оно же вареное и без палочек… — и так до бесконечности или потери сознания, потому что запивается все это промышленным количеством белого и красного жидкого!

Каждый вечер после окончания спектакля на улице нас ждали «друзья». Некоторых мы уже где-то видели, остальные предлагали отпраздновать сегодняшний день как начало новой большой

дружбы. В итоге нас всех разбирали, оптом или поштучно. Мы ехали в рестораны, или в гости, или в горы… потом нас полуживых везли в отель. По дороге, конечно же, надо было заехать к Дато (а то Дато обидится), потом к бабушке Гиви калбатони[7] Софико (она мечтала с тобой познакомиться), потом просто выпить пару тостов на высоком берегу Куры… и глубокой ночью, уже без сознания, но с подарками, тебя выгружали у дверей гостиницы.

В ту ночь (!!!) я почему-то спал. То ли меня не взяли, то ли просто устал, но факт остается фактом — спал.

Проснулся я от того, что кто-то грузно сел на мою кровать. В испуге я открыл глаза и увидел перед собой лицо Андрея Смолякова. Лицо было совершенно белое, зато глаза светились каким-то жутким красным светом. Он пристально смотрел на меня, но видел что-то совсем другое.

— Коля Фиорди! — угрожающе проговорил он и поднял высоко руку. В руке блеснул кинжал!

— Фиорди Коля!!! — закричал Андрей, выбирая точку для удара. Я лежал не шелохнувшись. Мозг лихорадочно просчитывал варианты действий. И не находил.

Наконец, даже не поставив меня в известность, мозг выкрикнул:

— Вон он! Там!

И рука указала в угол комнаты. Андрей резко повернулся, а я, кубарем скатившись с кровати, бросился к двери. Выскочив в коридор, я стал ломиться в соседний номер. Там жил Володя Большов. Вылетев как ошпаренный, он ошалело уставился на меня.

Представьте себе картину: мы оба взъерошенные, в трусах стоим в гостиничном коридоре в три часа ночи, и я кричу:

— Там! Скорей! Смоляк! Кинжал! Фиорди Коля!

На шум стали выходить соседи-коллеги. Когда я, наконец, сбивчиво объяснил, в чем дело, все решили, что надо подпереть чем-нибудь дверь и ждать до утра:

— Нет, — сказал Большов. — А что, если он себя зарежет? Я пойду.

Девочки стали возражать, но мужественный Володя решительно распахнул дверь и, как гладиатор на арену, вошел в номер. Через пару минут он вышел к нам с окровавленным кинжалом в руке и сказал, обращаясь ко мне:

— Я его нейтрализовал. Через десять минут можешь заходить.

(Драматургия заставила меня добавить крови — в реальности ее не было.)

Когда я через какое-то время боязливо протиснулся в комнату, то увидел мирно спящего в своей кроватке Смолякова. Большов так и не выдал секрет нейтрализации Фиорди. Но самое любопытное то, что и Андрей до сих пор не раскалывается, кто такой Коля Фиорди. И вообще утверждает, что ничего этого не было.

Мораль такая: с грузинским гостеприимством шутки плохи!

Призыв к грузинам: не дарите пьяным москвичам кинжалы!

P.S. Гагимарджос, генацвале!

Прощай, комедиант!

Не подумайте только, что театр «Сатирикон» состоял из одних алкоголиков. Тбилиси — это, конечно же, особый, исключительный случай. Там, говорят, недавно приняли закон: не пить — нельзя!

В Ленинграде мы выпивали крайне редко, просто не было сил: утром — тяжелая танцевальная репетиция, вечером — спектакль. И так каждый божий день.

Впрочем, и без алкоголя мы жили шумно и весело. Чуть ли не каждый вечер мы собирались с Костей Райкиным и Сережей Урсуляком у хлебосольной Лидочки Петраковой (нашей актрисы). Она из ничего готовила царские ужины, которые мы и поедали, запивая чаем. Эти посиделки сопровождались бесконечными рассказами и байками и заканчивались часа в два-три ночи. А по утрам, часов в восемь, мы с Костей и Сергеем встречались мрачные, невыспавшиеся в холле «Октябрьской», не глядя друг на друга, шли в промозглой темноте к Невскому, садились в переполненный троллейбус и ехали пять остановок до гостиницы «Европейская».

Заходили внутрь… Райкина все сразу узнавали, раскланивались — и мы шли в бельэтаж завтракать.

До сих пор, побывав в тысячах разномастных отелей, я не могу даже близко сравнить самые изысканные буфеты со шведским столом гостиницы «Европейская»! Помещение напоминало старинную бонбоньерку[8]. Мягкие ковры, бронзовые светильники, красного бархата диваны-купе создавали атмосферу абсолютной роскоши и в то же время уюта. А еда! На прилавках лежало все: от икры и осетрины до всевозможных паштетиков, омлетиков, салатиков и творожков. А какой там варили кофе!!! А еще там можно было курить!

И главное, стоила вся эта история 1 рубль 26 копеек!

Как я уже говорил, в то время цены разделялись на «для иностранцев» и «для своих». Иностранцы платили за завтрак дорого и валютой, а свои в гостинице практически не жили — отсюда такая дешевизна.

Мы набирали тарелки еды, заказывали двойной эспрессо (почему-то у нас все называют его экспрессо), потом закуривали… И наступало блаженство!

Длилось это шведское счастье минут сорок. Потом мы вскакивали и бежали в метро: в 9.30 начиналась репетиция. По мере приближения к театру мы из трех товарищей превращались в двух и начальника, Костя даже шел немного поодаль от нас. Это

негласное правило разделения дружбы и работы никто из нас ни разу не нарушил. Дальше он гонял нас до изнеможения на репетиции, потом мы играли спектакль, ну а потом — опять ужин до трех.

По мере того как театр взрослел, разрастался — значительно увеличивалась труппа, и мои отношения с Костей склонялись все больше в сторону: начальник — подчиненный. В творческом отношении стали появляться точки «несоприкосновения». В итоге мы, в большой степени полюбовно, расстались. При этом мы решили так: я из театра ухожу, а Костя в нем остается (а ведь могли бы и монетку кинуть).

Ну а если говорить серьезно, то я очень рад нашему расставанию. Нет, не с Костей, с ним у меня сохранились хорошие отношения, я имею в виду расставание с театром, с актерской профессией.

Книги Андрея даже бросать нельзя

Актер по своей сути — профессия зависимая. Зависимая от чужой воли: от драматурга, режиссера, костюмера, гримера и т. д. Ты отдаешь свой талант в их руки и помогаешь им вылепить из себя произведение искусства. Актер — существо ведомое, а я всегда хотел быть ведущим — и в итоге им стал, правда, уже не в театре. Если же ты демонстрируешь свою независимость и противишься воли творца, то ты не артист, а г… Так вот, во мне эта независимость существует на уровне характера — со времен войн со школами. Я физически не могу соглашаться со всем, о чем меня просят — ни в жизни, ни в работе. А стало быть, исходя из своей же формулы, артист из меня — то самое (см. выше).

И я честно несу сей крест. Вернее, не несу крест комедианта. Сколько раз мои друзья, ставшие знаменитыми режиссерами

театра и кино, звали меня туда-сюда сыграть роль — я не согласился ни разу.

Я, отдав актерскому искусству лучшие годы своей жизни, не снялся ни в одном фильме! А мой сын Андрей (кандидат юридических наук, магистр частного права LL.M., специалист по гражданскому и римскому праву, сравнительному правоведению, автор более 35 публикаций, в том числе трех монографий) сыграл роль в фильме Урсуляка «Сочинение ко дню победы» вместе с Вячеславом Тихоновым, Олегом Ефремовым и Михаилом Ульяновым!

Кинокухня

Уйдя из театра, я ринулся в кино. Нет, не в качестве актера (я же только что написал, что никогда не снимался — вы такие рассеянные!) Я пошел в продюсеры! Слово было новое, манящее… ну, я и клюнул. Партнером и начальником был мой товарищ Олег Капанец. Мы вместе постигали азы кинопроизводства, вместе выпустили несколько фильмов… Причем Олег осваивал новое для себя дело с поразительной скоростью. Он смело бросался во всевозможные авантюры — побеждал и проигрывал. Он стал «крестным отцом» для Сергея Урсуляка («Русский регтайм» (1993), «Летние люди» (1995)). Он снял голивудский фильм «Священный груз» (1995), где играли Мартин Шин, Крис Пенн и Джей Ти Уолш! А недавно Капанец осилил проект «Гагарин. Первый в космосе» (2013). (Кстати, никому и никогда не удавалось получить право на использование имени Гагарин… а Олег умудрился обаять дочку — и вот вам результат.)

За годы совместной деятельности были выпиты декалитры напитков — без этого кино не снимается. (Что за напитки, пусть каждый понимает, как хочет. Я же буду настаивать, что это были морс и ситро.)

И вот, казалось бы, и пили много, и закусывали правильно, но Капанец продюсером стал, а я нет. Не пошло. И вообще, продюсирование оказалось не совсем тем, что я себе представлял — скажем так, не совсем творческим процессом. Целыми днями я изучал какие-то бумажки-платежки, подписывал договора и отчеты — тоска. Олег-то финансист по образованию, ему это все было раз плюнуть, а я в отношении цифр — тупой со школьной скамьи.

Впоследствии я многократно был директором своих компаний, даже научился делать умное лицо на коммерческих переговорах, но стоило оппоненту спросить: «Это сумма с НДС или без?» — и я тихо впадал в прострацию, спасали коллеги.

Последней каплей в моем кинопроизводстве стал фильм Урсуляка «Летние люди» по «Дачникам» М. Горького. (Такое красивое и емкое название появилось совершенно случайно: мы отдали копию сценария американскому переводчику, чтобы сделать английские субтитры, и он перевел слово «Дачники» как Summer people (в переводе на русский — «летние люди»), ведь дача — это только наше слово и понятие. Сергею настолько понравился символический смысл этого словосочетания, что он решил так и назвать свой фильм.)

Съемки проходили в Чехии в обычном для кино режиме —

полный аврал. Не привезли доски, у актера кончилась виза, костюм героини застрял на таможне, обеды на площадке оказались слишком дорогими и т. д. Я, сидя в душной Москве, пытался все это разрулить. Единственной радостью в этот период было ощущение богатства. Да, я богател!

Нет, с кино это никак не было связано: там я получал зарплату. Неслыханное богатство мне приносило МММ.

МММ

Нет, я не Леня Голубков (герой рекламы МММ) — я знал. Знал, что это чистой воды авантюра, что пирамида эта в какой-то момент рухнет, и влез туда не просто так, «с улицы», а по наводке товарища, который участвовал в их рекламной кампании.

Дело было в мае, и он мне сказал:

— Они накроются где-то в октябре, так что можешь пока поиграть.

Ну, я и поиграл. Благосостояние семьи в тот момент составляло $5000 — итог многолетней концертной деятельности. С согласия Капанца я вынул из сейфа на работе еще $6000 — и все это отнес в контору «МММ» к некой Нине.

И наступил рай! Проценты росли не по дням, а по часам (буквально). По часам же этот рост можно было контролировать. Набираешь по телефону «100» (Служба точного времени) и слышишь:

— Курс акций АО «МММ» — 68 рублей 37 копеек. (Пауза). Точное время: 17 часов 24 минуты.

А наутро:

— Курс акций АО «МММ» 76 рублей 55 копеек.

Сказка!

Тогда вся страна помешалась на «чарах», «хоперах», «властелинах» и прочих милых бандитах. Мои дети целыми днями вопили дурными голосами:

— Сретенка, 9, Армянский, дом 5.

Ваши проблемы сумеют понять.

Девятилетняя дочка Саша разыгрывала все рекламные ролики МММ.

— «Ну и что, что не молода, ну и что, что обжигалась? — думала Марина Сергеевна, разглядывая себя в зеркало. — А я еще ничего, даже хорошенькая!» — горланила Саша, прыгая на кровати. Потом слезала на пол и торжественно декламировала:

— «А чего это я тут сижу? Пойду-ка я куплю еще акций АО «МММ»!

(До сих пор считаю, что телевизионные ролики МММ — это рекламный олимп. Не соглашусь с теми, кто говорит, что это была халтура, сделанная «на коленке». Нет! Все эти лени голубковы, марины сергевны, все шероховатости и запритыкивания были просчитаны до мелочей. Именно эта кажущаяся простота и доходчивость клипов и сотворила чудо — в Леню Голубкова поверили миллионы соотечественников. А то, что в результате этой рекламной кампании эти миллионы людей

разорились — это не вина создателей роликов, они со своей работой справились идеально.)

И вот как-то прекрасным летним утром я набираю по телефону «100», слышу отчет о курсе акций и понимаю: мои деньги удвоились! Всего-то за пару месяцев! О! «Так, — думаю я. — Сниму все вложенное, раздам долги, а остальное оставлю в игре». С этими мыслями звоню Нине в контору и говорю:

— Сегодня заеду — заберу деньги.

— Хорошо, — говорит она. — Я все подготовлю.

В ту же минуту стали звонить поставщики досок для декорации, администраторы гостиниц, актерские агенты… — ну, как всегда, обычная ежедневная катастрофа. И я впрягся, закрутился, и день покатился. Когда же я спохватился: «Ах да, МММ — было уже поздно. Я снова набрал Нине и сказал, что сегодня не успеваю:

— Ничего, — ответила она. — Заберете завтра.

Звоню на следующее утро.

— Да, да, я вас жду, — говорит Нина. Я уже собрался повесить трубку, как слышу, Нина с кем-то говорит:

— Что? Как это?! Не понимаю… Да нет, не может быть… — и, обращаясь ко мне: — Михаил, я вам перезвоню…

Отключилась. А потом появились первые новости. А потом шквал новостей. Когда я все же дозвонился до Нины, она мертвым голосом произнесла:

— Вы можете сдать свои акции по рублю за штуку. Извините.

То есть за час курс акций МММ упал в 127 раз!

То есть если бы я приехал, как и планировал, вчера, я бы получил $22 000!

То есть сегодня я могу за все акции получить 173 доллара!

Я сидел в офисе, машинально отвечал на звонки поставщиков и администраторов и думал: «Ну и что? Мир не перевернулся. Я сам во всем виноват. Я же знал, что этим все закончится. Ах, если бы я приехал вчера. Ну, ничего — прорвемся. Главное, что все здоровы!»

Но и тут я не угадал. Три дня я ходил «тревожный, но спокойный наружно» и заболел. Это было что-то вроде простуды, но с очень высокой температурой, которая с каждым днем поднималась все выше и выше. Через неделю мне было уже настолько хреново, что меня повезли в больницу. Сделали рентген — и на тебе! Двухстороннее крупозное воспаление легких! В июле, в самую жару!

В общем, антибиотики, капельницы, микстуры — ничего не помогает. Знаменитый академик Чучалин, осмотрев меня, сказал:

— У вас идеальная пневмония — пневмония бомжа, который

заснул в луже и за ночь она замерзла.

Мой лечащий врач, а впоследствии подруга Надя Княжеская даже водила студентов показывать на мне хрестоматийную пневмонию.

Однажды она зашла с группой молоденьких девушек, показала на меня и спрашивает их:

— Какие признаки воспаления легких вы видите?

— Потливость, круги под глазами, белки красные, — как-то уж очень формально бубнят они, как будто им показывают картинку, а не живого (хорошо, полуживого) человека.

— А еще заострившийся нос, — пытаюсь поучаствовать в диспуте я.

Студентки даже не обернулись в мою сторону. А может быть, я ничего и не сказал… Дальше все помню смутно. Вдруг из меня полился пот, как у клоуна в цирке, струйками по голове… потом я куда-то поплыл… Потом Надя кричала на студенток:

— Быстро отсюда!

Потом мне беспрерывно меряли давление, температуру и кололи один укол за другим. Боли я не чувствовал, и это меня забавляло. Я вспомнил, как делал пластилинового ежика и втыкал в него спички, и подумал, что, наверное, выгляжу так же. Слышал какие-то непонятные термины… Удивило давление 50 на 20… А потом все. Никаких коридоров со светом я не видел. Просто открыл глаза и понял — жив. Вокруг стояли перепуганные врачи, а мне было хорошо. Впервые за две недели я испытал облегчение.

— Что это было? — прошептал я.

— Видите ли, — сказал врач, подбирая слова. — У вас очень быстро понизилась температура, и упало давление…

— Насколько понизилась?

— Ну… у вас она была 40,5, а стала — 34,2…

— Так не температура падает, — сказал я.

— А что?

— Так стынет труп!

И врачи облегченно захохотали — это был абсолютно их, медицинский юмор. И юмор выздоравливающего человека.

В общем, спасли.

Впоследствии все врачи сошлись на том, что болезнь возникла на нервной почве — последствия МММ. А ведь многих тогда не спасли. Очень много несчастных старичков и старушек поумирало в эти дни краха, не говоря о тех десятках людей, которые покончили с собой.

Их мне очень жалко. Не жалко себя. Я знал, что это обман, и все же влез. И не успел. И получил… Ну, в смысле, не получил.

Телеведущий

«Лотто Миллион»

Еще один интересный вывод я сделал во время болезни. Когда я попал в больницу, шел кульминационный период съемок «Летних людей». Сергей Урсуляк находился в Чехии, а мы осуществляли всестороннюю техническую и административную поддержку из Москвы. Я понимал: стоит мне на день выпасть — и все рухнет. Все связи будут утрачены — и конец производству.

И вот я выпадаю по полной программе. На два месяца. Из них один — в реанимации. И ничего! Съемки не остановились, и фильм получился замечательный. И я осознал, как эфемерны бывают наши амбиции. И что незаменимых не бывает!

И утвердился в этой мысли окончательно через год, гневно уйдя из телевизионной программы «Лотто Миллион».

Да, но сначала я туда попал. Позвонила мне как-то подружка Люба Шакс и говорит:

— Не хочешь попробоваться на ведущего в новом телевизионном шоу?

Конечно, я хотел! На телевидении я до этого никогда не появлялся, а тут еженедельное вечернее шоу, да еще в прямом эфире!

Иллюзий особых я не питал: претендентов уйма, все опытные, а я-то кто? Бывший никому не известный артист, да и только. Но пошел. И прошел. Выбрали меня.

Не думаю, что по блату: это был серьезный коммерческий проект, там на фамилию и не взглянули. Скорее всего, победой в конкурсе я был обязан своему богатому концертному прошлому: умение разговаривать со зрителями не по бумажке, а своими словами оказало мне хорошую службу.

И началось строительство программы. Именно строительство, так как внутри лотереи проводились всяческие конкурсы, игры и викторины. Организаторов интересовала только коммерческая часть: лототрон и шары с цифрами. Все остальное отдавалось на откуп мне. Я целыми днями придумывал с конструкторами разные механизмы для еженедельно меняющихся конкурсов, сочинял вопросы для зрителей, писал подводки и т. д. В общем, полный кайф! По телевизору шла круглосуточная реклама. Надо было «заставить» все население страны включиться в игру; объяснить, как заполнять билеты; убедить, что все уже практически миллионеры.

Деньги на все это расходовались бешеные. Производила программу молодая продюсерская компания «Мастер ТВ», и наше «Лотто» содержало проекты остальных трех участников коллектива. Это были Константин Эрнст с «Матадором», Леонид Парфенов с «Портретом на фоне» и Игорь Угольников с «Оба-На». Неплохо, да?

И вот, наконец, долгожданный эфир! Прошло все без сучка и задоринки: мы не подвели прямой эфир, вписались секунда в секунду. И на следующее утро я проснулся знаменитым! Как в плохом фильме. Меня узнавали везде: на улице, в магазинах, в кафе. Это узнавание никак не было связано с любовью и уважением, нет — просто подогретая бесконечной рекламой страна посмотрела эту передачу. Ну, и я был ее приложением. В дальнейшем, может, я и заслужил симпатии зрителей — не знаю, но тогда первая волна славы меня совершенно потрясла.

Я не заболел «звездной болезнью» ни тогда, ни после. Просто я с детских лет знал цену актерского труда и признания — как результата этого труда. Поэтому я с большим сарказмом отношусь ко всем этим однодневным певичкам, шутникам или футболистам, которые «звездеют» от первого появления на экране и с первых минут устало несут бремя своей «славы» — пока их благополучно не забудут.

«Болезнью» я не болел, но удобствами узнаваемости, конечно же, пользовался. Покупал что-то «из-под полы», проходил куда-то без очереди… и главное — ГАИ!

О противостоянии человек — гаишник можно написать многотомный труд (может быть, я когда-нибудь это и сделаю). Но сейчас расскажу одну историю, связанную с «Лотто Миллион». Большинство подобных рассказов начинается примерно так: «Ну, я, значит, ехал бухой…», или «Проезжаю я на красный…», или «Развернулся я через две осевые…» и т. д., «… ну, он меня и тормозит». А дальше тысячи вариантов продолжения, в 99,9 % случаев заканчивающиеся взяткой.

Что я тогда нарушил, не помню. Может быть, все вместе взятое. Ну, он меня и тормозит. Вижу — узнал, но все равно суров:

— Что же вы, Михаил Александрович, пьяный на красный свет через две осевые едете?

— Командир, да я это…

— Нарушение серьезное — будем оформлять.

— Эх… Ну, ладно, так и быть — скажу…

— ???

— Только пообещай не говорить никому.

— Чего?

— Я назову тебе три номера, которые выпадут в следующем тираже.

Гаишник ошеломленно вылупился на меня. Медленно осмыслив услышанное, он вдруг заявил:

— Скажи четыре.

— Не имею права, — говорю. — Подписку давал. Четыре только мой начальник знает.

— Ладно, давай три, — с сожалением согласился он.

— 24, 41, 7 — назвал цифры «с потолка». — Остальные сам придумывай.

Несмотря на то что любая лотерея — это своего рода обман, все же до такой степени цинизма, как выбрасывать заранее известные номера, по-моему, еще никто не дошел. Но гаишник поверил! Будучи в силу своей профессии человеком нечестным, он совершенно нормально отнесся к моим откровениям. Вернул документы, и я уехал.

Прошло месяца три, я опять что-то нарушил и был остановлен сотрудником ДПС. Взяв мои документы, он ни слова не говоря достал из кармана компостер и пробил «дырку» в талоне предупреждения! (Такой талон прилагался к правам: три прокола — и лишение прав.)

Я аж задохнулся от возмущения:

— Что?! Почему?! За что?! — кричал я.

— А за то, — мрачно ответил гаишник, — что я сто билетов купил и вписал твои номера!

Сунул мне права, развернулся и пошел.

«Нет, я не плачу и не рыдаю,
На все вопросы я открыто отвечаю,
Что наша жизнь — игра, и кто ж тому виной,
Что я увлекся этою игрой…» —

пел Андрей Миронов про нас с наивным гаишником.

Но вернемся к телевизионной истории. Через какое-то время мне стали надоедать однотипные конкурсы и загадки. Я пришел к главным лотерейщикам, грекам, и предложил «взбодрить» программу: поменять игровую часть, оставив неизменным сам розыгрыш.

— Всем уже приелись эти викторины, и я знаю, как сделать программу зрелищной и веселой, — сказал я.

— А нас и так все устраивает, — ответили греки (в действительности, их интересовали только лототрон и шары).

— Но это же тоска! — настаивал я. — Ведь я сам это придумал и сам же хочу поменять.

— А нам нормально.

— Ах так, — говорю. — Тогда я ухожу!

— Ну что ж, — согласились начальники.

И все. Я и ушел. И никто за мной не побежал. И опять ответ на вопрос о незаменимости. А программу стал вести Степа Полянский, которого я сам же и вводил на второй состав.

Дог-шоу

Уйдя из мира шаров и цифр, я продолжал работать на телевидении. Вернее, так: для телевидения. После опытов театральных, киношных и лотерейных, где я постоянно выполнял чью-то волю, я окончательно определился: работаю только на себя. И вот, до сих пор держусь.

Нет, конечно же, я всегда зависел от решения теленачальников-продюсеров, но это была совсем другая история. Это напоминало отношения продавец — покупатель. Я предлагал товар — они покупали или нет.

Мы (маленькая продюсерская компания: Надя Хворова, Саша Коняшов и я) снимали разные документальные фильмы, были востребованы, но мне всегда чего-то не хватало: хотелось на сцену, на площадку, в студию! Это желание никак не противоречило моим вновь обретенным принципам: я не собирался ЛИЦЕдействовать, я хотел действовать.

Дни и ночи я придумывал «свой» проект — свою телепрограмму.

И вот как-то собрал я компанию у себя дома и заявил:

— Мы должны сейчас придумать развлекательную программу, аналогов которой нет нигде в мире!

Вот так вот — ни больше ни меньше!

А дальше, как в сказке: «Делать нечего — сели и стали думать… Думали-думали… и наконец…» — никак. «Не выходит каменный цветок».

Все, что приходило нам в голову, уже побывало в других головах. Новое не рождалось.

— Может быть, конкурс для семейных пар? — предложила Надя Хворова.

— Нет, уже что-то есть на эту тему, — ответили мы.

И опять сказка: «Во все время разговора…» рядом со мной сидел спаниель Сандрик (названный так в честь детей Саши и Андрюши), и я, крутя ему ухо, вдруг сказал:

— А может быть, человек и собака?

Ну, вот и все!

В течение часа мы записали идею и концепцию будущей программы. Удивительно, что все последующие годы передача Дог-шоу «Я и моя собака» выходила в полном соответствии с этими набросками.

Собственно, всю идею можно сформулировать в одном предложении. Три конкурса, в которых принимают участие люди и их собаки: домашнее задание (подготовленные номера), смешные собачьи вопросы и некий общий конкурс. Плюс — именитое жюри.

«Чосер» — дитя Дог-шоу

Нам самим все это настолько понравилось, мы были так воодушевлены, что даже не сомневались в успехе.

И на следующий день нашли спонсора — собачий корм!

Есть идея, есть спонсор, есть прекрасный ведущий… что еще нужно? Ах да, эфир.

И мы пошли по каналам.

Каналы, конечно же, обрадовались молодым талантливым ребятам и их гениальной идее. Они (каналы) говорили:

— Здорово! Молодцы! Классная идея! Это надо делать!.. Только не сейчас… и это не совсем наша аудитория… а вот на канале N вас точно возьмут!

И так по кругу!

А один очень большой начальник сказал:

— Беру!.. Только поменяйте собак на детей!
Казалось бы, пустячок, но мы уперлись и не поменяли.
И так три года!

Люди и собаки

Три года никто не хотел «Меня и мою собаку». И они нас убедили, что программа — не очень. Что сейчас — не время. И что вообще…

Однажды кто-то предложил:

— А сходите на REN-TV.

«Ну и отлично: REN-TV так REN-TV. Только это будет последняя инстанция», — решил я и пошел.

Хозяйка телекомпании Ирена Стефановна Лесневская (это от ее имени образовалось REN в названии компании) оказалась женщиной властной и энергичной. Выслушав рассказанную мной в сотый раз историю: «Вот, собачки… Люди… Мило… Смешно… Спонсоры…» — она сказала:

— Хорошо, беру.

Я не поверил своим ушам!

— Давайте, давайте! Делайте! — повторила Ирена Стефановна, видя мое изумление.

И мы бросились делать!

Энтузиазма — море, знаний — ноль, но мы работали как подорванные. По сути дела, мы придумывали проект с нуля. Аналогов подобных программ на телевидении не было (да и нет). В то время выпускались и успешно шли только купленные или «позаимствованные» телешоу: «Поле чудес», «Угадай мелодию», «Своя игра», «Кто хочет стать миллионером».

Мы же создавали свой, отечественный, продукт, учась на собственных же ошибках.

В общем, с грехом пополам сняли. Потом, с ним же пополам, стали монтировать. И монтировали… и монтировали… — и все не то. Видя все недочеты, мы пытались исправить дело, переставляя планы с места на место… Но чуда не произошло. У нас не получилось.

Я пошел к Лесневской.

— Вот кассета, — сказал я. — И это плохо. Но я знаю, как сделать хорошо.

А вот тут случилось чудо.

Ни один другой продюсер не продолжил бы этот разговор. Меня бы просто выставили, да еще потребовали бы вернуть затраченные деньги… Но чудо есть чудо. Ирена Стефановна только спросила:

— Знаешь, как?

— Да! — закричал я. — Все знаю!

— Делай.

И все! Эта великая женщина дала мне второй шанс!

И я его не упустил. Я действительно уже знал, как надо, и программа «Дог-шоу «Я и моя собака» состоялась.

Десять лет, то есть полноценную собачью жизнь, прожило «Дог-шоу» в эфире. Семь раз мы выходили в финал ТЭФИ. Правда, как детская или развлекательная программа. Когда я заикнулся о том, что мы бы могли номинироваться как программа авторская, на меня удивленно посмотрели.

— Авторская — это Вульф, Радзинский, Познер. А вы-то куда?

Ну, нет так нет, хотя обидно. Ведь из развлекательных передач на нашем телевидении авторских было всего три: «Что? Где? Когда?», «КВН» и мои «собаки».

Дог-фазер

Мы хотели делать программу семейную, добрую и веселую. В первом выпуске я объяснял, откуда взялось такое название.

— Наша программа называется «Дог-шоу «Я и моя собака». Только не путайте с ток-шоу. Потому что «дог» — по-английски «собака», а «ток» — это электричество, то есть напряжение. А в нашей программе никакого напряжения нет.

В общем, так и получалось — без напряжения. Хотя с названием казусы случались. Как-то перед съемкой (мы снимали в цирковом училище) девочка на улице подошла к водителю и спросила:

— Дяденька, а что здесь снимают?

— А пес его знает, «Шок-доу» какое-то, — мрачно ответил тот.

У нас потом это название долго жило.

Однажды какая-то тетенька написала жалобу продюсеру. Она говорила, что программа ее в целом устраивает… вот только не нравится «эмич» ведущего. Поломав голову, продюсер догадался, что речь, скорее всего, идет об имидже… но наказывать ведущего не стал — так как сам им и являлся.

На улицах меня узнавали — правда, сложную фамилию не запоминали.

— Вон, смотри, «Дог-шоу» пошел! (хуже, когда «пошло»).

Один раз мы с друзьями шли по Арбату и видим, какие-то люди показывают на меня пальцем:

— Гляди, там этот… Дог-фазер идет!

Это ко мне прилипло надолго.

Кстати, из всех вопросов журналистов есть у меня любимый: «Скажите, Михаил, а вас собаки на улице узнают?»

А из самых нелюбимых: «Расскажите про смешной случай на съемочной площадке».

Ну что ж, раз вопрос задан, надо отвечать…

Существовал у нас такой конкурс: «Собачьи вопросы». Мы находили любую информацию, связанную с собаками, и придумывали на ее основе разнообразные смешные вопросы с нелепыми вариантами ответов. Как-то я спросил:

— Чем Энгельс приводил в ужас Маркса?

Смысл вопроса вот в чем: Маркс боялся, что Энгельс во время охоты с собаками упадет с лошади и сломает себе шею.

Приводились три варианта ответов. Среди них был правильный, но дело не в этом. Играли у нас тогда три молоденькие девушки лет шестнадцати. Я вижу, среди них какое-то необычное замешательство, и, чтоб им помочь, спрашиваю:

— Девочки, а вы вообще помните, кто такие были Маркс и Энгельс?

В ответ тишина. Потом первая мотает головой:

— Нет.

За ней вторая:

— Нет.

А третья говорит неуверенно:

— Марс… Сникерс… А Энгельса не помню…

Это не шутка. Девочки меня не разыгрывали: там не до этого, они под камерами и вообще чуть не в шоке. Да я и сам в шоке. Нормальный советский человек себе и представить такого не может. В отчаянии спрашиваю:

— А кто такой Ленин, вы знаете?

Все три облегченно кивают:

— Да, да, знаем.

Первая отвечает:

— Лидер.

Вторая говорит:

— Вождь.

Я спрашиваю:

— Чей?

Этого она уже не знает. Пытаюсь помочь.

— Например, — подсказываю, — бывает вождь краснокожих…

— Да, да, — подхватывает она радостно. — Что-то типа этого!

А третья барышня посмотрела на них скептически и говорит:

— Ленин был мужчина.

В общем, с грехом пополам вопросы закончились. Жюри оценивает участников. А в жюри у нас тогда сидел американский дирижер, который хоть и говорил по-русски, но все-таки родился и вырос в Америке. Он с вытаращенными глазами ставит всем пятерки, а потом встает и говорит:

— Ничто не могло мне доказать, что в России произошли принципиальные перемены. (Программа снималась в 1995 году.) А вот это меня потрясло. Я не верю своим ушам. Но приходится признать: да, все изменилось. Раз такое могло случиться — назад дороги нет.

Долгое время на программе работали сразу два режиссера. Один, как я уже говорил, — Сережа Урсуляк. Он отвечал за съемку и монтаж. А второй — советский и российский актер театра и кино, театральный педагог, ректор Школы-студии МХАТ, директор Центрального дома актера имени А. А. Яблочкиной, заслуженный артист Российской Федерации Игорек Золотовицкий. В его обязанности входило разогревать публику перед началом съемки, рассказывать анекдоты и давать отмашку рукой, чтобы зрители аплодировали.

Конечно же, оба они относились к участию в «Дог-шоу» как к возможности подзаработать в передаче своего товарища. Зато я теперь могу шиковать их титулами и званиями. У нас даже униформистами подрабатывали студенты МХАТа. Многие из них теперь — народные артисты!

За то, что они, птицы высокого полета, деятели кино и театрального искусства, пали так низко… скатились к «чертям собачьим», они всесторонне надо мной измывались.

В знак нашей дружбы особенно гнобил меня Урсуляк. Ему как режиссеру не нравилось, как я хожу, как стою, как дышу. В общем, не нравилось все, что я делаю. И он меня на всех съемках гонял по площадке. Нагнись! Иди! Не туда!

Как-то у меня случился приступ радикулита. Да такой страшный, что ни встать ни сесть. Я вообще еле ходил. Но съемку

не отменишь — значит, надо работать. А первый конкурс у нас — домашнее задание. И мне говорят:

— А сейчас мы с Бобиком хотим через вас попрыгать!

И я со вздохом, держась незаметно за спину, начинаю наклоняться. Кто знает, меня поймет. Ну да ладно. Собачка попрыгала — все довольны. Но Урсуляк при монтаже мало того, что замедлил все это дело в три раза, так еще пустил фоном звук от скрипа телеги. Получилось, ведущий, такой старый пень, нагибается еле-еле в течение двух минут, да еще и скрипит при этом.

Однажды какая-то милая дама с собачкой подарила мне торт:

— Дорогой Миша! Мы с Бусей испекли для вас этот тортик. Мы вас очень любим и хотим преподнести…

Ну и так далее.

Вручение торта сняли и торт унесли с площадки.

Дальше я одним глазом наблюдаю, как Буся делает «змейку», а другим вижу, как Урсуляк и Золотовицкий, сидя за режиссерским пультом, пожирают мой тортик! Жадно! Руками! (Потому что нет ни тарелок, ни ложек.)

Естественно, мне уже не до «апортов» и «барьеров». Я грозно зыркаю на режиссеров, а они, видя это, с еще большим аппетитом поедают мой подарок.

Тогда я говорю, обращаясь к хозяйке Буси:

— Мария Ивановна, вот вы только что подарили мне тортик, да?

— Ну да… — удивленно отвечает она.

— А давайте-ка на него еще раз посмотрим?

— Ну, давайте…

— Прошу вынести торт на сцену! — торжественно объявляю я.

Пауза. Только четыре злобных глаза вонзились в меня из-за пульта.

— Итак, торт на сцену!

Пауза.

— Друзья, давайте все похлопаем, чтобы нам быстрее вынесли торт!

И под аплодисменты зрителей объедки торжественно вынесли на сцену.

Режиссеры были посрамлены… а я отомщен.

Правда, Урсуляк этот эпизод при монтаже выкинул, но зато вы теперь знаете, какими жадными и коварными бывают российские режиссеры.

В общем, весело мы прожили нашу «собачью» жизнь.

В какой-то момент я понял, что устал, что не могу больше

умиляться, когда Тобик выполняет стотысячную команду «Сидеть!», что надо что-то или кого-то поменять. Напрашивался один вариант: ведущий. Пора, решил я. Тем более что прозвучал глас свыше. Это произошло дважды с интервалом в неделю. В разных концах города ко мне подошли две пожилые дамы и со странной улыбкой, заглядывая мне в глаза, произнесли:

— Гав, гав.

«Приехали!» — понял я и пошел к руководству канала.

— Продюсеру очень надоел ведущий, — говорю. — Хочу его поменять… Это оживит программу.

— Нет, не пойдет. Зритель привык к старому — так что терпи, — ответило руководство.

Я потерпел, потерпел… и уволил себя. На этом программа «Дог-шоу «Я и моя собака» прекратила свое существование.

Хотя немножко жалко.

Я до последнего времени предлагал разным продюсерам запустить обновленное Дог-шоу с молодым энергичным ведущим… Но нет, не хотят. Говорят, время уже не то — рейтинг не наберет…

Не знаю… Конечно, круглосуточно-истерические ток-шоу на всех каналах пользуются большим спросом и выполняют идеологический заказ, но кусочек доброты или «собачьей радости», по-моему, никому не повредит.

И потом, рейтинг — это… как бы сказать…

Хотя лучше, чем Жванецкий, все равно не скажешь: «Рейтинг — могучее послание тупых тупым».

Живые Новости

«Живые Новости» — так называлась наша телекомпания. Это необычное название появилось благодаря одноименной телепрограмме, которую мы производили для утреннего эфира НТВ. Это была ежедневная пятиминутка, состоявшая из трех-четырех сюжетов. Новости действительно были «живые»: мы рассказывали обо всем, что бегает, летает, ползает и растет вокруг нас. Все делалось весело и непринужденно. Вела программу моя жена Таня Морозова. И название «Живые Новости» мы задумали как противостояние новостям мертвым, которыми был переполнен эфир. И правда, на фоне расчлененки, убийств и катастроф мы выглядели этаким оазисом чистоты и покоя. Это даже отразилось на пресловутом рейтинге. Зрители все утро смотрели всякие ужасы, потом вздох облегчения («Живые Новости») — рейтинг подскакивает, и вновь оторванные руки и

плачущие люди.

Как-то я пригласил своего институтского товарища поработать у нас автором. Он, будучи актером и чтецом, при этом прекрасно разбирался в животных. С детства он ходил в какой-то кружок при зоопарке и все знал про каждую живую тварь.

Звали моего товарища Павел Любимцев. Он с воодушевлением стал писать тексты… но что-то не складывалось. В написанном виде они выглядели скучноватыми и наукообразными. Ну не получилось, что поделаешь? И я, чтобы подсластить пилюлю расставания, предложил Паше попробовать себя в качестве корреспондента. Мы даже придумали специальную рубрику: «А вы знаете, что…?» И поехали снимать в Московский зоопарк.

Как сейчас помню Пашин первый сюжет. Стоя на фоне клетки с огромными попугаями, он в своих неподражаемых интонациях рассказывал, откуда у них появилось такое название:

— А вы знаете, что попугая вначале называли «папагал», что значит «папский петух»? В Ватикане в Средние века жило много ручных и разговорчивых попугаев. Иные говорили на многих языках! Была там и особая должность — «смотритель попугаев» (кстати, вы об этом знали?).

Тяжкое бремя странствий «Путешествие натуралиста»

Сюжет получился замечательный, и рубрика Любимцева закрепилась в программе.

А потом грянул финансовый кризис 1998 года. В вихре событий прилетел большой медный таз и накрыл программу «Живые Новости». И все же «Живые Новости» на то и живые, что уничтожить их полностью кризис не смог. Живой росток долго и мучительно пробивался сквозь финансовые неурядицы… и возродился!

Появилась программа «Путешествие натуралиста».

И началась эра странствий и эпоха великих открытий.

Про путешествия с «натуралистом» (Пашей Любимцевым), с «Охотниками за рецептами» (Любой Полищук и Сережей Цигалем), с «Хочу знать» (Мишей Ширвиндтом) я когда-нибудь напишу отдельную книгу. Уж очень много разных историй, смешных и не очень, произошло за пятнадцать лет постоянных поездок.

Одной историей я все же поделюсь, так как она связана и с театром, и с телевидением, и с нашей слегка парадоксальной жизнью…

Из жизни или из придуманного?

Мы снимали сюжет для программы «Хочу знать». Речь шла о появившейся недавно в Москве сети мужских парикмахерских. (Вы наверняка обращали внимание на трехцветный красно-сине-белый фонарь, крутящийся в витринах этих салонов. Оказывается, в давние времена виртуозы ножниц и бритвы не только стригли и брили мужчин, но и занимались лечебным кровопусканием.)

Брил меня элегантный юноша по имени Рудольф. Сюжет сняли, все секреты раскрыли, и я стал ходить к Рудольфу стричься — благо, что парикмахерская находилась в двух шагах от дома.

Однажды я выхожу из Театра сатиры и встречаю Рудольфа, направлявшегося к метро. Ну, как водится:

— Здрасьте!

— Здрасьте!

И разошлись.

Через месяц сижу у него в кресле, стригусь. Вдруг Рудольф спрашивает:

— Помните, вы вечером выходили из театра? Вы были на премьере?

— Да, — говорю, понимая, что он хочет попросить билет (обычное дело).

— А вы часто бываете на премьерах?

— Ну, так… стараюсь.

— А вот я никогда не был ни на одной премьере, — задумчиво (нет, это наречие к нему не подходит)… *просто* говорит Рудольф.

И тут я начинаю понимать, что под премьерой он подразумевает неведомое ему слово «спектакль».

— Вы имеете в виду спектакль? — на всякий случай спрашиваю я.

Смотрит — не понимает.

— Я всегда хотел узнать, — продолжает он, — в театре говорят из жизни или из придуманного?

Я был в шоке! (Так говорят не менее интеллектуальные барышни по любому поводу, например, если пошел дождь или разрядился телефон.)

Но тут, согласитесь, для шока было достаточно оснований. Юноша окончил среднюю школу, учился на стилиста у самого Зверева, работал в модном салоне в центре Москвы… и вдруг, «из жизни или из придуманного»!

Если вы не поняли, он хотел спросить, импровизируют актеры на сцене или играют по сценарию.

Я смотрел на Рудольфа округлившимися глазами, пытаясь понять, как надо на это реагировать… и, наконец, выбрал единственно возможный вариант ответа:

— Из придуманного, — сказал я.

Рудольф остался доволен, а я перестал у него стричься. Нет, не потому, что он нанес мне эстетическую травму, просто я испугался, а вдруг он спросит:

— Вам только волосы укоротить, или вместе с головой?..

А если не спросит?..

Отцы и дети

«Семейный столик»

С годами постепенно начинаешь понимать, что проводить время с родителями — это не так уж и страшно. Сначала — терпимо, потом — вполне ничего и наконец — замечательно.

Так, вероятно, происходит процесс взросления. От мечты о фрифлэте, когда родителей нет дома и ты отрываешься с друзьями, до сбегания от тех же самых друзей, чтобы потусоваться с родителями.

Конечно же, эта трансформация очень субъективна: у кого-то переход из родственников в друзья и вовсе не происходит. Но в моем случае обошлось, и даже больше того: мои дети, Саша и Андрюша, стали дружить с родителями, с дедушками и бабушками гораздо раньше положенного срока.

Я имею в виду период злобного тинейджерства, когда весь взрослый мир становится твоим врагом, а в друзьях ходят только гормоничные (от слова «гормон») однокашники.

Отцы, дети и Е. А. Чайковская

Андрей как-то проскочил эту жизненную фазу, а у Саши конфликт поколений проявлялся только в одном — на все вопросы она отвечала двумя словами:

— Как твои дела, Сашенька? — спрашивал дедушка.

— Нормально.

— Саша, поешь, пожалуйста! — требовал я.

— Разберусь.

Мы, конечно, негодовали, орали… но в результате у Саши все стало нормально и она во всем разобралась.

Более того, наследственную традицию ведения застолья она впитала уже в младенчестве, с молоком… отца. Хотя все же нет, с молоком деда.

Года в три Саша произнесла свой первый тост. Дело было на даче. Шел бесконечный процесс сооружения пристройки. Рабочие то и дело пропадали — запивая (в профессиональном смысле

этого слова… хотя, может, и в прикладном: запивая водку пивом).

Когда Саша спрашивала, где наши рабочие, мы отвечали:

— Они болеют.

И вот сидим мы за столом, Саша поднимает стакан с молоком и говорит:

— Давайте выпьем, чтобы рабочие никогда не болели… И чтобы Шура (дедушка) отдал Елене Анатольевне деньги.

(Елена Анатольевна Чайковская — подруга трех поколений нашей семьи. Общались мы много и часто, и вот Саша где-то услышала про занятые у Е.А. деньги.)

Второй ее тост стал девизом нашего дома. Ни одно семейное застолье, ни один праздник не обходится без этого тоста. Причем сама автор его уже много лет не произносит, но милостиво поощряет кого-нибудь из нас озвучить свое творение. В первоисточнике это звучало так:

— Давайте выпьем за наш маленький семейный столик!

Лучше и не скажешь… особенно если тебе три года.

Уверен, что все родители, бабушки и дедушки ведут дневник детских высказываний (эдакий «От двух до пяти» К. Чуковского).

Выглядит эта пытка примерно так:

— Когда Петеньке было два годика, он бежал по дорожке на даче. Мы тогда снимали полдома у одной милой дамы в Кратово. Толя, не помнишь, как звали нашу хозяйку?

— Мария Борисовна. Но неважно — рассказывай про Петю.

— А, ну да, так вот Петенька споткнулся о корешок и упал. Галя к нему бросилась, а он сам встает и говорит: «Песя бух!»

И вся семья заливается счастливым смехом.

И только тридцатилетний Петя сидит с перекошенным от злости лицом, да и кривые улыбки гостей не выражают всего того ликования, которое подразумевает это «бух». Всеми этими перлами долго развлекают несчастных гостей и добивают их демонстрацией многочасового фильма «Как мы ездили в Турцию в 1988 году с Потаповыми (вы их не знаете), с Верой Тимофеевной (вы могли ее видеть у Курякиных) и где Петеньке четыре годика (вон он в море с Витей, видите?)».

Не могу удержаться и бросаюсь в омут умиления (вам еще повезло, что не показываю кино «Андрюша и Саша на балконе с арбузом»).

Начну с высказываний маленького Миши.

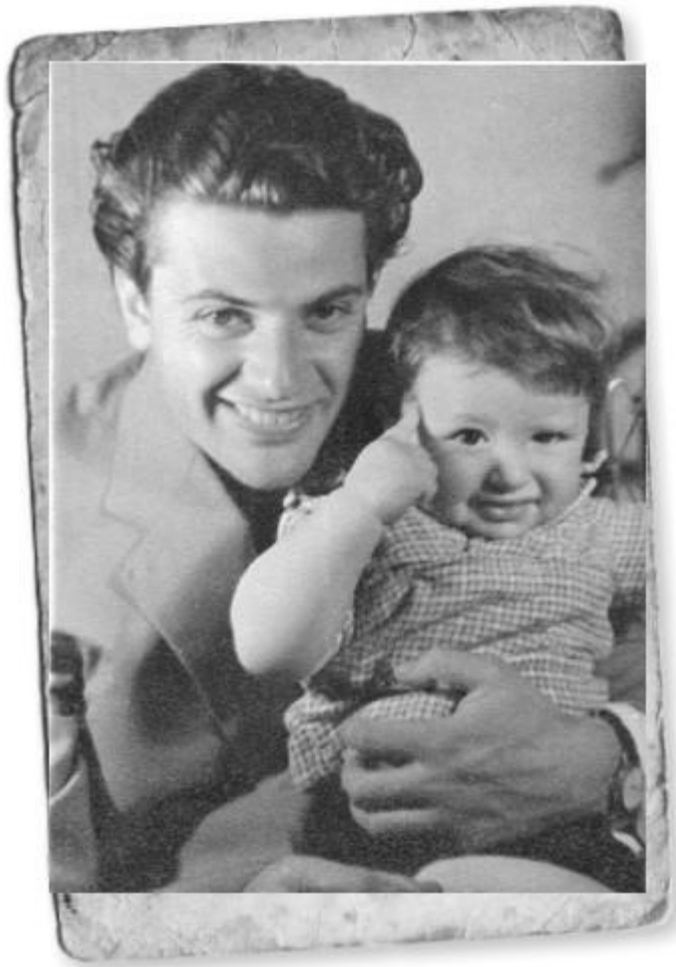
Диалог с мамой:

— Вот родится у меня дочка, а тебе опять мальчик попадется.

— Почему?

— А тебе все время мальчики попадаются: папа попался —

мальчик, я тоже мальчик.



Отец с ребеночком

Обнял папу… Помолчал и говорит:
— Ах, какая картинка: отец с ребеночком!

Не знаю, как сейчас, но тогда была популярна игра в шарады.

> «Мое первое — что в голове,
> Мое второе — как лягушка поет,
> Целое — город».

Ответ: МосКва

> «Мое первое — очень кислое,

Мое второе — что под землей,
Целое — вкусный напиток».

Ответ: ЛимонАд
А вот наоборот:

«Мое первое — что на небе,
Мое второе — кусок фильма,
Целое — смешное».

Ответ: РайКин
Загадки: «Две головы, ног нет, а ходят?»
Отгадка: Карты
И наконец: «Не фонтан, а пьет?»
Отгадка: ПАПА
Все. С Мишей хватит.

Саша учит «Руслана и Людмилу». Читает:
— Там русский дух… Там рысью пахнет…
— Кем, кем пахнет? — спрашивает бабушка.
— Рысью! — видит недоуменные глаза, поясняет: — Ну, рысь — тигр такой.
Придумала загадку.

«Летит — жужжит,
Сядет — краснеет,
Ударишь — пятнает».

Отгадка: Комар
Андрюша — пытливый ум:
— А волки по лестнице ходить умеют?
Ну и наконец внучка (что-то неправильно делает).
Андрей:
— Элла, Побойся Бога!
— Помойся, Гога, — парирует она.
Разговаривает с бабушкой Леной:
— Мы с Шурой (прадедушкой) скоро пойдем на ипподром…
— И что вы там будете делать?
— Шура будет скакать на лошадях… — видя бабушкино недоумение:
— Да, да, он не такой уж и старый — будет скакать!

От двух до пяти

Швеция

Пару раз мне удалось вытащить папу на рыбалку за черту оседлости — в Швецию. Он скрипел, не хотел:

— Почему Швеция? Какая там, к черту, рыбалка?! Давайте поедем на Волгу…

Но после серьезного внушения со стороны внучки вынужден был согласиться.

И вот мы отправились в заграничное путешествие. Прежде чем оказаться на вожделенном водоеме, папа терпеливо сносил поездки по стране: по городкам и фьордам, по Стокгольмам и Гетеборгам — и в целом явного раздражения не выказывал.

В гостиницах мы брали два номера. В одном жили мы с Таней, а в другом — папа с девятилетней Сашей (Андрей тогда с нами не поехал).

Саша полностью контролировала дедушку: куда ходить, что покупать, сколько съесть мороженого, выпить колы и вылизать чупа-чупсов и т. д. Размякший дед во всем потакал внучке. Нас, «взрослых», это, конечно, раздражало. В обычной жизни поглощение всей этой отравы не поощрялось, но и контролировать распустившуюся парочку было довольно сложно: жили-то они обособленно и целыми днями шастали по разным злачным местам.

Наконец, слава богу, у папаши кончились кроны, а поменять доллары в маленьком городке не получалось. И мы злорадно стали контролировать общие расходы. Саша предприняла пару попыток выцыганить у меня денег — но нет! Отныне только здоровое питание!

Проходит день, другой, и вдруг я вижу: по улице идут папа с Сашей, которая поедает огромный шар сахарной ваты!

«Так! Все-таки нашли где поменять деньги», — с горечью понял я.

На следующий день мы поехали дальше. Увидя в очередной раз дочурку с леденцом, я не выдержал и устроил им обоим разнос.

— Зачем же ты дал деньги, если ты такой жадный? — спросил пристыженный отец.

— Я?!

— Ну а кто?

— Я не давал!

— А у меня их и нет, — сказал папа.

— Это были мои деньги, — вдруг подала голос Саша.

— ???

— Я их там, в гостинице, нашла.

— ???!!!

Оказывается, в комнате, где они жили (а это был старый деревянный жилой дом, переделанный под отель), за стенным ковром была маленькая дверка. Саша ее нашла, каким-то образом открыла, пролезла внутрь и оказалась в небольшой комнате, где стоял письменный стол, а на столе лежали деньги… И вот, вспомнив про голодающего дедушку, про батончик «Марс» и про «Фанту», она их и взяла.

То есть два дня они кутили на ворованные деньги!

Естественно, мы эти деньги… (так и подмывает написать «вернули владельцу»… но нет). Мы просто испугались, что не сможем должным образом все объяснить… да и сумма была не ахти какая… Словом, семейка сработала чисто. Ограбили отель и ловко ушли от погони.

Чтобы окончательно запутать следы, мы поехали в Гетеборг в парк аттракционов. Саша носилась как угорелая, залезала на все карусели, горки и качели и каждый раз упрашивала дедушку прокатиться с ней.

— Ни за что на свете! — твердо говорил дед.

Идем дальше по аллее и видим сквозь кусты, как, не спеша, позвякивая, ползет паровозик с вагончиками.

— Ну хоть на электричке поехали! — взмолилась Саша.

— Ладно, давай, — сломался папа, понимая, что изо всех зол старый поезд наименее опасен.

Мы подошли к станции, усадили деда с внучкой в вагончик, при этом толстый металлический поручень плотно прижал их к спинкам сиденья (непонятно, зачем?), и… «чух-чух-чух» — паровозик отправился в путь.

А я тем временем покинул станцию, вышел на площадь посмотреть, как счастливая парочка едет по парку… и обомлел!

Оказывается «чух-чух-чух» поезд делал, только подъезжая к остановке (тогда-то мы его и увидели) и стартуя со станции.

А дальше… Дальше начинался ад!

Долгожданная рыбалка

Как оказалось, это был самый крутой во всех смыслах аттракцион в парке. Поезд с бешеной скоростью мчался по спиралям и мертвым петлям… Взлетал к небесам… И падал в пропасть… Разворачивался вокруг своей оси и входил в крутой поворот… И так минуты три!

Когда наша парочка вылезала из вагона, то даже у Саши был растерянный вид. Какой вид был у ее дедушки, вы и сами можете представить. Так выглядят космонавты, ступившие на землю после полугодового пребывания в невесомости.

Слегка пошатываясь, но достаточно твердой походкой папа подошел к нам и отчеканил:

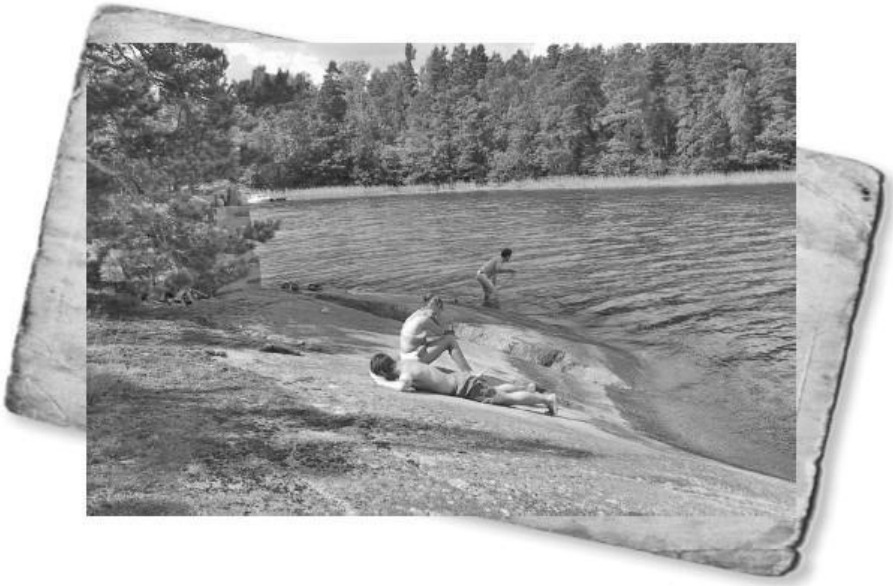
— Все! Хватит. Рыбалка.

Мы безропотно согласились. И началась рыбалка.

Вероятно, именно тяга к аттракционам сподвигла папу на повторное путешествие в Швецию спустя несколько лет. На этот раз и внук Андрюша милостиво согласился присоединиться к нашей группе.

Во избежание эксцессов мы не стали заезжать в большие

города и отправились сразу на место лова рыбы в арендованный нами дом.



Отъехав километров 100 от Стокгольма, мы, руководствуясь картой, свернули с шоссе, проехали немного по лесной дорожке и оказались на берегу моря. Там на мысу стоял арендованный нами дом, под ковриком лежал ключ — мы и поселились.

Формальности описал, теперь буду восторгаться.

Шведский климат, шведская природа очень напоминают нашу. Но ни один российский морской пейзаж не сравнится с красотой скандинавского побережья Балтики! (Прости меня, Айвазовский, христа ради.) Да и Балтики той у нас теперь кот наплакал.

Цветущие луга, сосновые леса, песчаные дюны, гранитные берега и острова — вот вам унылый северный ландшафт.

Островов в Швеции около 30 000! Их там настолько много, что, глядя на море, ты не видишь горизонта… только острова, островки и островочки.

И именно их необъятное количество сыграло забавную шутку с обитающими там рыбами. Балтийское море превратилось в малосольное озеро, поэтому, наряду с морскими, там прекрасно себя чувствуют и рыбы пресноводные. В море можно поймать леща, плотву, окуня и даже щуку.

Домики, как правило, стоят у самой воды, так что удочку при желании можно забрасывать прямо с террасы. Заборов в Швеции не бывает, да и от кого ограждаться, если ближайший сосед живет

километрах в пяти от тебя.

В общем, красота несусветная.

Папа очень органично вписался в этот скандинавский рай. Вставал в четыре утра, забрасывал снасти и, покуривая трубку, вытаскивал пресно-соленых рыбешек из водоема.

Идиллия продолжалась часов до девяти, после чего папа ложился спать. И тут просыпались мы.

Легкая рыбалка, долгий здоровый завтрак, купание, собирание грибов и черники… Пробуждение папы… Обед… Сон… Купание под крики чаек и папы, который уже сел на вечернюю зорьку, а мы ему распугиваем всю рыбу… Чистка и приготовление рыбы… Ужин… Купание… Сон.

Сказка!

На третий день отдыха счастливые дети стали слегка подвывать от тоски.

Конечно, с папой и дедом очень весело, но не за тем они добирались за тридевять земель, за границу, чтобы куковать сутками (или с утками) в необитаемом лесу у лукоморья.

И стали дети придумывать поводы, чтобы в город стольный иль другой какой слинять. А городок ближайший был в часе езды на автомобиле скороходном.

И вот подсылает свет-Андрей сестру свою младшую Сашеньку к батюшке на переговоры.

— Кончилось, — молвит Сашенька, — у нас молочко белое, не с чем деткам кашку пшенную кушати.

— Да вон же в леднике полкрынки стынет, — отвечает батюшка.

Ушла. Вернулась.

— Бражка у вас с дедушкой на исходе, подкупить бы?

— За печкой вон кувшин непочатый стоит.

Ушла… долго нет… Сам брат приходит:

— Лимоны желтые, заморские, все вышли, нечем будет рыбку жарену на трапезе сдобрить.

Глянул батюшка… а и впрямь нету лимонов кислых.

— Ну, делать нечего, надо в путь-дорогу собираться (да и самому ему невтерпеж на волю вольную вырваться).

Снарядили колесницу, дедушку хоромы стеречь оставили и понеслись в славный город Фюрюзунд за лимонами толстокожими, да и за другими гостинцами-диковинами.

И так каждый день. Неугомонный характер питал детскую фантазию, папаша сурово, но радостно потакал, и только дедушка ловил себе рыбку и о странствиях не помышлял.

Городок в три улицы мы выучили наизусть, но все равно каждый раз находили какое-нибудь новое развлечение.

Например, покупка той самой бражки походила на отдельный аттракцион.

В Швеции с алкоголем все очень непросто: стоит дорого, продается только в определенных местах, да и то не всегда. В Фюрюзунде магазин был один. На входе ты брал талончик с номером очереди и шел себе восвояси. Дальше ты мог бродить по городу, заходить в магазины и кафе, но где бы ты в данный момент ни находился, ты всегда мог поднять голову и на ближайшем углу увидеть электронное табло с текущим номером «пьяной» очереди!

— Ага, 234, еще осталось 27 — гуляем дальше.

И вот как-то возвращаемся мы с покупками из города, выходим из машины, идем на берег — дедушки нет. Наверное, спит. Решили посмотреть, каков сегодня улов.

Достаю из воды садок[9]… а там рыбы видимо-невидимо! И лещи, и плотва, и окуни «вот такие»!.. Как никогда!

Ну, мы поохали, языками поцокали и опустили садок обратно.

Вдруг смотрю, прямо около берега рыбина здоровенная плавает — и так вяло, медленно, что хоть руками бери. Только я об этом подумал, как рядом появляется вторая, даже больше, чем первая, а следом еще две, поменьше… и тоже какие-то снулые.

— Это же наши! — вдруг кричит Андрей. — Уплывают!

И тут я понял! Садок! Когда я опустил его в воду, вероятно, нижняя дверца уперлась в какую-нибудь корягу и открылась. И рыбы, не веря своим глазам (или чему там не верят рыбы), стали выплывать наружу.

— Лови! — закричала Саша.

И я как был, в городском, прыгаю в воду и начинаю хватать руками уходящую добычу. Но не тут-то было. Обретя свободу, рыбы довольно быстро оклемались и, элегантно уворачиваясь от моих цепких рук, радостным косяком ушли в глубины морские.

О ужас! В садке остались два полудохлых окунька, папа вот-вот проснется, вечером приедут гости — что делать?!

— Так, все хватаем удочки и ловим! — распорядился я, выливая воду из новеньких мокасин.

Обманутый дедушка

Ну, мы и засели. И что удивительно, вопреки всем рыбацким законам (день, жара, волны явно не способствовали хорошему улову), мы умудрились наловить довольно много рыбешек. Конечно, не таких, как главный рыбак, но все же. Видно, уж очень велико было желание не расстроить папу-деда, да и по шее не получить!

Улов, чтобы скрыть улики, мы быстро переработали: почистили и нарезали, а вечером пожарили на гриле.

— Что-то маловато рыбы, я вроде больше наловил, — ворчал папа.

— А мы на завтра, на уху оставили, — врали дети.

И обошлось! Только сейчас, читая эти строки, папа узнает о той трагической истории: о коварстве и любви, о добре и зле…

где все же добро (шведская водка и жареная рыбка) победило зло (колчеруких детей-внуков, обманувших удачливого рыболова).

Скрепы

Возвращаясь к «семейному столику», который трехлетняя Саша сделала символом нашего дома, наряду с папиным «сервируй», я теперь понимаю, что это и есть те самые (не люблю это слово, но в данном случае точнее не скажешь) СКРЕПЫ, на которых держится наш маленький мир. И вот, чтобы крепче скрепить эти скрепы, мы мчимся каждый год на Валдай, в дом отдыха на берегу озера Ужин, где уже много лет папа с мамой проводят отпуск-рыбалку. Валдай для папы — место идеальное во всех отношениях. Во-первых, путь от крыльца до озера занимает 46 секунд медленным шагом или полторы секунды для собаки, которой бросили в воду мяч. Во-вторых, место это располагается в пятистах километрах от Москвы, а это значит, что ни враг, ни друг в такую даль не прорвется.

Интересно, что папа, организовавший и проведший бесчисленное количество юбилеев своих друзей, свои «даты» очень тщательно скрывает. Поэтому и забирается в такую даль каждый год 19 июля. И все же некоторые отчаянные головы пробиваются сквозь время и расстояние. Директор Театра сатиры Мамед Агаев, Леня Ярмольник, Федя Добронравов, Лена Подкаминская и кое-кто еще приезжали «в глушь» поздравить папу с днем рождения.

Мы с детьми тоже из года в год появляемся «сюрпризами».

Ритуал незыблем. Каждый из нас звонит поздравить папу-деда с днем рождения и на вопрос: «Ты где?» — врет что-нибудь органичное: «Еще сплю», «На работе», «У меня съемки» и т. д. А сами уже проезжаем Великие Луки. Папа делает вид, что верит, мы — что верим, что он верит, и через пару часов:

— Ага!!! Урррра! Ух ты!!!

Крепим скрепы мы и в Москве. Созваниваемся с детьми:

— Надо бы повидаться. Может, сходим куда-нибудь? Например, в мое кафе?

— Ну, можно, — вяло соглашаются дети: — А может, к Шуре с Татой? (Так все друзья и внуки зовут моих родителей).

— Тогда сами звоните, а то могут и послать… (Идея пойти в гости возникает обычно за полтора часа до самого похода.)

И вот мы, большой толпой, с собаками, вваливаемся к ним на Котельники.

Многолетний нелегкий опыт жизни с моим папой делает свое дело.

«Семейный столик» «сервирован». Разнообразные салаты, три вида супов и два горячих приготовила мама за эти полтора часа.

И начинается смазка, а точнее, обмывка скреп.

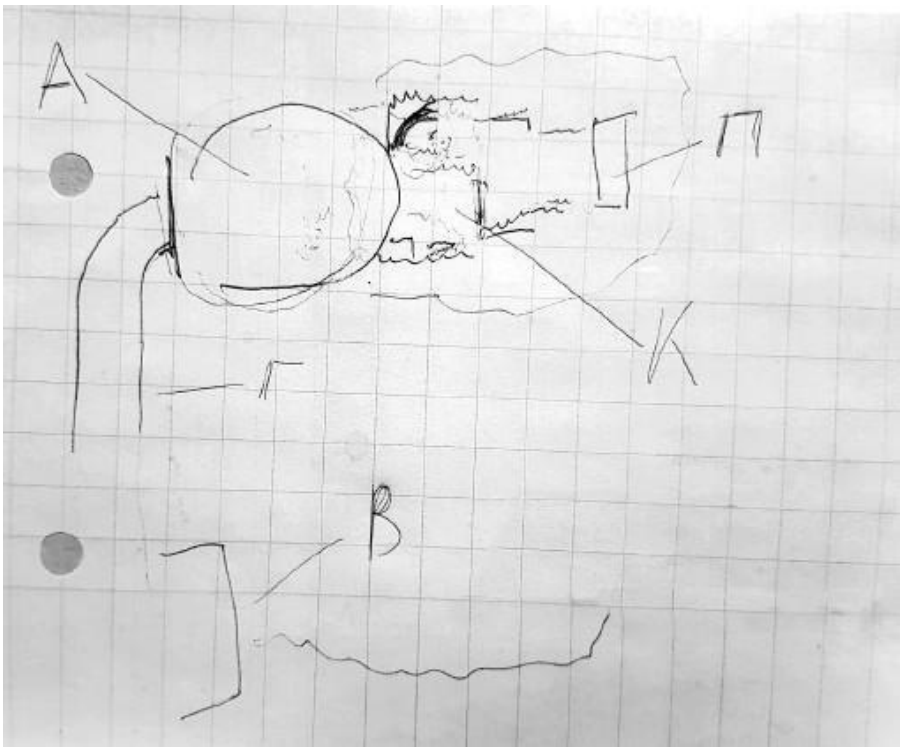
Валдайские будни

Несколько лет назад папа решил, что нашей большой семье стало трудно развернуться на древней даче, и начертил проект домика, где они с мамой будут коротать дни в уединении. Сам начертил! Видимо, пара архитектурных генов русской половины семьи каким-то воздушно-капельным путем передались и ему.

Проект очень стильный. Китайцы назвали бы его «техника дрожащей руки», японцы — «аист лапой».

Однако идея зодчего состояла не в том, чтобы точно начертить условные линии, а чтобы передать суть задачи. А суть такова: маленький прямоугольник (П) — это существующая банька. От нее отходит некое помещение, назовем его коридор (К), который вливается в цирковую арену — гостиную (А). И ведь это не просто проект — это генеральный план! Чертеж не ограничивается пространством здания, он вырывается за его пределы и конструирует картину окружающего ландшафта. От дома отходит живописная Г-образная аллея (Г), которая упирается, как баран, в новые ворота (В).

И что самое удивительное, моя мама построила дом по этому плану!



Скрепы

Правда она добавила пару спален, кухню и балкон (творец не счел эти мелочи заслуживающими внимания, ведь главное — попарился в бане и сесть в круглом зале за круглый стол), но в остальном все, включая ворота, соответствует замыслу «архитектора».

Как видите, сама идея проекта не подразумевает «одинокое

коротание». Если ты хочешь уединения, то зачем тебе «цирковая арена» без спальни? Ну и все! Семья моментально переползла из старинной дачи в «сторожку» при бане, потому что именно там всегда «сервировано», именно там стоит «семейный столик»… И вот мы сидим, едим, выпиваем, подшучиваем друг над другом, а потом собираем посуду в корзины и несем через весь участок в большой дом, где стоит посудомоечная машина.

И вот иду я по дорожкам, где ходил в поход, где наступил на цыпленка, где первый раз сел на велосипед, где залез в свою первую конуру… несу грязную посуду и думаю: «Вот я, человек ненавидящий всякий пафос, неприемлющий псевдосентиментальность, иду с корзиной в старый дом и тихо радуюсь. Больше того, даже мило умиляюсь. (Фу, какая гадость!) Откуда это? Где сарказм? Где наша фирменная семейная ирония?»

И вдруг понимаю: — ДАЧА! Вот она, точка опоры, центр всеобщего притяжения… Вот она, как и ироническое отношение к жизни, ненадуманная семейная традиция.

На этой даче познакомились мои родители, здесь родился и я. А теперь мои дети и внуки с радостью сюда приезжают. И пока эта тропинка вьется, пока еще скрипят старые скрепы — значит, все будет хорошо, все будут счастливы, а семейный столик всегда сервирован.

— Эй! Кто-нибудь видел таблетки для посудомоечной машины?

notes

Примечания

1

В пер. с *англ.* — «мистификация».

2

Донка, или донная удочка, представляет собой комбинацию лески с грузилом (кормушкой) и поводка с крючком, которые забрасываются в водоем и удерживаются на течении за счет веса грузила.

3

От *анг.* free flat — «свободная квартира».

4

Из стихотворения «Бородино» М. Ю. Лермонтова.

5

От *англ.* for sale — «на продажу») — основной вид подпольного предпринимательства в СССР 1950–1980 годов. Фарцовщиками называли тех, кто спекулировал выменянными или перекупленными у иностранцев вещами.

6

Рома. Роман Козак глазами друзей. Составители: Д. Брусникин, И. Золотовицкий, М. Ширвиндт // «Московский художественный театр». М., 2015.

7

От *груз*. ქალბატონი — вежливое обращение к женщине в Грузии.

8

Красиво оформленная коробка для конфет.

9

Длинная корзина из металлической сетки с «дверцами» на пружинах с обоих торцов, предназначенная для ловли рыбы